

СамИздат

Костя, казалось бы, обычный парень. Любимая работа, мечты, планы и целая жизнь впереди. А ещё, он встретил девушку, у которой есть жених. И парень ушел бы в сторону, если бы в её отношениях всё было хорошо. Аню устраивает её жизнь. Она счастлива и строит планы на будущее с любимым женихом. И она оборвала бы всё общение с Костей, но на неё ещё никто и никогда так не смотрел.

•

===== Предисловие или маленькое рассуждение на заданную тему. =====

Если вы впервые заглянули ко мне, то смело переходите к первой главе. Приятного чтения!)

Если же ты, дорогой читатель, обнаружил этот роман в своих избранных и не понимаешь, что это. Пожалуйста не спеши удалять, прежнее название романа “Не судите по одежке”. Автор ожил и роман готов к выкладке

В первой версии предисловия, я долго и нудно рассуждала об изменах. Пыталась понять их причины, сделать какие-то выводы. И вроде даже у меня это получилось, но я не уверена.

Хотя... Порассуждать на тему у меня вроде получилось, а вот сюжет и персонажи. Мм, а дальше запикать.

И вот, спустя (страшно подумать) пять лет, четыре от начала работы над историей? Разобравшись с личными проблемами, скинув с себя хандру и избавившись от нежелания писать, я вернулась. Чтобы размяться решила отредактировать старые работы, и если с одной всё получилось, то эта мне категорически не понравилась. Был уже у меня период удаления рукописей и вот опять.

Признаюсь, был порыв вообще удалить всё, настолько я разочаровалась в себе и том, что писала. Было даже стыдно, что кто-то вообще видел весь этот графоманский бред.

Но это лирическое отступление. Я не хочу привлечь внимание или выжать слезу.

Просто хотела объясниться перед теми, кто ждёт. И спасибо вам, комментарии и письма в личку здорово подбадривали и вытягивали из болота эмоционального выгорания.

Мне нравилась суть, по-прежнему было интересно вникнуть в проблему, но персонажи. Нет, они меня уже не впечатляли так, как когда я только взялась за эту историю. Невнятные, картонные. Главный герой меня и вовсе после прочтения начал раздражать.

Но закончим с нытьём, это не личный блог всё-таки.

Я перезапускаю эту историю.

«Не судите по одежке» теперь будет называться «Я буду рядом». И важная ремарка, история в моих черновиках закончена и полностью меня устраивает, так что с ней я больше не потеряюсь.

Я решила поменять некоторые моменты и написать такой финал, какой я и хотела изначально видеть. Хотела лучше раскрыть персонажей и распутать все клубки этой истории, а не пускать пыль в глаза, нагоняя таинственности, ничего по итогу не объясняя.

Из работы по заявке, взятой только для того, чтобы размяться, история превратилась в

нечто большее для меня. Я постаралась прожить её вместе с моими персонажами.

Хотела рассказать честную историю о дружбе, о любви и ненависти, о боли и потерях и том, какой след в душе они оставляют.

Я старалась дать вам более интересную историю, чем получалась у меня изначально, более целостную и завершённую.

Получилось или нет, решать вам.

Спасибо за внимание и приятного чтения.

Искренне ваша, Элис.

==== Часть 1. Страх темноты. Глава 1 =====

Тишину комнаты нарушало только тиканье громоздких старых часов. Стрелки ползли медленно, не спеша отсчитывая секунды, минуты и часы. Именно этот гулкий мерный звук не давал мне поддаться панике и одновременно раздражал. Я сидела в темной гостиной практически без движения. Сердце билось под стать часам: медленно и гулко. Сама себя сейчас чувствовала куклой. Когда-то любимая игрушка надоела капризному ребенку и была убрана до поры до времени в красивую коробку. Волосы потускнели, пышное платье опало и посерело от времени, а коробка покрылась пылью. Все вокруг застыло, только трепетный огонек свечи и кот, трущийся о мою ладонь мягкой макушкой давали понять — всё происходит взаправду.

Даже в день нашей годовщины домой Глеб не торопился. Я могла бы всё понять, если бы не знала правды.

Телефон зазвонил, как по расписанию. На дисплее высветилось изображение зеленоглазого красавца. Приятная мелодия наполнила комнату, кое-как разогнав гнетущую тишину. В который раз телефонный звонок заставлял сердце больно сжиматься.

— Алло, — натянуто улыбнулась я, отвечая почти без эмоций. А гадкое предчувствие уже скреблось у самого сердца.

— Привет, тут такое дело, — удрученная интонация должна была дать понять, что мужчина и сам не доволен обстоятельствами. — Я задержусь сегодня. Работы много, а потом в бар ненадолго, устал, как собака.

— Ты серьезно? — куда проще мило улыбнуться, сделать вид, что не замечаю развесистой лапши на моих ушах. — Глеб, хотя бы сегодня можно было обойтись без этого?

— Ты опять начинаешь? — моментально вскипает он. Мой мужчина не любит, когда ему указывают, что делать.

— У нас сегодня как бы годовщина, забыл? Я с пар отпросилась и ужин приготовила. Пасту, как ты любишь.

— Я помню, просто не до этого сейчас!

Чувствую себя жалкой, но продолжаю пытаться давить на совесть и клянчить внимание.

— Глеб, я скучаю по тебе. Давай ты сегодня приедешь всё-таки пораньше?

— Я сказал уже. Всё, Ань, не делай мне голову!

Короткие гудки и тишина. Оглушающая, плотная. Тишина высасывала надежду и силы. Забивала уши и горло, не давая слышать и дышать нормально. Только чувства она не трогала, обостряя их ещё больше. Каждый вдох проходил по горлу наждачной бумагой. Сердце билось в агонии, перекачивая кровь вместе с ядом предательства по всему организму.

Первый раз он изменил мне спустя полтора года после начала отношений. Вернее, это

был первый раз, про который я узнала. Я случайно увидела его в компании эффектной брюнетки. Подруга уговорила меня прийти в клуб. Тогда я и поняла смысл фразы: «Счастье в неведении». Бежала оттуда, сломя голову. Утром не выдержала, когда он пришел, высказала всё, что думаю и хотела уйти.

Не смогла. Простила. Почему? Потому что поверила — такого больше не будет. Потому что чувства. Потому, что Глеб смотрел на меня жалобным взглядом, полным, как мне показалось, раскаяния.

Простила, решила забыть. Мне почти удалось это, но потом случилась ещё одна измена. Потом ещё. И ещё.

Однажды я всё-таки ушла.

Ушла, а спустя месяц вернулась. И дело было вовсе не в его положении в обществе или в подарках, которыми он меня задаривал. Он заполнял мою жизнь смыслом. Его присутствие давало мне возможность ощущать себя живой, ощущать себя нужной кому-то. Он вошёл в мою жизнь, когда я переживала тяжелое время.

А ещё я всегда помнила, каким он был, когда наши отношения только начинались. Я надеялась, что у него это просто временный бзик. Верила, что он нагуляется и снова всё будет хорошо.

Что было потом? Вы действительно хотите знать?

Полгода всё было хорошо. А потом я смирилась. Просто закрыла глаза на эти «завалы на работе», на «инвесторов», на «корпоративы» и «выезды на семинары». Поняла, что такова его натура и смирилась. Просто приняла, как обычный недостаток.

Зря? Надеюсь, что нет. Дура? Может быть.

Первый раз я проплакала всю ночь, даже не проплакала, а провыла белугой. Тогда было больнее, острее что ли. Как если бы разрезали без наркоза, да и зашили тупой иглой и не слишком качественно.

Сейчас тоже больно, но уже не так. Если регулярно принимать небольшое количество яда, организм вроде как становится менее восприимчивым к нему. Вот и у меня выработался своеобразный иммунитет к изменам.

Утерев текущие по щекам слезы, я снова взяла в руки телефон.

— Привет, Лерка — вздохнула я. — Ты дома?

— Сегодня да, — зевнула девушка.

— Можно я к тебе приеду? — голос кажется, дрогнул.

— А как же ваш вечер при свечах? — удивилась она.

— А, никак, — пожалала плечами, давая понять, что не очень хочу говорить об этом.

— Вот зараза! — ворчала я себе под нос. Умудрилась проехать нужную остановку, да и опомнилась поздно. Через сплетение дворов и хаотично стоящих домов пришлось пробираться на своих двоих. Дубльгис обещал скорый конец пути.

Редкие фонари закончились еще за поворотом и я, замерев на секунду, нерешительно вступила в темноту двора. Всё же срезать путь — решение опрометчивое, как всегда с опозданием поняла я.

Стыдно, конечно, но всегда жутко боялась темноты. Черные провалы закоулков внушали неподдельную панику и желание унести ноги поскорей. Казалось, что невидимые монстры крадутся за тобой и уже тянут когтистые лапы и зубастые пасти. Каждый шорох заставлял сердце пускаться в галоп и сжиматься от липкого страха. Каждый кустик или

поворот непременно таил в себе дверь в потусторонний мир, полный холода и ужаса.

Поддавшись бурной фантазии, я не сразу заметила стайку представителей местной фауны. Четверо парней расселись на лавочке, как воробьи. Они увлеченно гоготали над чем-то своим, передавая по кругу бутылку пива.

— Пацаны, гляньте, кого к нам занесло! — когда четыре пары глаз облепили меня, я окончательно поняла, что встряла. От мерзкого «кис-кис» холодок пробежал по спине.

— Не бойся, мы хорошие, — засмеялся один из них, слащаво и гадко, — ну что ты, иди к нам.

Обступили, медленно приближаясь. Торопиться им было некуда. Мерзко хихикали, отпускали сальные шуточки, но нападать не спешили. Парни беззастенчиво упивались моим страхом и собственной властью. Кричать и звать на помощь бесполезно, максимум кто-нибудь выглянет в окно и крикнет, что вызовет полицию. Бежать — только забавлять их ещё больше.

Я замерла, стараясь не делать резких движений, чтобы не спровоцировать их. Глаза шарили в поисках путей отхода, но страх, вязкий и липкий, намертво приклеивал ноги к тротуару.

Резкий белесый свет фар озарил двор. Шорох шин по асфальту заставил ещё больше сжаться в ожидании худшего, но в тот же момент дал слабенькую надежду на благополучный исход.

— Проблемы? — из остановившейся машины вышел парень. Совсем молодой и внешне мало чем отличающийся от этого славного квартета, насколько я смогла разглядеть его в темноте.

— Норм всё, да, подруга? — коренастый бесцеремонно прижал меня к себе, обдавая запахом перегара. Я невольно сморщилась, отворачиваясь от него, насколько было возможным.

— Что-то не похоже, — хмыкнул новоприбывший, — девушку отпусти.

— Реально, пацаны, вы же видите, она от вас явно не в восторге, — второй парень, меньше ростом, но шире в плечах, вышел из машины и встал рядом со своим товарищем.

Они спокойно стояли, глядя на нашу странную компанию. Не было в их позах ни напряженности, ни страха. Казалось, что такая ситуация для них дело обычное, может, хобби у них такое — спасать девиц от гопоты.

— Да не парься, и вам достанется. Ток, чур, после нас, — стайка разразилась громким гадливым смехом, но того, что произошло дальше, они явно не ожидали.

Земля ушла из-под ног. Не обращая внимания на ушибленные колени, я прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать. Хотя звать на помощь, единственное, что пришло в голову. Стало страшно, их всё-таки вдвое больше.

Но в свете фар долговязая фигура приобрела гибкость и словно налилась силой. Нескладный на первый взгляд парень ловко уворачивался и сбивал с ног противников. Судя по их воплям, удары были неслабые. Вдвоем парни прекрасно дополняли друг друга, становясь одним целым, не имеющим недостатков и слабых мест.

Но сумасшедшая пляска длилась недолго.

— Осторожно! — вырвался мой испуганный вопль, но было поздно.

Короткий взмах руки, блеск металла. Четверка бросилась врассыпную, а долговязый парень сполз на землю, держась за живот.

— Кот, терпи. Сейчас в больничку едем! — коренастый суетился вокруг друга,

судорожно соображая, что делать. Он то хватался за телефон, то бросался к раненому.

— Макс, вытащи из меня эту хрень, — шипел парнишка, тяжело дыша.

— Стой! — от внезапности он одернул руку, но ничего вытащить не успел.

— Отвали! Если бы не ты! — злобно прошипел он, отталкивая меня.

— Я медик. Да не трогай, нельзя вытаскивать! — пришлось прикрикнуть, чтобы он дал осмотреть своего товарища.

— Тихо, тихо, — успокаивающе произнесла я, стараясь говорить спокойно и уверенно. — Я только посмотрю.

На лице парня выступили бисеринки пота. Пальцев коснулось что-то теплое, куртка пропиталась кровью. Небольшой раскладной нож вошел в живот слева, раздеть бы парня и осмотреть, чтобы знать точно.

— Вытащи, пожалуйста, — сквозь зубы прошептал он.

— Нельзя, — сказала твердо, сама удивляясь своему спокойствию. — Не хватало, чтобы ты тут кровью истек. Всё будет хорошо, слышишь меня?

— Да, — сжав зубы, выдохнул парень. Темные глаза широко распахнуты, смотрят на меня без испуга. Шок не иначе.

Я придерживала живот парня, стараясь не давить слишком сильно.

— Скорая долго будет ехать, нужно в больницу срочно.

Второй парень согласно кивнул и помог уложить раненого в машину.

Машина летела по ночному городу. Парень постоянно оглядывался назад на своего друга. А я держала его полулежа на коленях и гладила по голове.

Поджарая грудь рвано вздымалась, он находился на грани сознания. Парень периодически проваливался в забытье, тогда приходилось тормозить его, чтобы не уснул совсем.

— Держись, скоро уже будем на месте, — тихо говорила я, — там о тебе позаботятся.

Я вернулась домой ближе к утру и, раздевшись, рухнула в постель. До подруги так и не добралась, лишь позвонила и предупредила, что не приду. Ночь и без этого выдалась слишком насыщенной. Сначала эти горе-гопники, потом эти двое. Если бы не они, мой потрепанный труп нашли бы где-нибудь в лесополосе.

Меня сильно трясло. Руки не слушались, всё тело мелко дрожало и покрывалось липкой испариной. В экстремальных ситуациях мне всегда удавалось сохранить относительное спокойствие, но после меня накрывали последствия адреналинового удара. В тот момент ещё мучило чувство вины, как никак, а парень получил ножевое ранение из-за меня. А ведь мог просто проехать мимо, и всё было бы с ним хорошо, а теперь лежит в реанимации. Успокаивало, что врач давал весьма благоприятный прогноз.

В этой суматохе мыслей, я не заметила, как начали слипаться глаза. Меня придавила сковывающая, парализующая усталость, и я забылась глухим сном без сновидений.

===== Глава 2 =====

— А точно эта больница? — переспросил я, оторвав взгляд от ворот.

— Спроси ещё раз, — проворчал Макс, вертя в пальцах зажигалку. — Точно она, вон же на бумажке адрес, посмотри сам, если мне не веришь.

— Да верю я, верю. А ты точно её узнаешь?

Он медлительно оторвался от созерцания кусочка металла в руке и перевел усталый взгляд на меня.

— Конечно, узнаю. Ты мне лучше вот что скажи, зачем всё это?

— Что именно? — удивился я.

— Зачем ты попросил её найти?

Я пожал плечами. Как-то не думал о причинах, просто хотелось и всё.

— Нет, серьезно? У тебя ливер только зажил, а ты целенаправленно ищешь человека, из-за которого всё приключилось. Мазохизм какой-то.

Тут я мог и поспорить, но спорить с Максом — дело гиблое. Эта девушка не виновата, что тем придуркам было нечем заняться. Ровно как и в том, что я не уследил за руками.

— Или девчонка так понравилась? — не унимался брат. — Нет ну она симпатичная, но ничего особенного.

Двор был тёмным, да и не до рассматривания особо было, когда те мрази её щемили. А дальше был выброс адреналина в кровь. Я не сразу понял, почему они бросились в рассыпную, только ощутил острую боль в боку. Дальше настал туман, от боли застилало глаза, а сознание то и дело отключалось. Воспоминания всплывали обрывками.

Чьи-то теплые руки крепко, но аккуратно удерживали меня. Кто-то говорил со мной. Слов не помню, а голос... если услышу — узнаю сразу. Мягкий и низкий, он успокаивал и убаюкивал.

Светящийся ореол вокруг головы, ощущение полета... Я решил, что умираю, но не было страха, потому что в руках меня держал ангел.

— Твое геройство однажды тебя убьет, — проворчал Макс, оторвав меня от воспоминаний.

Тоже мне «геройство». В любом случае, если отмотать время назад, я поступил бы так же. Разве что удар не пропустил. Сейчас хотелось поверить в судьбу. Может, не зря гайцы терлись именно на этой улице? Может, не просто так именно этот двор оказался по пути? А ножевое, ну, а что теперь поделаешь? Кишки на месте, желудок заштопали, да и зажило уже всё.

— Да брось ворчать, Сизый, — я легонько ткнул брата кулаком в плечо. — Всё же хорошо. Да и для девчонки мы теперь герои.

— Ну да, Супермены! Ёлки палки, — он вытянул руки в характерном жесте и театрально продекламировал, — Этому городу нужен новый герой!

— Это даже не его слова, — заржал я, глядя на физиономию самопровозглашенного супергероя.

— Да срать, — отмахнулся он. — Погоди-ка! Вон она.

Девушка вышла за ворота, огляделась по сторонам и, нахмурившись, взялась за телефон.

— Так, пожелай мне удачи, — выдохнул я, потянув ручку двери.

Сыпал мелкий дождь вперемешку со снегом, делая стылую погоду ещё более мерзкой.

Ореол вокруг головы мне не привиделся, видимо, свет так падал. Подсвечивая светлые волосы.

Она вся была светлая, даже выделялась как-то особенно из всей окружающей серости.

Я направился к ней резво, но взгляд, вскользь коснувшийся меня, сбил всю прыть. Никогда не видел таких огромных глаз. Два океана — уйдешь в них с головой, а там, и утонуть недолго.

— Здрасти, — брякнул я, когда подошел ближе.

Баран! Мысленно обругал я себя.

Серьезно? «Здрасти»! Ты что, в первом классе? И что теперь? Нашел я её, приехал, а что дальше? Надо было хоть цветы прикупить или конфеты какие. Или что там принято дарить девушкам? Блин. Чего там Макс сказал — ничего особенного?

— Вы очень красивая.

Слова, как продолжение мыслей вылетели помимо моего желания.

— Простите? — она обернулась, подозрительно рассматривая меня.

— Черт, я не то хотел сказать, — идиот! Внутри себя я взвыл. — Простите, то есть. Вы, правда, очень красивая. Аня, вы не подумайте ничего...

— Вы... Мы разве знакомы?

Девушка старалась держаться на расстоянии. Не шарахалась, как от прокаженного, но всем видом демонстрировала свою настороженность. Стоило мне сделать шаг, как отступала от меня. Не удивительно, спасибо, что санитаров не вызвала.

Чёрт, до чего же она хорошенькая. Залюбовавшись, ощутил, как губы против воли расплзаются в широкую идиотскую улыбку.

Девушка менялась в лице. Настороженность трансформировалась в неприязнь. Я слишком долго и откровенно пялился на её коленки. Те самые, на которых лежала моя голова.

— Я. Мне. Мы, — да ну нет, соберись ты уже! Хотелось дать себе леща, да покрепче. Дар речи слал меня, не желая возвращаться. Я изо всех сил пытался выдавить хоть что-то связное. — Как сказать. Однажды вы спасли мне жизнь.

— Весьма глупый способ знакомства, — она вроде и расслабилась, но легче от этого не стало. Я понял, что начинаю её раздражать. Да уж, сказать что-то связное вышло хреново.

— Черт! — вырвалось отчаянное. Выглядел, наверное, глупо, сам был неприятно удивлён, что и двух слов связать не выходит. — Я... Это не подкат. Правда. В парковом. Почти месяц назад. Я с другом был, помните?

— Вы? Подождите, вы, Кот? — она пристально смотрела на меня, русые бровки мило хмурились.

Я кивнул. Супергероев должны звать как-то более по супергеройски, но мне и так сойдет. Она улыбалась и делалась ещё красивее. Такая теплая, настоящее солнышко.

— Ага. Меня так друзья зовут, а вообще я Костя.

— Господи, я вас не узнала! Вы казались мне как-то меньше, — она засмеялась, разглядывая меня. — Что я несу! Простите. Как вы, вас уже выписали?

— Ага, всё хорошо.

«Повезло тебе с ангелом-хранителем», — так сказал док и не слукавил. Мой Ангел обратился миниатюрной блондинкой, весьма привлекательной.

— Благодаря вам. Доктор сказал, если бы нож вытащили, то я бы не доехал до больницы даже.

Она кивала, внимательно слушая. Девушка сама, наверняка, всё это знала. Макс рассказал, что она ждала в больнице, пока кончится операция и потом долго разговаривала с хирургом, просила уделить мне особое внимание.

— Спасибо вам, Аня, — с опозданием я понял, что обращаюсь к ней на вы. Черт знает почему, как-то вылетело само.

— Перестаньте, за такое не благодарят, — она смушалась. Щёчки заливал обильный

румянец. До чего же мило это выглядело. — Это... Это моя работа.

— Я... Могу я пригласить вас куда-нибудь?

— Нет, не стоит. Моему жениху это вряд ли понравится.

Да ну, нет. Мир не рухнул, конечно, но я ощущал досаду. Всегда что ли так? Стоит встретить красивую девушку, и она непременно замужем или парень есть, или жених.

— Ну, тогда... Тогда давайте я вас отвезу домой хотя бы? Погода, сами видите.

— Нет-нет! Не стоит беспокоиться!

— Но ведь я ваш должник.

Она хотела отшить меня, но что-то мешало послать на три буквы, а я пользовался её воспитанностью и цеплялся за остатки внимания. Отчаянно не хотелось, чтобы всё закончилось вот так.

Замешкавшись, я вынул бумажник и протянул ей визитку.

— Ремонт авто? — удивилась девушка, ещё раз оглядев меня с ног до головы.

— Там номер, если вдруг. Мало ли, — дебильная привычка пожимать плечами, как нервный тик. — Блин. Я хотел сказать, если вдруг вам понадобится какая-либо помощь, можете звонить в любое время.

— Я не думаю...

— Оставьте, мало ли что.

Пришлось буквально вложить визитку ей в руку. Маленький кулачок оказался в моих руках, несмотря на собачий холод, стало жарко. Щёчки и ушки девушки окрасил густой румянец.

— Спасибо. Мне... Мне пора.

Она выдернула руку, а казалось, выбила землю из-под ног. Собственно, а чего я ждал, влезая в личное пространство?

Сделав несколько поспешных шагов, она остановилась и обернулась. На губах играла всё та же смущенная улыбка.

— Костя! Берегите себя.

— Вы тоже.

Девушка шагала в другой конец стоянки, я же не мог оторвать глаз от симпатичной фигурки. Чересчур худенькая для её роста, почти невесомая, казалось, плывет, едва касаясь асфальта. Светлое объемное пальто делало её еще более хрупкой.

Девушка поравнялась с притормозившей машиной. Из синего Каена вышел какой-то тип. Говорил что-то, агрессивно жестикулируя и преграждая ей дорогу.

Сжав губы, я свистнул, как можно громче, когда он начал хватать её за руки.

— Э! — направился к ним. Они замерли, блондин на меня даже не посмотрел. — Мужик, ты бы отвалил от девушки!

— Тебя забыл спросить. Иди куда шел, — бросил грубо, продолжая удерживать девушку. — Давай, садись в машину.

Отутюженный блондин, лет тридцати-тридцати пяти. Судя по костюму и часам, не из бедных.

Аня посмотрела на него, потом на меня. Я запоздало сообразил, что они знакомы. Она не была испугана, как в ночь нашей первой встречи, сейчас скорее была раздражена.

— Пусти, говорю! Устроил тут, — бросила она блондину и обратилась уже ко мне, не подавая вида, что мы знакомы. — Всё в порядке, извините за беспокойство.

Направилась к пассажирской двери.

— Глеб, поехали уже домой.

Пара укатила в неизвестном направлении.

— Костян, ты сбрендил? — Макс образовался рядом. — Я уже опасался, что в драку полезешь.

— Не совсем же я отбитый, да и чего он её хватает?! — я не раздумывал в такие моменты, на дух не переношу беспредел.

— Ты опять?

— Чего опять, ну чего?! Мне чего стоять, и смотреть надо было, по-твоему?

— Это же её бойфренд, наверное, чего лезешь не в своё дело? — Макс грубо сплюнул. Злился на меня, ноздри так и раздувались.

Я не всегда прислушивался к нему. Внутри ещё сидел подросток, которого бесили нравоучения, и всё же Макс говорил дельные вещи, но в тот момент я был с ним совершенно не согласен.

— А на нём что ли написано?! Да и чего, раз бойфренд, то теперь всё можно что ли?! — сам понимал, что вскипаю, но остановиться не мог.

— Всё, остынь, — Макс примирительно похлопал по плечу. — Поехали, и так тут задержались.

Комментарий к Глава 2

<i>Вечером новая глава</i>

===== Глава 3 =====

Лера вела машину, периодически кидая на меня пытливые взгляды, а её любопытство не могла скрыть даже напускная хмурость.

— Да оставь ты уже в покое несчастную ромашку! — не выдержала молчания девушка.

— Это гербера! — буркнула я, теребя хрупкие лепестки.

Цветы мне передала Марина, одна из медсестер приемного покоя, от некоего молодого человека. Если в первый раз ничего конкретного мне объяснить не смогли, то сегодня коллега описала дарителя, как очень высокого молоденького bruneta в бейсболке. Так что вариант, что это Глеб так хочет освежить наши отношения, отпадал. К тому же в этот раз к букету прилагалась записка. «Спасибо» было выведено печатными буквами, западающими чуть влево.

— Я вижу, что не фикус, — девушка как-то уж очень хитро хихикнула и добавила доверительным тоном: — Не нервничай, ты же знаешь, что можешь мне всё рассказать, ничего не утаивая.

— Ты сейчас говоришь как психотерапевт, — усмехнулась я.

— Только не пытайся увильнуть. Цветочки точно не от Глеба, — давая понять, что просто так мне не отделаться, она продолжила. — Так что давай, кайся!

— Да тут и каяться не в чем. Просто подарок от благодарного пациента.

— А то, как же. И с каких пор постовым медсестрам пациенты цветы дарят? Да ещё и второй раз за неделю.

— Не за неделю! — с передачи первого букета прошло дней десять.

— А? — настырная кума не собиралась останавливаться. Моя реакция её только веселила. Мои щёки вместе с ушами пылали от смущения.

— За две недели. Блин, я же уже рассказывала! Зимой, когда к тебе шла.

— А-а! Когда на гоп-стоп чуть не нарвалась? Так это кто-то из тех мальчиков, которые спасли тебя? — кое-кого прорвало. Я улыбнулась. Хорошо, когда собеседник сам же и отвечает на свои вопросы. — О, это так мило!

«Милый». В памяти всплыло то утро, когда молодой человек поджидал меня у больницы. Вламывался в личное пространство, буквально впихивал свою визитку и нагло пялился на мои ноги. И в тоже время откровенно смущался и не пытался скрыть этого. Говорил невпопад, кусал губы, и глаза постоянно бегали, волновался он, что ли.

Забавный такой. Бейсболка набекрень, куртка нараспашку. Глаза, я не смогла сдержать улыбку. Темные, притягательные.

— Гляжу, на горизонте появился принц на белом коне? — Лерку вся эта ситуация только забавляла.

Я прыснула со смеха, представив парня в доспехах поверх спортивного костюма.

— Ага, скорее на черной Приоре, — утерла я выступившие от смеха слезы. — Скажешь тоже. Никакой он не рыцарь, простой парень.

— Ну, это как посмотреть, — подруга начала загибать пальцы. — Цветы дарит? Дарит. От хулиганов спасает? И это есть. А что до машины, так время такое — кони не в моде. Ты мне только скажи, а Каен глебовский уже значит всё, не фурычит?

— Лера! — она не хотела меня смущать, разве что чуть-чуть, но звучало слишком гадко. — Ты стала такой же пошлячкой, как твой муженёк!

— С кем поведешься, — оправдываясь, она развела руками.

— А где он собственно? Он же сказал, что сам отвезет меня. Он где сейчас вообще?

Лера поджала губы и ничего не ответила. Взгляд помрачнел, а от лучезарной улыбки не осталось и следа. Выглядело так будто она крепко задумалась.

— Всё в порядке? Я что-то не то сказала?

— О, нет-нет. Всё нормально. Он поздно приехал с работы, поспал немного и опять уехал.

— Тогда понятно.

— Он последнее время много работает. Можно сказать, живет на работе. Ну, оно и понятно. Начальник склада, большая ответственность.

Складывалось ощущение, что говорит она это для себя. Слишком сильно она изменилась в лице.

— Прости, я что-то немного затупила. Я немного скатываюсь в паранойю. Просто последнее время среди знакомых много разводов. Неверные мужья и всё такое. Ой, извини... Я...

— Да ничего. Всё в порядке, — отмахнулась я. За что извиняться, если прощать измены — мой сознательный выбор.

Глядя на Леру с Пашей, во мне всё же рождалась надежда, что однажды Глеб успокоится. И будет у нас дом — полная чаша. Что однажды он поймет, что ему не нужны другие и будет делить постель только со мной. Хочется верить, что настанет время, когда я буду с радостью возвращаться домой.

— Ты как обратно-то? — отвлекла меня от раздумий подруга.

— Доберусь на автобусе. Тепло же.

— Смотри, а то Паше звони, если что. Я бы сама тебя подождала, но через час у меня встреча, а вечером поезд на Тюмень. Надо по работе скататься.

— Ты надолго?

— Нет, дня на два.

Свернув с трассы, машина преодолела полевою дорожку и остановилась у ворот нового кладбища. На теплой ноте мы попрощались. Лера уехала, а я осталась в тишине, которая усиливалась по мере того, как я углублялась в умиротворяющую тишину погоста.

Рабочие установили оградку. Расплатившись с ними, я прибралась на могилке и направилась к остановке. Нужно было добраться до родного города.

Шла тихим шагом. Хотелось немного развеяться, прогнать из головы мысли, причиняющие боль.

Кажется, как будто это было вчера. Сумбурный болочий год. Страшная авария, в которой мама едва выжила. Сначала длительная кома, потом тяжелое восстановление. А потом поврежденная нога начала болеть. Врачи не могли найти причину, списывали все на отголоски травмы. Когда поставили окончательный диагноз, было уже поздно. Рак сожрал маму за десять месяцев. Меньше чем за год от неё не осталось ничего, кроме бледной тени.

Я старалась не вспоминать всего того что пришлось пережить тогда. В моменты отчаяния я вспоминала её смех. Вспоминала наши разговоры. Вспоминала, как она обнимала меня и заплетала красивые косы. Мне так было проще, просто помнить только хорошее.

Автостанция встретила меня освещенной платформой и запертой дверью. После кладбища я должна была встретиться с жильцами и забрать деньги за квартиру за этот месяц. Ждать их пришлось долго, но на последний автобус я успевала.

— Да ладно? — расстроилась я.

— Вы мне? — отозвалась женщина, что шла мимо.

— Нет, извините. А вы не подскажите, автостанция не работает уже?

— Так ведь автобус последний уехал, и она закрылась. А вам куда надо?

— В Челябинск.

— Тогда это в Тимофеевку надо. После девяти с Розы идет автобус.

Телефон показывал начало десятого. Я ринулась к остановке, успевая на отходящую маршрутку, но на этом моя удача закончилась.

Автобус уже отъезжал, когда я вышла из маршрутки. Как я не махала руками, привлекая внимание, он не остановился.

Растерянно плюхнувшись на лавку, я старалась отдышаться. От непродолжительного бега в боку кололо, а щёки горели. Вечерняя прохлада медленно опускалась на пригород вместе с сумерками.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны обслуживания» и так три раза подряд. Глеб был настолько занят, что даже телефон выключил. У Паши были только гудки.

Вырвался жалобный вздох. Я никогда не могла проделать путь до дома без приключений, и опоздание на автобус это так, считай небольшое приключение.

Телефон издал жалобный звук, демонстрируя тающий заряд батареи. Стоило вызвать такси, пока он не сдох окончательно.

— Да ну нафиг! — вырвалось у меня.

Такси стоило вызвать, но я медлила. Уставившись на визитку с изображением яркосиней машины, я металась между чувством неловкости и желанием позвонить. Последнее, что я хотела — провести ночь на улице, но было страшно неудобно беспокоить чужого человека. Мало, кто обрадуется переться к черту на рога, да еще и поздно вечером.

Набрала номер и слушала гудки, затаив дыхание. Ну, если пошлет, буду думать дальше.

— Да! — голос грубо рывкнул. Я вздрогнула от неожиданности и растерялась еще больше.
— Алло?

— Здравствуйте! Константин, это Аня. Из паркового. Вы оставили мне свой номер.

Молодец, «Аня из паркового»! И на что это похоже? Оторвала парня от дел, да еще и несу, не пойми что.

— Из Паркового? — задумчиво отозвался он. — А, Аня! Здравствуйте, честно уже и не надеялся снова услышать, но рад. Что-то случилось?

— Простите, что отвлекаю вас. Мне, правда, очень-очень неловко, — говорить стало чуточку проще. Он меня узнал, голос потеплел и уже не звучал так резко, но неловкость момента нервировала. — Тут такое дело... Представляете, была по делам в Коркино и умудрилась опоздать на последний автобус. Вот сижу сейчас на остановке и не знаю, как быть.

— На какой остановке?

— В Тимофеевке.

— Понял. Оставайся там, я скоро буду.

— Хорошо, спасибо вам огромное, — даже сообразить не успела, а ответить нормально тем более.

— Я еду, если вдруг что, сразу звони.

От сказанного стало спокойнее. Я и звонила, чтобы попросить о помощи, но не надеялась, что парень вот так просто, без лишних вопросов, согласится приехать за мной.

Снова зазвонил телефон, неужели Глеб увидел пропущенный и опомнился?

— Ань, привет! Звонила? Я на выезде был, не мог говорить.

Это был не Глеб, и по правде сказать, перезвонившего я была больше рада слышать.

— Привет. Да, я днем в город приезжала, хотела к тебе зайти.

— Уехала уже, да?

— Да почти.

Вкратце рассказала о своей везучести. Олег даже будто повеселел. Мы часто созванивались, но видеться выходило не часто — взрослая жизнь та ещё гадость.

— Так это, я могу отвезти тебя, заодно и поболтаем.

Вдали послышался нарастающий гул. Я высунулась из-за остановки, басила машина. Поморгав фарами, она начала притормаживать.

— Олеж, за мной уже приехали. Не беспокойся.

Хоть водителя видно не было, номера я запомнила еще в прошлую встречу. Это был Костя.

— Ну, как скажешь. Если что, звони.

— Конечно, спокойной ночи.

Я сбросила звонок и помахала своему спасителю.

— Прости, я маленько задержался, — парень буквально выскочил из машины. Обоняние уловило приятный запах туалетной воды и ещё чего-то, так же пахло в гараже у Олега. — Что ты тут забыла в такое время?

— Я вообще отсюда. Квартиру проверяла, на кладбище была, — это, наверное, было лишним. Должна признать, я волновалась и поэтому несла всё подряд только бы избежать неловких пауз. — Долгая история.

— О, понятно, — он открыл дверь и жестом пригласил меня в машину. — Садись, наверное, замерзла?

— Немного. Спасибо большое, если бы не вы...

Машина заурчала и плавно тронулась. Костя убавил включившуюся музыку.

— «Ты», — мягко поправил, бросив на меня озорной взгляд из-под бровей. — Думаю после всего, что между нами было уже пора перейти на «ты».

Двусмысленная фраза, звучала, как шутка, и всё же я ощущала, как щёки начинают пылать.

— Ну да, — чтобы скрыть смущение, я полезла в сумочку. — Сколько я тебе должна?

Достав кошелек, я наткнулась на тяжелый взгляд парня.

— Убери, — коротко бросив, уставился на дорогу.

— Но...

— Знаешь, я знаю, как минимум три способа расплатиться, — он облизал губы и лукаво посмотрел сначала на мои колени, а потом мне в глаза. В какой-то момент я начала чувствовать себя голой, как будто от его взгляда джинсы и куртка могли раствориться.

— Ты сейчас на что намекаешь? — внутри всё сжалось, по спине пробежался гаденький холодок. Ни о чем таком не подумала и позвонила, и теперь одна в машине с малознакомым парнем на пустой трассе.

— Я не намекаю, говорю как есть. Деньги меня не интересуют, а вот ты, — опять закусил губу, скользнув взглядом по телу. — Ну, так как ко мне поедem или тебя устроит здесь?

Меня передернуло, когда дошло, на что же он так бессовестно намекает. Столько фамильярности в тоне. Он казался мне милым и более честным что ли, а тут такое разочарование. Хотя, едва не вырвалось ругательство, я его совсем не знаю.

От наглого взгляда, я сжалась, а парень расплылся в довольной улыбке и рассмеялся.

— Прости. Я. Меня иногда несёт, — уловив мою растерянность, он начал оправдываться.

— Ты! Что за шутки ещё?! — вспыхив, я прикрикнула на него.

Захотелось треснуть чем-нибудь по дурной головушке. Я хлопнула его по плечу, только больше забавляя. Он залился добрым, удивительно звонким смехом.

— Я больше так не буду, правда. Подумал, забавно будет, но действительно не в тему. Извини, — во взгляде уже не было и намека на непристойности.

— Да уж. Я, по-твоему, кто?

— Прости. Я ничего такого в виду не имел. Тем более не хотел тебя обидеть. У меня тут есть кое-что, — он потянулся назад и вытянул коробку. — Вот, в качестве извинений.

— Не стоило, — мы выехали на освещенную часть трассы, я рассмотрела содержимое. — Это же «Снеговик»! Костя, как ты узнал, что это моё любимое пирожное?

— Я экстрасенс, — улыбнулся он. — Шучу, просто листал твою инсту.

— О, это действительно мило. Требую, чтобы ты поделился со мной сии дары!

Внезапный пикник устроили на берегу озера.

Сидели в машине, уплетая пирожные, запивая их жутко сладким чаем из термоса. Тихо бубнил магнитофон. Сквозь приоткрытые окна проникало мелодичное пение птиц и свежий воздух прохладной мартовской ночи. Чуть поодаль у берега сидели рыбаки и пахло ухой.

— Значит, ты медсестра? — любопытствовал Костя. Он ненавязчиво переводил разговор с вопросов о нём, было что скрывать или просто скромничал?

— Вообще, я фельдшер, но да, работаю медсестрой.

— А чего так, не нравится?

— Да не то чтобы, — копируя его, я пожалала плечами. — Я работала на скорой, но там больше нагрузка, и с учебой совмещать было бы тяжело. Да и с практикой тут удобнее.

— Мне кажется, это что так, что так тяжело. Очно же?

Я кивнула:

— Сейчас уже нормально. До третьего курса, да, на время экзаменов приходилось брать ученический отпуск даже.

— И кем ты будешь после универа?

— Академии, — автоматом вырвалась поправка. — Сразу после, врачом. Потом пойду в интернатуру, хочу стать хирургом. Дальше в ординатуру, но с узким профилем пока не решила.

— Не слабо, — Костя хмыкнул уважительно. Как ни странно не спрашивает о боязни крови, не говорит, что это не женская профессия и, что учиться всю жизнь это долго и скучно. — Стоит учеба дофига, наверно?

— Да, но я выиграла в конкурсе и учусь по направлению бесплатно.

Заявляю об этом не без гордости. Глеб в меня не верил, когда я объявила, что подала заявку. Старший брат и Лера подбадривали, но как потом признались, не верили в успех. Я и сама не верила, боялась. Поступить на бюджет мне казалось нереальным, а уж пройти отбор от департамента здравоохранения и подавно. Олег поддерживал, так верил в меня искренне, что эта вера и мне передалась. На руку сыграло полученное образование и личные заслуги.

— Круто, — парень, кажется, восхищен, самолюбие тешит такая реакция. — Слушай, так у тебя и погоны будут получается?

Я смеюсь, такого ещё никто не спрашивал. Правое бедро начинает слабо ныть.

— Нет, Кость. В нашей академии нет военной кафедры. Так что я обычный рядовой или рядовая, но военный билет да есть, ещё после колледжа получала. А ты как, учеба, работа?

— Да так, ничего выдающегося, — отмахнулся смущенно. — Погоди, у тебя тут...

Длинные пальцы коснулись щеки. Я вздрогнула, надеясь, что Костя этого не заметит, по телу разбежались мурашки. Никогда бы не подумала, что прикосновение шершавых пальцев может быть таким ласковым.

— Крем, ты измазалась. Ты, что-то говорила.

— Да, — промямлила.

О чём я там говорила, уже и не вспомнила. Мысли разбежались врассыпную. Хотелось большего, чтобы не только лица коснулся. Внезапное желание испугало, мне не пятнадцать лет и даже не двадцать, меня не должно так будоражить одно легкое аккуратное прикосновение, но дыхание уже предательски сбилось, а колени дрожали.

— Думаешь, стоило поехать ко мне? — игриво вздернул брови. Темный пристальный взгляд. Он обжигал и завораживал, смотрел в самое сердце, и казалось, мог увидеть все тайные мысли. — Прости, ты зависла. Хотел встряхнуть.

— Ну, ты... Вообще! Встряхнул? — мой голос дрожал и хрипел сильнее обычного.

Хотелось отругать его за то, что позволил себе это прикосновение, но вовремя сообразила, как тупо бы это выглядело. Я испачкалась, а он всего-навсего вытер крем.

Элементарная вежливость, а я уже придумала себе черте что.

— У меня вообще-то есть жених!

— Серьёзно? И где же он сейчас? — бросил Костя, не пытаясь смягчить тона.

Молодой человек посмотрел на меня беззлобно и устало. Отвернулся, уставившись на

линию горизонта, барабана пальцами по рулю. Стало даже не неловко. Стало по-настоящему стыдно. Он уже дважды приходит мне на помощь, а я его всё больше раздражаю.

— Костя, — я легонько коснулась его плеча, боясь, что он скинет руку. Он вздрогнул и смущенно посмотрел на меня. — Я... Спасибо тебе большое. Спасибо за сегодня. И за цветы, очень красивые. И за то, что тогда не проехал мимо.

— Любой нормальный человек поступил бы также, — ответил он, заводя машину. — Время уже много. Поехали, отвезу тебя домой.

===== Глава 4 =====

Сквозь сон слышалось протяжное «А-аня». Глаза не желали открываться. Попыталась не подавать вида, что проснулась, но меня продолжали настырно теревить за плечо.

— Ань, просыпайся.

— Чего тебе, окаянный? — простонала я.

Кое-как удалось разлепить веки, чуть приоткрыв не желающие ничего видеть глаза. За окном было пасмурно, непонятно день или уже вечер.

— Вставай, я вижу, что ты не спишь, — надо мною стоял Глеб. Вид его, взвинченный и суетливый, не предвещал ничего хорошего.

Вытянув из-под подушки телефон, я глянула на время.

«Kotmyr» нравится ваше фото, оповещение вызвало улыбку. Костя продолжал следить за моими соцсетями.

«О, это так мило!» — сказала бы Лера. Так оно и было, даже не общение, что-то похожее на флирт в сети. Парень только перелайкал мои старые фото и продолжал лайкать новые.

— Аня, ты меня вообще не слышишь что ли? — возмущенный Глеб оторвал меня от мыслей. В какой-то момент мне даже показалось, что опять начинаю засыпать. Так, что хотела от телефона? Точно время.

— Глеб, ты издеваешься что ли? И вообще, ты почему не на работе?

Я не проспала и часа. С суток помчалась сразу на пары, а после хотела спокойно поспать, пока Глеб не пришел домой.

— Я отработал уже. Там это... мама с папой.

— Что «мама с папой»? — сон как сдуло. — В гости придут?

Мужчина мотнул головой, вид его сделался каким-то пришибленным.

— Уже пришили. Внизу сидят.

Желание отвязаться сменилось желанием высказать всё, что я о нём думаю. Раздражение окончательно выдавило сонливость.

— Нет, ты точно издеваешься!

— Да блин, папа просто на работе меня поймал. Я же не мог ему отказать, — оправдывался забывчивый женишок.

— А позвонить ты мог мне?! — наверное, я бы закричала, но ещё не отошедшие ото сна связки ничего кроме осипшего шепота не выдавали.

— Да я это, извини. Я не подумал. Ты спускайся к нам ладно? Я пока на стол накрою.

— Чем? Там только солянка вчерашняя!

Не выразить словами, как я злилась на него в такие моменты. Не предупреждать заранее, всё делать в последний момент — это было так в его стиле.

Замотавшись в одеяло, я поплелась в ванную и наспех умылась.

— Возьму вот так и выйду к твоим родителям! — бросила я мужчине уже из гардеробной.

Боже мой! Волосы торчат в разные стороны, как солома. Лицо опухшее, выгляжу, как алкоголик со стажем.

— Глеб, за что ты так со мной, а?

— Не ворчи, — топтался он на пороге, пока я выбирала платье. — Ты и так красивая. Только хламида эта всё портит.

Он недовольно поморщился, глядя на мою футболку. Неопределенного размера и цвета, но удобная и приятная к телу.

— Почему ты не носишь ту ночнушку, которую я подарил, тебе же идет? — улыбнулся он.

Он, наверно, хотел сожрать меня глазами, когда обнял сзади и прижал к себе. Безумно красивое кружево и тонкий атлас, хороша она была только для того чтобы надеть, покрасоваться перед мужчиной, а после снять.

— Нет, ну правда, я же хочу видеть тебя красивой, а не в этих обносках.

— Гипюр колется, а атлас холодный, — вздохнула я без какой-либо надежды быть услышанной. — Мне неудобно в ней, правда.

— Зато красиво.

Хотелось сказать, чтобы сам носил, раз так нравится, но решила промолчать. Мужчина смотрел на меня обиженно, но не прекращал заигрываний.

— Глеб, — влажные губы прижались к плечу. Улыбнувшись, попыталась мягко уйти от его прикосновений. — Щекотно.

Он не собирался притормаживать, вот уже руки скользнули под футболку и тискали грудь.

— Глеб. Там внизу твои родители.

— Ладно, — он поцеловал меня в шею. Прикосновение мягких губ ничего после себя не оставило, тепло и то сразу выветрилось, — но мы продолжим начатое после их ухода.

Мужчина оставил меня одну, давая возможность спокойно одеться и привести себя в более или менее божеский вид. Выглядеть непрезентабельно в глазах его родителей ужас как не хотелось, но времени даже чтобы помыть голову, не было. Наспех заплела волосы в косу и аккуратно помассировала лицо, в надежде разогнать отек.

В гостиной наступила тишина, стоило только спуститься. Три пары глаз тут же обратились ко мне.

— Добрый вечер, — улыбнулась я как можно приветливее. Илона Викторовна разглядывала давно иссохший фикус, который никак не хотел жить в таких условиях. Глеб всем видом выказывал свое недовольство, видимо, видок у меня был хуже некуда. Надо было и в правду в коконе из одеяла спуститься, глядишь, испугались и разбежались бы.

— Анечка, здравствуй, — Игорь Владимирович улыбался. Хоть кто-то рад видеть меня. Мужчина оторвался от свалки на кофейном столике.

— Я сейчас уберу, — спохватилась я, складывая тетради и книги по медицине в стопку. — Извините за беспорядок.

Кофейный столик служил мне рабочим местом на протяжении всего учебного года. Было удобно, что весь учебный материал в одном месте.

— Ничего. У вас чисто, вот у нас в студенчестве! Натуральный свинарник был в

общежитии, — засмеялся мужчина. — Ты на каком курсе уже? На пятом?

Я кивнула.

— И как оно? Кем интереснее быть, врачом или медсестрой?

— Пап, ну кому это интересно? Давайте лучше чай попьем, — Глеб не дал мне ответить на вопрос и пригласил всех за стол. — Аня, что у нас там?

Пришлось, сгорая от стыда выставлять на стол печенье едва ли ни недельной давности и дубовые конфеты с белой начинкой. Их я не любила, так бы они столько не пролежали. Ну, хоть чай был свежесваренный.

Глебу тоже было неудобно, он то и дело оправдывался, за все подряд. Вот и конфеты постигла та же участь.

— К чаю ничего толком нет. Мы просто редко едим дома, — «ну да, ты особенно» хотелось вставить мне, но благоразумно сдержалась. — А сладкое у нас не задерживается, да, Ань?

Я бросила на мужчину взгляд. Отлично, выстави меня обжорой! Хотя сладкое я, в самом деле, люблю.

— Ну да, по тебе видно, что покушать любишь, — ухмыльнулась Илона, вызывая во мне желание втянуть не только щеки, но и остальные выпуклости своего тела.

— Илона, — мягко одернул Игорь Владимирович.

— Что? Я просто высказала своё мнение, — возмутилась женщина.

— Аня прекрасно выглядит, — настаивал он. — А, главное, Глеб её любит.

«Эй, я вообще-то здесь!» — хотелось кричать мне. Не раз уже они забывали о моём присутствии и обсуждали мою внешность, мой голос, моих родителей. Всё что угодно и неловко было только будущему свекру. Тактичность Илоны Викторовны на меня не распространялась.

— Да, очень, — жених чмокнул меня в щёку.

Я улыбнулась больше для вежливости.

— Да и вообще ты выглядишь нездоровой. Бледная, синяки под глазами. — Женщина посмотрела на меня будто сочувственно. — Твоя работа не идет тебе на пользу.

— Я тоже самое говорю. Жена должна сидеть дома, — вклинился Глеб, но поймав мой возмущенный взгляд, пыл поубавил. — Ну, там, семейный очаг.

— Женщина должна сама решать, что ей делать. И если Ане нравится её работа, важная работа, то это замечательно.

Игорь Владимирович укоризненно смотрел на сына. Как-то так выходило, что он всегда принимал мою сторону. Может, и в самом деле наши взгляды на жизнь были схожи, а может, он просто хотел меня поддержать.

— А ты подумала о пластике? — выдала будущая свекровь. Она же не иронизировала, говорила простым будничным тоном, словно спрашивала о погоде.

— В смысле? — сделала вид, что не поняла.

Не поймешь такое, ага. Уже не первый месяц она пытается убедить, что нос мой слишком длинный и ассиметричный.

— Пластическая хирургия. Ты же должна знать, что сейчас это очень развито, — беззаботно продолжила она. — Можно было нос поправить, и скулы сейчас тоже делаю. Губы вот очень хорошо получились.

Игорь Владимирович искусственно закашлял, глядя на Глеба.

— Мам.

«Ну давай, скажи что-нибудь! Заступись за свою страшенькую девушку!» — наверное, он прочитал в моем взгляде именно это, раз изрядно стусевался.

Работа над собственными комплексами давалась тяжело и такие разговоры этому не помогали. И хоть за столько лет отношений я и научилась не обращать внимания на изречения Илоны, было всё же обидно.

Сделать нос более тонким, вытащить комочки Биша, откачать лишний жир, что ещё, по мнению этой женщины мне необходимо сделать, чтобы соответствовать её идеальному сыну?

Губы и сама хотела увеличить, но это уже скорее просто из-за веяния моды. Одна процедура, и больше я её повторять не собиралась.

— Подколоть губы и лечь под нож хирурга — несколько разные вещи, да и зачем? Меня в себе всё устраивает.

Хотелось высказаться резче, поставить её на место, но жениха не хотелось обижать. Да и снова выслушать о том, какая я хабалка желания не было.

— Да и внешность — не главное, — брякнул Глеб.

В такие моменты я чувствовала себя собакой. Жила себе, жила на помойке, ходила грязная, блохастая и кривая, а потом меня забрали домой. Отмыли, вывели блох и вроде любили, но продолжали напоминать о моём происхождении.

Похоже Илону моя внешность заботила больше, чем меня саму. Она, наверное, хотела видеть рядом с сыном, как минимум одного из ангелов Виктории Сикрет, а тут я. Далеко не модель.

Женщина никогда особо не стеснялась, отпускала комментарии щедро. Когда Глеб нас познакомил, первое, что она сказала — стоит поработать над фигурой. Она не стеснялась, высказывала всё что думает, но последнее время она становилась всё настырнее в этих вопросах. Началось, когда мы с Глебом съехались, и шло по нарастающей.

— Аня, ты только не обижайся на меня. Каждая мать хочет только лучшего для своего единственного сына, — примирительным тоном обратилась она ко мне. — Ты поймешь, только когда сама станешь матерью.

Глеб как очнулся ото сна, бросая на женщину взволнованный взгляд. Он испугался, что она ляпнет лишнего? Я нахмурилась, глядя на них. Мать и сын неотрывно смотрели друг на друга. Глеб смотрел так, когда пытался настоять на своём, строя из себя несчастного страдальца.

Что ж такого случилось, что он так забеспокоился? Его отец тоже смотрел на женщину несколько удивлённо, если не сказать шокировано.

Илона промолчала. После их немой перепалки чаепитие продолжилось в молчании. После мы перебрались в гостиную, где Илона попросила включить ей какое-то телешоу. Это занятие полностью поглотило женщину, так что от меня она отстала.

— Как вообще работа? — обратился ко мне отец Глеба. — Всё забываю, какой у тебя график?

— Вообще сутки через трое, но людей не хватает. Иногда приходится выходить еще и в ночь.

— Тяжело. Так ты сегодня с работы? — удивился мужчина.

— Да чего там тяжелого, пап? — вклинился Глеб, не дав мне ответить. — Она же не на заводе пашет!

— Как будто ты знаешь, каково работать на заводе, — невозмутимо бросил он в ответ.

— Ты в ночные смены не работал, не поймешь. Это даже морально тяжелее, потому что организм должен отдыхать ночью. А мы ещё и выспаться не дали.

Мужчина осуждающе посмотрел на Глеба, тот заметно сник.

— Не могу сказать, что мне очень тяжело. Тем более, когда в своём графике идешь, — решила я поддержать своего жениха. — Да и мне нравится работа.

Мы ещё немного поболтали о работе свекра, о моей учебе, обо всём понемногу. Потом мужчину отвлек важный телефонный звонок, после которого чета Самойловых засобиралась домой. Илона порывалась остаться, но свекор настоял на том, что нужно идти.

Глеб заметно выдохнул, как только за гостями закрылась дверь.

— Ну и вечерок, — подытожил он.

Вечерок, как вечерок. Пора бы уже привыкнуть к тому, что общение в кругу семьи проходит в напряжении. Уж не знаю, как бывает, когда Глеб один, но со мной всегда так. Я, молча, отправилась убирать со стола.

— Могла бы быть поприветливее с мамой, — бросил он вдогонку. Что в его понимании «поприветливее» интересно? Улыбаться и соглашаться со всем, что она скажет? — Вот зачем ты начала спорить? И меня приплела ещё.

— Когда это я спорила? — составляя кружки в раковину, спросила я.

— Блин, ну покивала бы. Это же мама.

— Если ты о том, что я не хочу перекраивать свою физиономию, то я не спорила! Если мне действительно нравится, как я выгляжу, почему не могу сказать об этом?

Домыв кружки, я обернулась и подошла к жениху. Мы буравили друг друга взглядами. Он, видимо, решал, стоит ли продолжать припираться, а я ждала, что же он скажет. Для меня было важно услышать слова поддержки или элементарный комплимент. Весь вечер он отмалчивался, а нелепое «внешность — не главное» укололо меня. Нет, в целом он был прав, но в таком контексте эта фраза звучала, как попытка оправдаться. Да, мол, она может и страшненькая, но в остальном сойдёт.

— Ладно, проехали. Не вижу смысла спорить, — улыбнулся он. Руки обвили талию, мужчина прижал меня к себе. Помнишь, что я говорил?

Даже если и забыла, то его действия хорошо напоминают.

Руки хозяйничали, шаря по моему телу. Губы его нашли мои, стремясь закружить мне голову в жарком поцелуе.

— Глеб, — я уперлась ему в грудь. — Я устала.

— Ну-у, — плаксиво выпятил губы мужчина. — От чего ты могла устать? Не ломайся.

Я подняла на него взгляд, стараясь вложить в него всё свое недовольство. Действительно, от чего мне уставать? Мужчина этого казалось, не замечал. Посадив меня на кухонную тумбу, он устроилась между ног, и прижал меня к себе. Он целовал мне шею, щекоча кожу бородой. Прикрыв глаза, я откинула голову назад, стараясь расслабиться. Мне же не было неприятно. Нежные прикосновения, ласковые настойчивые руки. Без волнения, без особой дрожи, но приятно. И так ведь было всегда. За то время, что мы были вместе, я пришла к выводу, что просто так устроен мой организм. А может, я вообще фригидная.

— Как думаешь, может нам пора попробовать снова?

— Глеб.

— Ну, а что? Уже полгода прошло. Что врач сказал?

— Сказал, пробуйте ещё, — закрыв глаза, ответила я.

Свернувшись у него на груди, я старалась утихомирить сердцебиение и дрожь в голосе.

Неконтролируемо наворачивались слезы.

— Знаешь, мне кажется, что может просто не время?

Я смотрела на него и ждала если не понимания, то хотя бы сочувствия. Было важно знать, что и ему это не безразлично.

— Слушай, я это... Все спросить хотел. Только ты не сердись и не обижайся. Ты не болела раньше, ну ты понимаешь... чем-нибудь таким?

— Что?

— А, что? Я же у тебя не первый, — сказал он, поджав губы демонстрируя свою обиду.

— Так и я у тебя тоже. Как думаешь, это вообще нормально, что у нас была жизнь друг до друга? — Бросила я с вызовом. — И если под «чем-нибудь таким» ты имеешь в виду венерические болезни. Нет, я ничем таким не болела.

— Просто мама сказала...

— Мама? Твоя мама? А она откуда... — хотела поддержки — получай, теперь ещё и Илона в курсе. — Зачем ты ей рассказал?

— А что такого, она же моя мама?! Тебе же никто не может дать совет, вот я и поговорил с ней.

— Поговорил? И что именно ты ей разболтал?

— Всё. И не разболтал, а поделился! Сама подумай, два выкидыша, это же ненормально! Я думал, она что-то посоветует! — повысил он голос.

— А она врач что ли?!

Преппирательство перерастало в ссору. И я начала говорить громче. Эта тема была для меня больной и то, что Глеб ею вот так просто поделился, пусть даже с матерью, было неприятно. Ощущение, как если голую выставили на всеобщее обозрение.

Ненавижу, когда люди суют нос туда, в чём они ничего не смыслят!

— Она женщина, у которой есть ребенок. И она, поди, поболее тебя в этом понимает!

Да, женщина, но у всех всё индивидуально же! Организмы может одинаковые, но условия-то разные, гормоны, ситуации, общее состояние. Хотя какой смысл перед ним в очередной раз распинаться!

— Ань, почему ты не хочешь? Я тебе больше не по душе? — кокетничая начал, было, Глеб.

Боже! Да это-то тут причем? Когда он научится понимать меня уже? Отрицательно мотнув головой, я освободилась из его объятий и направилась на выход из кухни, давая понять, что разговор окончен.

По душе, не по душе. Он же любил меня, и это стало решающим фактором. Он показал, что может позаботиться обо мне и о семье, которая у нас в будущем получится. Он надежный, впрочем, иногда я в этом начинала сомневаться. Финансово, да однозначно, но морально... В нём попросту нет чуткости. Не умеет он сказать нужных слов или, наоборот, помолчать, когда надо и просто послушать.

Он хотел детей, я вроде тоже. Как эгоистично это не звучало, с рождением ребенка в моей жизни появился бы настоящий смысл, и Глеб с его тасканием по Таскании меня бы уже так не волновал. Не знаю, готова ли я стать матерью, но вот посвятить себя ребенку — да.

Я хотела заботиться. Я мечтала дарить любовь, но у жизни была своя точка зрения на этот счет. Мы пытались уже три года. Поначалу не получалось. Потом были выкидыши, которые я бы и не заметила, если бы так пристально не следила за своим циклом.

— Аня! Почему ты постоянно убегаешь от разговоров? — бросил мне Глеб, когда я уже

зашла в ванную.

Я без сил опустилась на пол. Хотелось сжаться до песчинки, раствориться. Слезы стояли в глазах, не желая высохнуть. Пустота в душе ширилась, желая поглотить меня. Больно, как же стало больно. Неужели я настолько ущербна, что не способна выносить ребенка и дать ему жизнь? Неужели из-за прошлых ошибок, я не достойна стать матерью сейчас?

Я не хотела пытаться не потому что Глеб вдруг стал мне, как он выразился, не по душе. Всё было куда очевиднее. Я просто боялась, что эта попытка обернется, как и все предыдущие. Я боялась снова окунуться в ту ледяную пустоту, что образовывалась, когда врач говорил, что ребенка сохранить не удалось. Я боялась этой боли, словно у души вырвали кусок.

Боялась, что если придётся вновь пройти через это, я просто не смогу подняться.

===== Глава 5 =====

Весна в этом году выдалась какая-то сумбурная. Наступила стремительно, к середине марта уже всё растаяло и высохло. Какое-то время даже жара была, а сегодня проснулся и на тебе. Конец апреля, а засыпало, как под новый год.

Сбив с лопаты снег, я нырнул в тепло, пропитавшееся запахами машинного масла и бензина. Сегодня был мой черёд начинать рабочий день, и до того, как придут остальные работники оставалось около получаса. Я добавил отопления, подготовил нужные мне инструменты и, поставив чайник греться, взялся за телефон.

Могло показаться, будто я стал зависим от соцсетей. Лента ВК, лента Инстаграма — не по разу в день стал туда заглядывать. Осталось самому начать фотографировать и выкладывать всё, что вижу. Я и колесо, я с сигаретой, я в спортзале, я и джип. Джип принадлежит клиенту, но кому это может быть интересно. Не удержал смешок, стоило представить такую картину. Никогда не вёл активную жизнь в сети. Страницу во Вконтакте имел для того, чтобы музыку скачивать, инстаграм завёл с месяц назад. И фотографируюсь я редко, так с друзьями за компанию, да с армии что-то осталось на память.

Раньше было чаще, раньше любил. Вернее, это она любила и меня тянула фотографироваться. Её аккаунты ломаются от снимков. Она одна. Она со мной. Она с подругами. Фото на мероприятиях, на отдыхе — солнечная Абхазия и она загорелая, солнечная. Фотографии просто так, чтобы посмеяться — самые искренние. Сотни моментов памяти, поставленные на паузу.

Мечтала стать актрисой или моделью, внешние данные были. Высокая, фигуристая, копна темно-русых волос, глаза темные гипнотические, красивое лицо. Грешила на свой нос, дескать крупный чересчур, но даже если и так. Она легко это маскировала, этим как его, не помню. Несколько взмахов кисти — и вот тебе и тонкий нос и скулы четче очерчены.

Моя душа. Легкая на подъем, общительная, открытая — полная противоположность мне. Хотела в театральное, но родители в столицу не пустили, велели сперва получить нормальную профессию. Пошла на дико скучный бухучет, но мечту не бросила. Ходила на все местные кастинги, школу моделей посещала, занималась на актерских курсах. Жила на полную катушку, все хотела успеть. Как всё хорошо было, пока с тем ублюдком в клубе не познакомилась.

Меня нет-нет, да и дернет, открываю её страничку. И искать не нужно, одна в скрытых

друзьях у меня. Может, чтобы вспомнить, хотя никогда и не забывал. Может, потому что ещё надеюсь однажды увидеть новые фото. Была в сети пятнадцатого апреля... за два месяца до моего дембеля.

Воздух в легких густеет и горит огнем. Сердце сжимается и тяжелеет. Глубокий вдох через нос, задержать дыхание, досчитать до трех, медленный выдох ртом. Десять таких вдохов-выдохов, и боль отступает. Не уходит на совсем, но и не стремиться снова оглушить, сбить с ног. Привык.

Рука сама находит пачку, сует в рот сигарету и прикуривает. Горький дым заполняет легкие.

Всё на автомате, каждое действие, каждый день жизни после...

Так было, пока я не проснулся по-настоящему. Одним утром я просто встал с постели, просто умылся, просто подошел к окну. Всё было, как обычно и иначе одновременно. Как смотреть телевизор без звука, смысл уловить можно, но картинка не полноценная. А тут звук починили, навели резкость и контраст изображению. Добавили красок.

Снова взгляд обращен к телефону, пальцем по дисплею. Нахожу другой аккаунт, тоже ломящийся от фотографий.

На весь экран фото стройной платиновой блондинки. Пышные волосы до пояса, огромные глаза, набирай воздуха побольше и ныряй. Почему-то она кажется грустной. Есть что-то в глубине этих голубых омутов такое. Боль, тяжесть от которой рад бы избавиться, да не выходит.

Многое можно узнать, разглядывая фотографии в соцсетях. В инстаграме она активнее.

Любит читать бумажные книги, а я кажется, посадил её на комиксы. Невольно улыбаюсь, увидев фото с подписью «книжные покупки». Девушка держит в руках стопку книг, среди которых затесалась пара знакомых ярких обложек. Любит сладости, хотя усиленно себя ограничивает в них. Любит платья, ничего пошлого из оголенного только локти и колени, но так это женственно и вроде не думаешь, а фантазия сама разыгрывается.

От фото в купальниках вообще голова кругом. Если бы она знала, чем я иногда занимаюсь, рассматривая её фото, выкладывала бы их?

Хотя, она не виновата, что я делаюсь каким-то озабоченным. Самому иногда противно от себя становится и стыдно, но ничего с собой поделаться не могу. Только и остаётся, что залипать на красивую картинку, на большее рассчитывать не стоит.

Следующим попадают фото с смажором, бесит он меня, одним своим присутствием рядом с ней.

Со своим так называемым женихом она уже давно, но видно даже на фото, что ей с ним как-то неловко, что ли, держится напряженно и улыбка натянутая. Другое дело, искренняя радость на лице и расслабленные позы на фотках с каким-то рыжеволосым парнем и постами про настоящую дружбу.

Я от природы хоть не любопытный, но о ней хочется знать побольше. Почему после фото с дипломом она ничего не постила во Вконтакте почти год? Будто пропадала куда-то. Нет фото с родителями. Нет фоток из клубов, пара с кальяном и те в домашней обстановке. И что за старлей обнимает её на фото годичной давности? Подписка «Мой ангел-хранитель. Приятная встреча спустя столько лет» только разжигает интерес и не несет ни какой информации.

— Кот, здорова! — напарник хлопает по плечу. Засмотрелся я, даже не заметил, как он вошел. — О, девушка твоя?

Аня смотрит с дисплея вполоборота и мило морщится от солнечных лучей.

— Здорово, — жмем руки. Убираю телефон в карман, никак не отвечая на вопрос. — Чай будешь?

— Я бы от чего покрепче не отказался, но и чай сойдет, — он впрочем не собирается допытываться. Знает, что бесполезно.

У меня полно знакомых, куча приятелей, кого я могу назвать друзьями, но не близкими. Как-то не складывается у меня с этим. Макс есть, но и с ним всем делиться не выходит. Не умею я. Не то чтобы недоверчивый, просто не понимаю, где грань между «поделиться наболевшим» и «загрузить своими проблемами».

Пьем чай и приступаем к работе. Перебрать движок у Опеля, поменять гранату на Десятке. Потом обед, после которого остается мелкосрочный ремонт.

Во второй половине дня приходит сообщение во Вконтакте.

«Привет. Как дела?»

Мы не виделись с мартовского пикника, повода не было, да и не предлагал никто. Аня молчит на эту тему, а я... Я боюсь выглядеть нелепо и глупо, когда она меня отошьет. Как дурак подписался на неё и жду, а чего жду...

Изредка списываемся, как сейчас во второй половине дня или поздно вечером. Однажды так всю ночь болтали. Вроде и ни чего особенного, но темы находились. Мне с ней интересно, надеюсь, и ей со мной тоже.

«Привет. Нормально. Как ты?»

«Нормально. Дочитала книгу, которую ты посоветовал» — в конце смайлики, вроде и ничего такого, а воображение рисует улыбающуюся девушку. Всё-таки прочитала — приятно.

«Но концовка разбила мне сердце» — грустный смайлик. Концовка-то вполне предсказуемая, я предположил её, когда главный герой таблами начал закидываться. Но эта предсказуемость впечатление не портит.

«Нет, правда. Так жалко главного героя. И Юля, бедняжка. Я прослезилась»

Удивительная. Макс рассказывал, как она хладнокровно оттолкнула его, чтобы осмотреть меня. Как четко давала распоряжения, когда грузили меня в машину. Как без всякой брезгливости, не боясь выпачкаться кровью, держала меня. А тут грустный финал выдуманной истории заставил прослезиться.

При мысли о ней внутри теплеет. Вспоминаю, как улыбнулась мне тогда. И это её «берегите себя». Просто улыбка и пара слов, а словно тучи разогнала и вышла солнышком, и небо перестало быть вечно серым.

Девушка замолчала, но всё ещё онлайн. Музыка воспроизводится, что-то из рока прямиком из 2009 года, а то и раньше. Эта девушка удивляет меня всё больше и больше, хотя ведь сам видел фотографии в черно-розовой одежде и с рваной челкой на пол лица.

Остаток дня проходит в молчании. В сервисе галдеж, работа кипит. Все хотят быстрее закончить, у одного из парней сегодня день рождения. Коллектив в ожидании проставы.

Я в ожидании сообщения. Она не обещала, что напишет, я сам решил ждать.

«Чем занимаешься?» — не дождался, решил написать сам. Молчит — не до меня.

«Извини, я в ванной была» — без смайликов, а то подумал бы, что дразнит. Закрываю глаза и представляю, как она стоит в одном полотенце, по ногам стекают капли воды, влажные волосы, порозовевшие щёчки. Фантазия у меня слишком богатая.

«Сейчас сяду за учебу. Домашки — конь не валялся»

Почему-то мне кажется, что девушка оправдывается, хотя за что? Она молодец, получает второе образование, высшее тем более. Параллельно работает, порой сверхурочно.

«Ты сегодня с суток или с ночи?»

«С суток. Сверхурочных в этом месяце больше не будет» — хотя бы отдохнет. Нельзя же на износ работать.

До армии подрабатывал в ночные смены, помню, как тяжело было.

«Будешь отсыпаться?»

«Если бы. Говорю же конь у меня тут. Отдохнуть действительно хочется»

Пальцы замирают в нерешительности. Давно уже хотел, но не делал. С одной стороны, не мог решиться, мучаясь предположениями, что будет, как она отреагирует.

С другой, как не крути оно было не правильно. У неё там жених, жизнь серьезная,

семейная, а тут я со своим самоваром. На месте жениха я бы, мягко говоря, не одобрил, а создавать девушке проблем не хотелось.

Но с третьей, я всего-то хотел позвать её погулять. Не знаю, сходить в кино, в кафе там или просто по городу покататься. Поболтать в живую, кофе попить или свозить куда-нибудь, показать какое-нибудь место красивое, тот же каолиновый карьер. Очень сахарно прозвучит, хотелось просто побыть рядом с ней.

Но было ещё и, в-четвертых. Я понимал, что заинтересовать мне такую девушку объективно нечем. Она спрашивает, а всё больше отшучиваюсь. Да и чего рассказывать? Вроде не урод, но и не красавец. Девять классов, три года шараги, армия. Нет, моя жизнь меня устраивает, не комплекую, просто мы из разных миров. Она интеллигентная, начитанная, со всякой гопотой не водится. А я... обычный среднестатистический — так себе звучит.

«Так может отдохнем?»

Черт! Не подумал, что написал, очень надеюсь, что ничего двусмысленного она тут не увидит.

«Например?»

«Кино или можем просто покататься»

Мне кажется, все слышали, как я выдохнул. Она не послала меня, не написала привычное «У меня вообще-то жених!», как будто на нём свет клином сошелся.

«Извини, не стоит этого делать» — пишет, когда я уже поверил, что она сейчас согласится. Тут же добавляет — «У меня много дел»

«Размечтался», — одергиваю себя, возвращаясь на землю. Что ж, ну хоть попытался.

Вечером тренировка, сегодня просто качалка, потом домой.

— Да, мам? — телефонный звонок застаёт в лифте.

— Привет, сынок, — по ту сторону теплый голос, привычный будничным тон. Запоздало понимаю, что обещал звонить почаще, ощущаю неприятный укол стыда. — Ты совсем не звонишь, не приезжаешь. Всё в порядке?

— Да, мам, всё хорошо. Просто работа, дела, — оправдываюсь я, как всегда. Живут они в соседнем городе, а видеться получается, от силы раз в два-три месяца.

— Я понимаю, — в голосе ни капли укора или попытки надавить на совесть. — Просто хотела услышать тебя.

Отмалчиваюсь. Не потому что сказать нечего, просто затронешь одно, и тут же поднимется целый ворох. Не люблю, когда она спрашивает, как я. Если скажу, всё отлично — не поверит. Сказать, как есть, только её расстрою.

— Как там отец? — прерываю молчание. Не люблю тишины в трубке, неловко это и тоску навеивает. — Как Алинка?

— К подружке ушла на ночевку, отец скоро с работы придет.

— Привет ему.

— Хорошо. Костя?

— Да, мам?

— Ты бы поговорил с Алиной. Она замкнутая последнее время, да и мальчик её этот. А ты для неё всё же авторитет. — Робко говорит мама.

Сестренке пятнадцать — переходный возраст, все дела. Дерзить начала, с родителями препираться и что-то подсказывает, что она сейчас вовсе не у подружки. Это сомнение я держу при себе, чтобы лишней раз не заставлял маму нервничать.

— Хорошо, сейчас же и позвоню.

— Спасибо, сынок, ты нам звони хоть иногда. Мы ведь скучаем.

— Да, мам. Хорошо, — опять обещания, надо бы приехать к ним.

На выходных обязательно, обещаю себе в который раз и захожу домой.

Моя комната — десять квадратов с окном на Героев Танкограда и кусочек сада Победы. Диван, стол, шкаф, вот и вся обстановка. Да и много ли мне надо? Прихожу сюда, чтобы переночевать и иногда поесть.

Мелкая не берет трубку уже третий раз.

«Не ответишь, приеду за тобой» — пишу смс. Самое страшное для подростка, если родители приедут забирать с тусовки, по себе помню. Старший брат тоже не поднимет авторитет в глазах друзей.

Она перезванивает почти сразу. Фыркает, огрызается, но пыл сбавляет и передает трубку своему парню. Не ошибся я с выводами о местонахождении мелкой. Пацан пытается дерзить, выпендривается перед Алинкой, но после пары фраз, успокаивается. Заканчиваю разговор, очень надеюсь на его рассудительность, но познакомиться с ним всё же стоит. Ещё повод приехать к родителям на выходных.

За стеной на кухне щебечут соседки, две студентки немного младше меня. В комнате напротив работает телевизор, семейная пара тоже дома. Живем как в общежитии. Впятером в трехкомнатной квартире, знаем друг друга по именам, но особо не общаемся.

В доме родителей своя комната, просторная. Всегда ужин горячий. Но слишком много воспоминаний.

Время к десяти, пора собираться.

Принимаю душ, выпиваю на ходу кофе, одеваюсь. Нет уже надобности в черном, но привычка — вторая натура. Берцы шнурую потуже, тоже привычка. В них как-то удобнее, крепкий протектор и жесткий мысок внушает странное спокойствие.

Сегодня с парнями договорились встретиться на студии. Впрочем, студией это можно назвать с натяжкой. Комната, стены которой оббиты шумопоглотителем. Микрофон, комп с программами для записи и обработки звука.

Я не певец и не поэт, просто иногда пишу стишки. С детства так, немного невпопад. Пишу о том, что вижу, без матов получается не всегда. Познакомились с чуваком на одной из тусовок, заобщались о музыке, оказалось, он этим занимается. Текста ему мои понравились, предложил попробовать зачитать под его музыку. Так и закрутилось, уже получились две песни. О девчонках, машинах, городе и о дружбе. Залил в Вк, особо ни на что не претендуя. Недавно из проезжающей десятки свой трек услышал. Смутился немного, но очень приятно было.

Зависнув там часа на два, направляюсь к Максy. Сегодня никаких дел, просто поболтать. Старший брат не теряет надежды научить меня уму-разуму. Наставить, как ему кажется, на верный путь.

Макс у стойки. Русые волосы забраны назад, но немного растрепались. Джинсы, рубашка, в руках поблескивает зажигалка. Как бы двоюродный брат не пытался слиться с толпой — выходит, прямо скажем не очень. От Сизова прёт уверенностью в себе и чём-то таким, что в романах описывают, как таинственность и загадочность. Смотрит на мир отстраненным холодным взглядом, безмолвный наблюдатель. Говорит в основном мало и по делу, но если прорвало, то ведро подставляй.

— Вечерок, — отзывается он, когда я опускаюсь на стул рядом, — долго ты.

— На студии задержался.

Макс хмыкает, мол, понятно. Не то чтоб я решил всерьез заняться музыкой, да и слуха у меня нет. Выплескивать мысли на бумагу, выпускать эмоции, когда читаешь. Это помогает успокоиться, как грушу поколотить, только ментально.

— Как жизнь?

— Нормально.

— А вид не очень. Чего кислый?

Отвечать не хочется, да и нечего. Дела сердечные, Макс в них всё равно ни хрена не понимает. Живет, что называется бобылем и не заморачивается о поиске второй половины.

— Опять на фотки своей медички залипал? — не ирония, Максим злится.

Злится, что я занимаюсь ерундой, как малолетка пуская слюни на симпатичную девчонку постарше.

— Ты хоть, ну не знаю... В кино её позови что ли, а то как детё, ей богу.

— Да звал уже! — бросаю я. — Не до меня ей.

— Так и сказала?

— Нет, сам понял. У неё жених, все дела.

— Ну ёп! Жених. Ты бы действовал, пока он мужем не стал или уже завязывал, раз ничего не обламывается.

— Сам как-нибудь разберусь, что мне делать.

Макс умеет поддержать, и это сарказм. Легко сказать, завязывай? Как можно взять и выкинуть из головы что-то или кого-то? Да и можно подумать я не пытался. Заваливал себя работой, изнурял тренировками, концентрировался на спаррингах, надеясь отвлечься.

Помогает, но только на то время пока занят. Наступает пауза, и её образ заполняет все мысли до краев. Её смех звучит в ушах, а перемазанная белковым кремом мордашка растерянно смотрит на меня сквозь недели с нашей последней встречи. И текста выходят всё больше о ней.

Безответность — то ещё дерьмо.

— Давай девчонку тебе найдем? — хмыкает Макс, кивая куда-то в сторону. — Вон и кандидатки есть уже.

Две подружки потягивают коктейли, поглядывая на нас. Выглядят так, будто надели на себя всё самое лучшее и сразу, но симпатичные. Лица милые, свежие, не помятые. Глаза наивные, даже застенчивые, не испохабленные жизненным опытом. Они не выглядят потерянными, не шныряют глазами, не высматривают кого посolidнее. Может, они в подобном заведении впервые, решились выбраться посмотреть на людей, собирались не один час. Кудри крутили, втискивались в юбочки, в которых им неудобно, ломали ноги на каблуках. Губы рисовали поярче и глаза побольше, хотели выглядеть красиво, если вдруг встретят своего принца.

Я улыбаюсь произвольно, одна из девчонок расценивает это, как проявление внимания, наверное. Улыбается ещё ослепительнее. В полутьме не видно, но готов поспорить, что покраснела. Её подружка рассматривает Макса, забывая при этом скрывать восхищение. Коренастый ворчун ей понравился, неудивительно. Весь из себя загадочный и хмурый, Макс никогда не был обделен внимание прекрасного пола.

— Ну, так что? — Максим не оказывает им знаков внимания, но и не упускает из виду. Хмыкает: — Темленькая вон дыру в тебе сейчас протрет.

— Как думаешь, им восемнадцать то есть? — не могу понять серьезно ли он или

пытается стебаться.

— Паспорт можно спросить, — ржет он. Точно стебается.

Сам поглядывает куда-то в сторону. В глазах читается заинтересованность, может, даже немного удивления. Прослеживаю за ним до противоположного конца барной стойки. Никого, кроме фигуристой брюнетки там не нахожу.

Не удивительно, что она привлекла внимание Макса. Макияж минимальный, в сдержанных тонах. Одета дорого, но без перебора, скромно и со вкусом. Такие к нам не ходят. Держится обособленно, никого не высматривает, не пытается ни с кем знакомиться. Сидит, покуривая сигарету, разглядывает содержимое стакана.

— Ладно, поеду я домой. Устал, как черт, — одним глотком допиваю остатки нулевки.

— Давай.

Жмем друг другу руки. Кидаю последний взгляд на подружек. Темненькая и в самом деле пылливо смотрит на меня. Была бы понаглее, подошла бы знакомится, но сейчас просто мнетя у столика. Эх, кукла, не быть мне твоим принцем, но тем, кто принесет опыт тоже не стану. Ехали бы вы, девчонки, домой, пока не поздно.

Ночной город пытается уснуть. Ксенон как нож режет туман, опустившийся на город. Дорога отвлекает от раздумий, перетягивает всё внимание на себя. В дороге голова проветривается, а мысли раскладываются по полочкам. Взгляд цепляется за пассажирское сидение, за термос на нём.

Снова вижу её. Как она смотрит на меня, то весело, то шокировано, то смущенно. Слышу её голос, ощущаю легкое прикосновение руки к плечу. Вырывается вздох, смахивающий на стон.

Чертово наваждение. Должно же меня когда-то отпустить.

Комментарий к Глава 5

Очередная малоинформативная, но нужная глава. Уже вот-вот перейдём к активными действиям □

===== Глава 6 =====

Очередная пятница. Выходные. В мелодрамах это время семейных вечеров и совместных походов в кино или прогулок. Хорошее время, но с некоторых пор я стала ненавидеть его, потому что в такие дни чувствовала себя ещё более одиноко.

— Вот сиди теперь и жди его, тоже мне Хатико, блин!

Кажется, даже телефонная трубка вздрогнула от гневного вопля подруги. Это должно было встряхнуть и меня, но я продолжала хлюпать носом. Выдохнув, Лера продолжила уже тише.

— Аня, вот скажи мне, сколько можно? У тебя, что нервы бесконечные или, что? Ты ведь всё прекрасно понимаешь, так в чём же дело?

— Лер, ну что ему не хватает? Я ведь всё делаю для него, что не так-то?

На глазах слёзы, хорошо, что она меня не видит сейчас.

— Да всё так, просто он кобель. И это всё объясняет, — устало вздохнула подруга.

— А что делать мне?

Вернее, что не так со мной?

Столько раз уже задавалась этим вопросом, обнаруживая следы помады на рубашке или длинные волосы, мне не принадлежащие. Как же гадко и пошло.

— Включить гордость уже и начать воспитывать! — оживилась девушка. — Ты ведь сама понимаешь, что он обнаглел в конец. Хотя, едва ли его что-то заставит исправиться. А по-хорошему, послать его на хер. Или продолжать ждать его, как преданная собачонка!

— А вот не буду, — прокурорский тон подруги вызвал новый приступ истерики. Взбалмошная и гордая часть меня начала бунтовать. — Я вот возьму и пойду в бар или ночной клуб!

— Эй, погоди-ка, ты и в бар?

— Ну, да. А, что такого?

Реакция подруги была понятна, я никогда не была завсегдатай злачных мест. Не люблю я такое. Толкотня потных тел, пьяные люди, которые не всегда ведут себя адекватно, духота, темнота, долбящая музыка.

— Эм, погоди, — Лера, видимо, отвела трубку в сторону и обратилась уже не ко мне. — Паша!

На том конце завязался диалог, который я невольно подслушала.

— Совсем рехнулись? Какие бары, какие, на фиг, клубы? — разорялся мужчина.

— Паша, ну, что ты, как маленький? Твоей сестре, между прочим, нужна поддержка.

— Хороша поддержка! Надраться в лоскуты и чтоб всякие кобели слащавые кокосы подкатывали?! — Пашка не кричал, но по возмущенному тону всё было понятно. — Пусть приезжает к нам, и никаких шатаний! Я всё сказал!

Братец рывкнул и показательно хлопнул дверью, а Лера вернулась ко мне.

— Ты тут? — хихикнула девушка. — Думала стать твоей службой спасения, но Мавр против.

— Оно и понятно, — улыбнулась я. — Тебе хорошо, Пашка вон как тебя любит. Ладно, пойду я собираться.

— Ты серьёзно думаешь идти куда-то?

— А почему нет, Глебу, значит, можно, а мне что, нельзя? Да и какой-никакой выход из зоны комфорта, говорят, помогает.

— Олегу позвони, пусть компанию тебе составит, — советует Лера.

Опасается за меня, наверное, в их с Пашей глазах, я навсегда останусь ребенком.

Олег. Подумалось в самом деле набрать его, сделать это странное предложение. Посмеяться вместе над тем, что мы для такого уже стары и вообще.

Рука потянулась к телефону, не смотря на уверенность, что друг в этой аванюре участвовать откажется. Молодой папа, да и работа отнимает много времени.

— Алло, — он ответил сразу. Тишина на заднем плане настораживала.

— Привет.

И хотелось, как в детстве разревется, жалуясь на мальчишек, обидевших меня.

Хотелось, но что-то держало.

— Не занят? — глупости спрашиваю. Раз взял трубку, то не занят.

— Пока нет, я же так и не перезвонил вчера, извини.

— Случилось что-то?

— Нет, просто был занят. У тебя как дела? — Отстранённый тон говорит о его настроении лучше любых слов.

— Олег. Опять у Элины был?

Друг молчит, только тяжелый усталый вздох подтверждает, что я права.

— Зачем, вы ведь окончательно расстались?

— Она позвала, о дочке хотела поговорить.

Чувствую, как грудь начинает распирает от возмущения. Взрослые люди, разберутся. Он и сам не раз просил не лезть, но тяжело смотреть, как жестоко обходятся с близким человеком,

— Начала мне за алименты говорить, — продолжает Олег.

— Какие алименты? — вспыхиваю я.- Поля с тобой живёт, это ещё кто и кому должен алименты платить!

Трясёт от злости, даже Глеб во мне столько возмущения не вызывает.

— Вот именно, со мной. Тут знаешь, какое дело, она же не записана на меня. Ну, в свидетельстве. Угрожает, что заявление напишет, что ребенка у неё отобрал. Травить меня пытается, что есть у неё кто-то, на ревность выводит. А мне уже всё равно, достало. Только не пойму, зачем так? Зачем сперва отталкивает, а потом опять в любви объясняется?

Парень продолжает говорить, а я молчу, чтобы не сбить его с толку. Он так редко позволяет себе делиться тем, что тревожит. Даже представить страшно, как внутри у него всё кипит.

— И ведь говорил же, предлагал снова сойтись. Столько раз уже всё это проходили. И всё равно тяжело на сердце.

— Я понимаю, — понимаю, как хреново, когда первая любовь скатывается во что-то вот такое. Когда ты любил, а тебя ни во что не ставили. Просто развлекались. — Олеж, переболит. Должно переболеть.

— Знаю, Малая, — слышу усмешку, представляю, как должно быть он сейчас криво улыбается. — Я опять тебя грузу.

— Перестань, для чего ещё нужны друзья. Ты сильный, но даже сильным людям нужна поддержка.

— Спасибо тебе.

— Пожалуйста. Всегда.

— Всегда.

Слово это у нас уже как ритуал, как клятва.

— Ты как?

— Нормально, — ему и так сейчас нелегко, совесть не позволяет навешать поперх ещё и свои проблемы. Да и проблемы эти уже не кажутся чем-то неподъёмным. — Чего тишина такая у тебя?

— А, так я на дежурстве сегодня.

— Ясно, развлекаешься, не в чем себе не отказывая? — прыскаю я от смеха.

— Издевайся, издевайся, — смеётся.

За разговором не замечаю, как пролетает целый час. Попрошавшись с Олегом, иду умываться и готовиться к выходу в свет.

Входя в бар в новом образе, ощущала себя не в своей тарелке. И это — мягко говоря. Черное бандажное платье, подарок Глеба на один из дней рожденья, полностью выставляло напоказ плечи и бедра, а грудь выглядела больше чем есть, и едва ли не вываливалась из выреза. Сапоги-ботфорты, популярные во времена колледжа и тогда же купленные. Казалось, хуже быть не может, но яркий макияж завершил образ женщины «в активном поиске». М-да, в активном поиске приключений на жопу.

Господи, я похожа на проститутку! Хотя я всё же преувеличивала. Не так уж сильно отличалась от других девушек, что веселились на танцполе.

Двойное чувство, с одной стороны не моё это, а с другой хотелось чего-то именно на меня непохожего, и с этим я кажется, справилась. Скинув куртку и взяв себе кружку пива, я присела за одиноко стоящий столик.

Потягивая малость сластящий эль, я старалась не погружать в мысли о Глебе ещё больше. Шансов встретить его тут не было, мужчина всегда выбирал заведения более презентабельные. Я честно пыталась расслабиться и не думать о нём, хотя бы сегодня.

— Свободно?

Мужской голос, явно обращенный ко мне. Не успела я оглядеть парня, как тот не дожидаясь ответа, отодвинул стул и приземлился напротив меня.

— Скучный вечер?

— Вроде того.

— Не порядок, — хмыкнул, с интересом рассматривая меня. Нельзя сказать, что парень раздевал меня взглядом, оценивал, это да. — Негоже такой красавице скучать в одиночестве. Выпьешь чего-нибудь?

Кивнула, давая понять, что не против. Наверное, так все тут и знакомятся. Парень удалился к стойке и вернулся со стаканами, в которых плескалось что-то коричневое.

— Я Виталя, за знакомство? — иронично звякнули стаканы. Его глаза по-прежнему блуждали по телу, а я, не задумываясь, осушила стакан.

— Фу, гадость, какая, — скривилась я невольно. Второсортный коньяк вперемешку с колой обжег горло.

Я не была противником алкоголя, просто если и выпивала, то не слишком много. Я не знала, как это: напиться в хлам, не случилось со мной такого. Голова поплыла после второго стакана, а после третьего начало подводить зрение. Как не пыталась я сосредоточиться на собеседнике, получалось плохо.

— Ты вообще как? — он вроде как улыбался. Я вяло улыбнулась в ответ. Никак я. Спать хочу сильно и никаких больше ощущений. — Пойдем, проветришься.

==== Часть 2. Шрамы. Глава 7 =====

Комментарий к Часть 2. Шрамы. Глава 7

Выкладывая обновлённую главу, я не была уверена, стоит ли оставлять один определённый момент. И сейчас всё ещё сомневаюсь, но надеюсь, что ты, дорогой читатель, не разочаруешься в персонаже. Поверь, так было нужно.

Приятного чтения!)

Заперев дверь, я расслабленно опустился на пуфик и выдохнул. Натруженные мышцы гудели. Да и пару ударов всё же пропустил, приняв на тело, что ж, лишний повод продолжать тренировки. И хоть из профессионального кикбоксинга я ушел сразу после школы, спорт всё же имеет место в моей жизни. Со временем я понял, что только качалки мне не хватает и попросился обратно к тренеру, просто чтобы поддерживать себя в форме.

— Привет, — лучисто улыбаясь, из своей комнаты выплыла Кристина, одна из моих соседок.

— Привет, ты чего домой не поехала? Выходные же, — не то, чтоб мне было интересно, просто так я хоть в глаза ей смотрел, а не на открытые ноги. Она не страдала стеснением и сейчас стояла в коротенькой футболке и шортах, больше смахивающих на трусы.

— Ай, чего в деревне делать, — отмахнулась. Старалась вести себя раскрепощено, но по

глазам было видно — терялась. — Там скукота.

— А здесь прям веселья воз и маленькая тележка?

Поведение девчонки вызывало улыбку.

В принципе, она вполне симпатичная. Я криво улыбнулся этой мысли. Фигурка, рост, тип лица, такая же светленькая. Аню напоминает, только глаза другие. И это Кристина.

— Костя, ты вообще тут? — надулась девушка. Видимо, я залип надолго. — Я говорю, может, сходим куда-нибудь? Ну, в клуб, например.

— А, не. Это не ко мне, — я смущенно почесал затылок. Как-то даже растерялся. Привык сам приглашать девушек, да и если совсем честно, не любитель я клубов и всего прочего. — Клубы — не моё.

— Может, тогда просто посидим? Пятница всё-таки, — тонкие бровки мило приподнялись. Девчонка подошла едва не вплотную, буравя меня щенячьим умоляющим взглядом. Пухлые губки выглядели многообещающе.

— Ну, посидеть можно, — уголки губ сами поползли, складываясь в полуулыбку. От которой почему-то всегда были в восторге девчонки.

— Я в магазин, — довольно заулыбалась девушка и скоро засобиравалась. — Тебе темного или светлого?

— погоди, тебе пиво-то продадут? — крикнул я в след скрывшейся в комнате. Фигура фигурой, но лицом она выглядела как-то очень молодо.

Она высунулась из-за двери, удивленно разглядывая меня.

— А тебе? — девчонка надулась. Прошуршав чем-то, она вышла уже одетая и сунула паспорт мне под нос. Фыркнула:— Мне вообще-то восемнадцать ещё в начале года исполнилось.

— Понял, — хмыкнул в ответ, глянул на дату рождения, зацепив взглядом смешную фотографию. — Мне светлого нефильТРованого.

Затолкав документ в карман, она выпорхнула из квартиры.

Дожили, уже девушки сами подкатывают. Соседка изначально вела себя со мной достаточно мило. Она регулярно применяла ко мне свои женские штучки: рубашки предлагала постирать, погладить, зашить, завтракать звала. Приколотить или повесить что-нибудь просила.

Хиханьки да хаханьки. Помогать помогал, конечно, но от остального отказывался. Не водятся у меня рубашки, да и если б водились.

Сейчас она гладит мои рубашки, а завтра заявит права на и владельца, ну на фиг.

— Вот поэтому я и пошла в пед, — уже прилично захмелевшая девушка посвящала меня в причину выбора профессии.

Я едва держался, чтобы не закатывать глаза, никогда не думал, что человек может столько говорить. Болтала и болтала не затыкаясь. Где родилась, где училась, как закончила школу. Я был близок к тому чтобы вежливо выпроводить девушку, но она, кажется, это почувствовала.

— Утомила я тебя, — расплываясь в кокетливой улыбке, робко положив ручку на моё бедро.

Милая, забавная девчонка, но что-то не то. Мысленно выругался, что за прикол, я, что теперь всех буду с ней сравнивать?

Впервые в жизни я зависал так долго на одной девушке. Все свободное время в голове

роились мысли о светловолосом ангелочке. Перед глазами стояли её печальные льдисто-голубые глаза и смущенная мягкая улыбка.

— Да нормально, — наконец, ответил, стараясь не дать воспоминаниям затянуть меня.

— Ты такой милый, — тонкие пальчики коснулись предплечья, поднялись выше, мягко очерчивая край татуировки. Взгляд её стал ещё более томным и даже призывным.

Этот взгляд и губы в сантиметрах друг от друга. Интим. Ни к чему нарушать положенный ход вещей.

Я ничего не ответил, это было бы лишним.

Машинально хлопнул по карману, убеждаясь, что презервативы на месте. Ладонь легла на её колено и медленно скользнула по бедру. Не мешкая, наши губы встретились.

Девушка охнула, оказавшись подо мной. Легкий халатик распахнулся, открывая приятную фигурку. Если она и растерялась, то ненадолго. Девичьи руки заскользили под футболку, ощупывая пресс и чуть цепляя грудь ногтями. Помог стащить с себя футболку и принялся целовать шею девушки. Она тихо постанывала и норовила расстегнуть джинсы.

Ей это почти удалось. Экран смартфона загорелся, а интимную тишину расколол гудящий рингтон.

— Говори, — коротко бросил я Макс.

Так у нас было заведено — отвечать на звонки друг друга всегда.

— Здорова, спишь что ли? — удивился брат, услышав мой севший голос.

— Мальщ, что-то случилось? — ласково промурлыкала Кристина, продолжая поглаживать край моих джинсов.

— Отвлек? Ой, звиняй, звиняй, — парень ехидно захихикал.

— Иди ты, — хохотнул я. — У тебя что-то срочное?

— Если коротко, я в баре. И угадай, кого я тут встретил? — тон стал более серьезным. Я слез с девчонки, которая растерянно смотрела, смущенно запахивая свой халатик.

— Макс, не тяни кота, — он любил говорить и делал это прекрасно. Иногда это было нужно, но только не сейчас. Тревожное ощущение шевельнулось внутри. В мышцах ощущалось напряжение, пока ещё слабое. Индикатор интуиции начинал мигать, давая сигнал собраться и быть наготове.

— Короче, девчонка твоя здесь, — выдал парень. До меня не сразу дошло о ком он, постоянной девушки у меня нет, а непостоянная лежала со мной. Макс моё замешательство понял. — Кот, не тупи! Аня твоя.

— Да ну на хер, — глупо улыбнулся я от удивления. Меня словно крепко приложили по темени. — В баре, у тебя?

— А я бы стал тебе звонить в двенадцать ночи чисто, чтобы поржать? Тут просто с ней тело какое-то, вроде не её бойфренд, вот я и подумал...

— Так, посмотри за ними. Я скоро буду, — не дав договорить брату, я сбросил звонок.

— Ты извини, мне отскочить надо, — сказал я девушке. В спешке я и забыл о своей несостоявшейся любовнице. Она сидела, надувшись и плотно закутавшись в халат. Я же, на ходу натягивая куртку, выскочил из квартиры.

Вырулив со двора, я утопил педаль газа. Машина летела, поднимая столбы снежной пыли. Улица уже была почти пустой и тихой. Ночные огни, придушенные тонировкой, проносились за окном машины.

Месяца ещё не прошло. Просидели у озера, пока не начало светать, а потом я отвез её

домой. Всё кончилось. Должно было кончиться, но я не смог вылезти из её соцсетей. Как маньяк, рассматривал каждую фотку, читая каждый пост, слушая каждую песню, которую она добавляла.

Кидались лайками, потом начались километры диалогов. Пустая болтовня ни о чём и ни намёка на что-то большее, а теперь сорвался и поехал. Может, и не нужно её выручать сейчас?

Просто сложно было поверить, что она так просто пришла в тот бар. Не вязалось это с тем образом, который я себе представлял.

— Вон она, — Максим кивнул на столик, стоящий чуть в стороне, когда я приземлился рядом с ним.

Слов не хватало, чтобы высказаться... Затрясло от возмущения. Красная помада, глаза густо подведенные черным, грудь выставленная напоказ. Она и не она одновременно. Будто на Хэллоуин вырядилась.

— Костя? — хлопнул меня по плечу обеспокоенный Макс.

— Нормально всё, — прошипел я сквозь зубы.

Мерзотная ухмылочка и масляные глазки выдавали намерения субъекта с потрохами, а ей хоть бы хны! Сидит, разговоры разговаривает.

Парочка куда-то засобиралась. Он обнял её, а у меня зубы кажется скрипнули. Она только улыбалась ему, позволяя себя лапать. Движения медлительные, неловкие — пьяна, сто процентов. Может, вообще не соображает, что делает.

— И какого хера здесь происходит? — бросил я, когда подошел к ним. Руки сами собой сжались в кулаки. Да, в этот раз о помощи она не просила, но если б я не ввязался, проклинал бы себя всю оставшуюся жизнь.

Они обернулись. Аня вздрогнула и сжалась, глаза округлились от удивления. А парень нахохлился и включил раму, готовясь отвоевывать девушку.

— К-костя? — растерянно и тихо выговорила она, отстраняясь от парня. Блуждающий взгляд не фокусировался. Выглядело так, будто она может потерять сознание.

— Чего надо? — бросил субъект, весьма заносчивым тоном.

— Лапы убрал от моей девушки и потерялся, — получилось довольно грубо.

— Не понял.

Меньше всего сейчас хотелось нарваться на драку, но и оставить девушку с ним я не мог. Она порывалась отойти, высвободиться из цепких лап, но держал он её крепко.

— Повторяю для тупых — потеряйся.

Парень стушевался, не выдержав прямого взгляда. Поднял руки в примирительном жесте.

— Ладно, понял.

По лицу видел, хочет ещё что-то добавить, но передумал и ретировался.

— Домой поехали, — может, я сказал это слишком холодно и грубо, но иначе не вышло. Взяв под руку, поволок её на выход.

Ехали молча. Повисшее в воздухе напряжение ощущалось кожей. Казалось, один неправильный взгляд или лишнее слово, и рванёт так, что мало не покажется.

— Приехали, — буркнул я.

Старался вообще не говорить и не делать лишних движений, дабы держать себя в руках.

— Где мы? — девушка усердно вглядывалась в темноту за окном. Видимо, не узнав места, растерялась. Она повернулась ко мне, в глазах отразились паника и возмущение. —

Куда ты меня привез?

— Двор моего дома, — я старался говорить спокойно, а выходило скорее равнодушно.

— Зачем мы здесь? Отвези меня домой! — дрожащий голос сорвался на истерический крик. Девушка бросилась к двери, хватаясь за ручку. Было поздно, предугадав её действие, я заблокировал двери. Сбежала бы и где её искать потом?

— Поздновато спохватилась, — смотря в упор, прошипел я, стискивая зубы.

На моих глазах растерянность на красивом лице трансформировалась в дикий животный ужас.

Девушка прижалась к двери, наверно желая просочиться сквозь. Я испугал её, но и капли жалости не испытал. Её слова, этот испуг в огромных глазах, её отчуждение, порождало бурлящую волну бешенства внутри. Бесило, что с хрен пойми кем она вела себя иначе, расслабленно. Что тому утырку позволяла себя лапать. Взбесило окончательно, что испугалась меня. Хотя темный двор страшнее, чем наполненный полусветом бар, но ведь это не кто-то, это, блин, я!

Не помня себя, я потянул регулятор сидения, роня спинку в горизонтальное положение. От неожиданности девушка плюхнулась следом, растерянн охнула.

Одним движением перебираюсь на пассажирское сидение и нависаю над ней. Рука сама скользит по её плечу и стискивает шею, слегка только чтобы перехватило дыхание. Она рефлекторно перехватывает руку, другой упирается в грудь. Глаза ещё больше, в них страх множится с каждой секундой.

Опьянение тает. Убираю руку с шеи, тяну собачку на куртке. Она расползается в стороны, открывая взгляду голые худенькие плечи и грудь, стиснутую тканью платья.

— Отпусти, — сдавленно шепчет она, сильнее упираясь мне в плечи уже двумя руками, стремясь оттолкнуть. Тщетные попытки вызывают ухмылку, которую я без стеснения демонстрирую.

Ноги её ёрзают, наверное, думает как бы изловчиться и ударить в пах. Подол платья задрался, демонстрируя бедра в черных колготках и край белья.

Коленями развожу ноги девушки, наваливаясь всем весом на хрупкое тело. Её лицо в паре сантиметров от моего. Пальчики впиваются в плечи. Больно, но терпимо. Свободной рукой сжимаю в кулак край колготок и тяну вниз. Кулачки начинают колотить меня по всему до чего дотянутся. Она трепыхается изо всех сил, пытаюсь скинуть меня.

— Не надо, — в голосе животная паника и мольба. Всхлипы, срывающиеся на крик. — Не надо, пожалуйста!

— И что теперь? — шепчу в самое ухо. В ответ она впивается пальцами в шею и лицо. — Что ты сделаешь? У тебя же даже ногтей нет, чтобы царапаться.

Сила в её руках есть, но недостаточно. И меня, худощавого парня, с места сдвинуть не может.

Стоит потянуть сильнее и по хрупкой ткани расползутся стрелки. Ничего не стоит порвать белье, а расстегнуть штаны — дело пары секунд.

Такая маленькая и хрупкая, напуганная. Так легко её сейчас сломать, запугать ещё больше, пригрозить расправой, ввести в ступор и делать всё, что заблагорассудится. Она даже никому не скажет, потому что будет считать себя виноватой, будет бояться осуждения.

Девушка с алкоголем, как красная тряпка. Вызывающее платье, яркий макияж, воспринимается, как сигнал. Ну, а зачем ещё она такая здесь, наверняка, ищет приключений, а если сопротивляется, значит, слабо настаиваешь. Мы ведь часто слышим, женщины любят,

чтобы их добивались.

— Костя, не надо, — по щекам текут слезы. Она уже не всхлипывает, тихонько плачет.

— Скажи, что может меня остановить? — шепчу я, глядя в красивое лицо. — Как думаешь, много ли мне нужно приложить усилий, чтобы завершить начатое? А?!

Я смотрю в глаза полные слёз и страха и ощущаю себя... мерзко, почти физически ощущаю привкус горечи.

Миниатюрная беззащитная девушка, над которой я вьюсь коршуном, измываюсь. Она уже даже не сопротивляется, мелко дрожит от страха и ощущения безысходности. Ей сейчас из-за моих действий страшно и больно.

Отпускаю ткань, ослабляю хватку и приподнимаюсь над ней.

— Видишь, как всё просто? Видишь?! — пытаюсь просто говорить, но срываюсь и кричу на неё. Страх за девушку вливается в злость на неё же. На её неосмотрительность и беспечность.

Она застыла, понимая, что её больше не удерживают.

— Ты совсем дурная?! Скажи мне зачем? Зачем ты одна приперлась в этот бар? А? Какого? Тебе что, приключений захотелось?

Она отрицательно замотала головой.

— Блть, Аня ты соображаешь, что если этот утырок трахнул бы тебя в ближайшем подъезде, это был бы самый благоприятный исход?

Пошло, похабно, грубо. Так нельзя говорить с девушкой, но подбирать слова я не успевал. Я испугался того, что мог опоздать. Я, правда, испугался за неё.

Слишком знакомое ощущение, когда ничего уже не можешь сделать. Оно подступило на короткий миг, и я сорвался в пропасть злобы и всепроникающего отчаяния. Может, я и преувеличил степень опасности, но слишком хорошо знал, к чему такие знакомства в барах могут привести.

Ситуация породила воспоминания. Они топят разум сожалением, оплетают сердце ледяными щупальцами жгучей боли. Запоздало понимаю, что кричу уже на неё. Понимаю, что на грани могу выпалить лишнего, хотя куда уж больше.

Осознавая, сколько уже наговорил, мне становится стыдно. Стыдно за свою несдержанность, за вспыльчивость. Напугал её, предстал настоящим монстром в её глазах.

Поднимаю кресло вместе с ней, переползаю на свое сидение. Девушка уже не плачет, растерянно смотрит на меня, пока я поправляю её куртку и волосы, одергиваю платье.

— Т-ты... — голос дрожит, девушка заикается и говорит шепотом.

— Я.

— Остановился.

— А ты хотела продолжения? — шутка совершенно не к месту, но, видимо, с черным юмором я сросся.

Она видела во мне монстра, и о доверии не могло быть и речи. Это могло бы разозлить, но я виноват сам. На короткий миг потерял голову от злости, решил преподать ей урок, придурок.

Я не сделал бы этого. Ни с ней, ни с какой-либо другой так не поступил бы. Каким бы уродом не был, я никогда бы не тронул девушку против её воли.

— Я... — девушка заикается, ещё не до конца успокоилась.

— Ты глупо поступила, — она ведь не это хотела сказать, но я чувствовал необходимость поговорить спокойно. — Глупо повела себя. Глупо и необдуманно. Аня,

неужели ты не представляешь, чем заканчиваются такие знакомства? И если этот чувак был бы один, тебе бы ещё крупно повезло.

Сколько девчонок каждый день знакомится с парнями в подобных заведениях. Сколькие из них, доверившись, попадают в квартиру с тремя-четырьмя типами, где с ними не собираются любезничать. А ведь бывает, что девушки пропадают без вести...

— Я не хотела, — девушка вытирает слёзы ладошками, размазывая тушь по щекам. — Костя, я ведь не собиралась с ним никуда идти. Я просто не думала.

Какие же вы, девчонки, наивные... Чувствуете себя в безопасности, ярко краситесь, откровенно одеваетесь... И нет в этом ничего такого. Ненормально, что с вами из-за этого может произойти. Ненормально, что подобные твари воспринимают это как доступность. Я сам такой, чего уж тут кривляться, сам ведусь на полуголых девчонок в подобных заведениях. Только слово «нет» я понимаю.

Из глаз её брызнули слезы, ручьями по щекам. Сердце ёкает, отдавая болью в левую сторону тела.

«Блть!» — не могу спокойно смотреть на женские слезы. Выбивает из колеи.

— Ведь это не я! — сбивчиво шепчет она. Поворачивается, и я понимаю, что пропал. Столько боли в глазах-блюдцах, что к горлу подступает вязкий ком, а сердце сжимается. — Я не хожу по таким местам! Я не гуляла допоздна, даже на выпускном! Я никогда не красилась так. А Глеб...

Речь оборвалась сдавленным всхлипом, девушка разрыдалась с новой силой.

Без слов сгребая её в охапку, обнимая за плечи. Пытаюсь вытереть слёзы. Она не может остановиться, говорит неразборчиво, но смысл ясен.

— Глеб опять мне изменяет. Я не могу, не выдержала. В голове помутилось. Думала, пойду, нет, не думала. Я вообще не думала...

Девушка плакала, прижимаясь ко мне. Хрупкое тельце била дрожь. Гладил её по голове, ничего не говоря. Теряюсь я в такие моменты, совершенно не умею успокаивать.

И всё сказанное ею. Нет, не шокирован, просто был удивлен. Всё то время, что мы общались, я был уверен, что у неё всё хорошо. Я был уверен, что не имею права лезть к ней, что не имею права даже заикаться о возможности отношений, не только потому, что она несвободна. Я думал, она счастлива с ним.

Подноготная её жизни оказалась не столь радужна. Кобель-жених, которого она продолжает любить вопреки всему. Одиночество, рядом с любимым человеком, разве может быть хуже.

Все ещё не протрезвевшая до конца, в слезах, с поплывшим макияжем. Красивая, растерянная, она породила желание успокоить и защитить от всего, оградить от боли. Не взрослая уверенная в себе почти замужняя мадама, а хрупкая и незащищенная девчонка, которой не хватает тепла и внимания. Побоялся я её отпускать в таком состоянии. Да и попросту не захотел.

Стараясь не шуметь, я провел девушку к себе и помог снять курточку. Она села на диван и расторможено осмотрелась. Стало неловко за свой свинарник. Благо грязные носки по углам не валялись, но куча стираного белья выглядела не очень опрятно. Хронически не заправленный диван. Абы как брошенная сумка и компьютерный стол, заваленный барахлом.

— Я сейчас. Тебе, может, чаю?

— О нет, не нужно спасибо, — голос дрожит меньше, что ж по крайней мере, она меня

больше не боится.

Вернувшись в комнату, я ожидал застать её спящей. Думал, свернется на диване клубочком и будет тихонько сопеть. Ну ладно, может, будет храпеть как трактор, и развалится поперёк дивана.

Заметно пошатываясь, девушка воевала с молнией на платье. Ткань скользнула на пол, она так и стояла, обняв себя за плечи. Я даже не подумал отвернуться или закрыть глаза. Кроме кружевных трусиков на ней ничего не было. В чахлом свете лампочки она казалась нереальной. Прекрасное видение, сон. Настолько она красива, идеальна. Ангел, спустившийся с небес, глядя на которого рождаются совсем нецеломудренные мысли.

В паху резко возросло напряжение. Сердце сбилось с ритма и едва не проломило ребра, когда мы оказались ближе друг к другу. Жар её тела. Запах, что-то сладкое цветочное. Глаза — голубая бездна, в которой ещё плещутся остатки волнения и страха.

— Аня, я, — голос охрип.

В горле моментально пересохло, а все слова казались лишними и неуместными.

— Не говори ничего, — прошептала она, прижимаясь приятно упругой грудью. — Пожалуйста, обними меня.

Не было никакого тумана или фейерверков. Просто руки сами скользнули вдоль спины девушки, стискивая в объятиях. Губы по щеке и вниз, она сама запрокинула голову, подставляя тонкую шейку под поцелуи.

— Уверена, что хочешь этого? — шептал я, едва касаясь языком мочки уха.

Жаркое дыхание и полувсхлип-полустон. Как обухом по голове. Жар перетек в напряжение и чувство стыда. Я понимал — не могу. Не потому, что не хочу её, джинсы едва не рвались. Просто не могу и, всё. Совесть? Возможно.

— Прости, я, — я отстранился, отведя взгляд в сторону. На глаза попала футболка. Я подал её девушке, стараясь не смотреть на её тело. Это было сложно. — Она чистая, надень.

Уж и не знаю, что двигало мной. В любой другой ситуации и с любой другой красивой девушкой, я бы повел себя иначе. Особой стойкостью в этом плане я не обладал, попросту предпочитая брать то, что шло в руки. А перед ней, я чувствовал что-то смахивающее на ответственность. Я боялся обидеть, сделать больно. И пусть инициатором была она, я понимал, что говорила в ней обида на этого самого Глеба, и банальное желание ощутить себя желанной, а вовсе не чувства ко мне.

Я боялся, что она возненавидит меня за то, что, по сути, воспользовался. Боялся потерять доверие этой девушки.

— Что? — тихо прошептала она, казалось ещё немного и начнется новый слёзный поток. — Я тебе не нравлюсь?

— Дуреха, — я одел её, как ребенка и обнял. — Ты даже не представляешь насколько.

Не представляла она, как сложно было удержаться. Сложно устоять, когда перед тобой обнаженная девушка, да ещё и такая красивая. Да ещё, если она уже крепко зацепила тебя. Сложно заткнуть сумасшедшее желание и рассуждать холодно.

— Но в чём тогда дело?

— Если между нами что-то будет, я не хочу, чтобы ты жалела об этом на следующее утро. Ложись.

Она послушно опустилась на диван и потянула меня за собой. Я лег рядом и обнял её. Девушка не сопротивлялась и положила голову ко мне на плечо. Очень скоро я услышал её тихое размеренное сопение.

Неловким получится утро.

===== Глава 8 =====

Каждое утро доброе по умолчанию. Оно ни в коем случае не виновато, что кому-то из нас предстоит идти на нелюбимую работу или надоевшую учебу, или, что кое с кем вчера случилась птичья болезнь под названием «Перепел».

Гадостный привкус во рту сопровождался дикой жаждой, а набат в голове усиливался трезвонившим телефоном. Хотелось запустить адскую машину в стену, но сил на то чтобы поднять руку попросту не было. Да и вдобавок, телефон ещё нужно было найти.

Яркий свет, слепивший глаза даже сквозь закрытые веки, красноречиво намекал на уже давно наступивший день. Тело будто превратилось в желе, с трудом удалось перевернуться на другой бок. Прислушавшись к внутреннему календарю, я окончательно успокоилась. Сегодня был настоящий выходной без пар и работы, а значит, можно было продолжать давить кровать.

— Я, конечно, всё понимаю, но твоя балалайка уже всю квартиру разбудила.

Знакомый голос, ворчавший едва не в ухо, мгновенно заставил глаза широко распахнуться.

Воспоминания вчерашнего вечера разлетались звенящими осколками.

Клуб, парень, коньяк, машина и Костя.

Обрывки. Разрозненные кусочки пазла, которые никак не складывались в целую картину. До больной головы только сейчас дошло, что нахожусь я вовсе не дома, а под боком лежит вовсе не Глеб. И от этого становилось не то чтобы страшно, это оглушало, как гроза, разразившаяся посреди солнечного ясного дня.

Я резко обернулась на голос.

Ещё сонный он лежал рядом, положив руки под голову.

Взгляд с долей иронии и любопытства был устремлен на меня. Солнечные лучи падали на лицо, от чего парень мило морщился. В тёмных глазах при таком освещении угадывался густой коньячный оттенок. В них плясали искорки, а черные пушистые ресницы...

Я замерла, попадая под гипнотическую силу его взгляда, но до похмельного разума доходило — это Костя, и он... Из лица, наверное, ушла вся кровь, пока взгляд прошелся по телу. Цепляясь за поджарую грудь и крепкие плечи, он уткнулся в край одеяла, что укрывало тело парня, начиная от середины живота. И он голый!

— Какого ты тут делаешь? — завопила я, немного оклемавшись от первого шока.

Дернувшись, я едва не слетела с дивана, но парень вовремя ухватил меня за руку.

— Вообще-то ты у меня, — Костя ответил спокойно, лишь приподнятая бровь показывала его удивление. — Эка ты вчера перебрала, что не помнишь этого.

Мозг экстренно выходил из режима сна, хаотично анализируя происходящее. Я выпила, нет, я нажралась. Я каким-то образом встретилась с Костей и приехала к нему домой. Это ещё как-то всплывало в воспоминаниях, усиливая головную боль. Но сознание отказывалось принимать последствия. Я лежала на его кровати, в его футболке с голым ним.

— Почему ты голый? — выдавила я.

Щеки превратились в спелые помидорины. Я шарила руками по своему телу. Трусы-то на месте, но это ни о чём не говорит. Я в принципе не любитель спать с голой задницей.

— Ну, знаешь, я как-то не люблю в одежде спать, — брюнет передернул плечами и

одним движением встал с кровати.

Когда он откинул одеяло, я порывисто закрыла лицо руками. Не готовая как-то была лицезреть его голое хозяйство. Да и увидеть его полностью обнаженным, значит, окончательно увериться, что провела с ним ночь именно в том смысле, которого я так боялась.

Нет, нет, нет! Я не могла!

Ощущение брезгливости подступило к горлу. Я не могла переспать с парнем, которого знаю без году неделю. Не могла я изменить Глебу, пусть даже и была пьяна. Я готова была провалиться сквозь землю от стыда, а зараза-совесть уже подкрадывалась и готовилась наматывать на кулачки нервные волокна. В голове яркой картинкой образовалось воспоминание о его теплых порывистых прикосновениях, его губах на шее. А может, это просто приснилось, и сейчас я попусту нервничаю?

— Можешь, выдохнуть, и открыть глаза. Я в трусах, — только после сказанного я отлепила ладони от лица и недоверчиво окинула парня взглядом.

Костя не смеялся, даже язвить не пытался. Просто стоял и смотрел на меня, взъерошивая волосы. Я не к месту заметила, что тело у парня приятно глазам. Он не оказался чересчур накачанным, но и тощим не был. Широкие плечи, крепкая грудь, пресс, через который тянулась дорожка черных волос. Я спохватилась, понимая, что засмотрелась на него. Хотела отвести взгляд, но где там. Посмотрев мне в глаза секунду, он хитро ухмыльнулся, превращаясь в прежнего себя, и добавил тоном весьма горделивым.

— Я конечно в курсах, что красавчик, но хватит пожирать меня взглядом.

— Ты?! Да, ты вообще! — я едва не задохнулась не то от возмущения, не то от того, что парень практически прочитал мои мысли.

— Что «вообще»? Ты пялишься на меня! — засмеялся молодой человек.

Подняв джинсы, он начал одеваться. А я всё никак не могла сдвинуться с места. Я едва не завывала, когда взгляд упал на крепкую задницу парня.

«Просто отвернись! — твердила я себе. — Ну что ты красивых мужских задниц не видела?»

Таких точно нет.

— Нет! — пыталась отнекиваться, как-то вяло.

Похоже, взгляд меня-таки выдал. Ещё немного и слюну начала бы ронять. Да что со мной? С чего бы вдруг так откровенно пялиться на парня, пусть и очень даже красивого? Просто не в силах отвести бесстыжих глаз, я отмечала мелкие тёмные веснушки, рассыпанные по лицу, родинки по всему обнаженному торсу, небольшую щетину на подбородке.

— Да! — ликовал парень.

— Нет! Ты... Ты даже не в моём вкусе!

Такое себе оправдание, учитывая взгляд голодного животного, каким я смотрела на него. Да и парень мне не особо поверил.

В попытке отвести глаза, наткнулась на свои вещи. Моё платье и колготки аккуратно висели на спинке стула. В голове хоть и прояснилось, но я не могла вспомнить, при каких условиях разделась и сама ли это сделала.

Парень поймал мой взгляд и хмыкнул.

— Да расслабься, ничего у нас не было.

На секунду показалось, что в голосе мелькнуло нечто похожее на сожаление.

— У тебя вид такой, будто ты расстроена, — удивился Костя, присев на край дивана. Он пригладил волосы и искоса посмотрел на меня. — Хотела услышать обратное?

Возмутиться не успела, телефон снова завел свою шарманку. Костя же закатил глаза, давая понять, что это его достало. Трясущимися руками я взяла трубку, звонила Лера, но огромное количество пропущенных вызовов просто пугало.

— Едрить твою налево! — стоило только принять вызов, как подруга взорвалась гневным воплем. Я даже трубку убрала в сторону от уха. — Аня, где тебя черти таскают?! Я всё утро, как на иголках! Да ещё и Глеб в колокола во все звонит, а я даже, что сказать ему не знаю! Где ты, ёлы палы?

— У К-кости, — тихо выдала, готовясь к очередному словесному шквалу. По ту сторону на удивление повисла гробовая тишина. — Лера, это случайно получилось, просто я...

— Костя? Погоди-погоди, что ты? Как? Ты в порядке? — голос был полон абсолютного недоумения и удивления.

— Да, я потом тебе всё объясню. Это, — всё это время я не сводила глаз с ухмыляющегося Кости.

Он театрально строил глазки и играл мышцами, изображая позирующего качка. Его гримасничание вызвало невольную улыбку, я едва сдерживала смех.

Парень напряг мышцы и вывернул руку так, чтобы на предплечье выступили вены. Я порывисто сглотнула. С одной стороны наседали с расспросами Лера, с другой Костя решил продемонстрировать все достоинства своего тела.

— Это длинная история.

— Ну, хорошо, — Лера успокоилась и видимо улыбалась. — Ладно, Глебушке скажу, что ты у нас ночевала и просто не хочешь с ним разговаривать. Олегу тоже отбой просигналю.

— Блин, ты и ему позвонила?!

— Ну да, мало ли что. Мы тебя вообще-то потеряли!

— Ну, прости, — жалобно пропищала я. Ох, и достанется мне, теперь ещё и перед другом оправдываться придется.

После мы попрощались, я вновь заверила подругу, что со мной всё хорошо и, что всё ей расскажу, как было. Нажав сброс, я перевела взгляд на Костю. Он замер и перестал улыбаться, якобы всё его мини-представление было плодом моего воображения. Тут уже не сдержалась, бросив в парня подушкой, я захохотала в голос. Он был забавным и крайне милым. При всём показном самолюбовании, он не вызывал раздражения. Его ужимки не бесили, а наоборот, заставляли смеяться и поднимали настроение. Парень безоговорочно располагал к себе своей простотой.

— Эй, ты чего? — уклонившись от «снаряда», он смущенно улыбнулся. Ямочки на щеках и брови домиком делали из него совсем юного мальчишку.

Сколько же ему лет? На вид сказать сложно, но если водит, значит, не меньше восемнадцати. Молодой парень, при одном только взгляде, на которого у меня в груди становится тепло.

— Это всё так странно, — вырвалось у меня.

— В смысле?

— Мы знакомы всего ничего, а вот общаемся и ощущение, будто сто лет тебя знаю. Да и ты ещё постоянно меня спасаешь.

Молодой человек опустил голову. Смущенный взгляд вгонял меня в краску, в его глазах

вовсю плясали чёртики. Молчание продлилось недолго:

— Ну-у, видимо, сие моё предназначение, — он двусмысленно повел бровями и посмотрел, казалось прямо в душу. — Спасать твою очаровательную попку из передрыг.

— Костя! — я насупилась, но обижаться не было желания. Из его уст это не звучало пошло или вовсе похабно. Неказистый, неумелый комплимент и не более.

— Ок, понял! Постараюсь больше тебя не смущать, — хохотнул парень, улыбаясь. Окинув меня взглядом, он с видом знатока добавил: — А ножки — класс.

— Вот, ну ты... — я закатила глаза. Но я соврала бы, сказав, что он меня раздражает. Костя мне искренне нравился. — Знаешь, мне стоит собираться домой.

Молодой человек только тяжело вздохнул.

— Аня, у меня будет одна просьба.

— Какая? — я даже предположить не могла, о чём он собрался просить меня.

— Я вечерами свободен и... — он опустил взгляд, словно боясь быть непонятым или осужденным. Замолчал, растерянно подбирая слова. — Не стесняйся набирать меня, если будет как вчера, не знаю... грустно, больно, страшно. Не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое.

— Я, даже не знаю, что сказать.

Не ступор, но очень похоже. Дружить с ним, а как это? Проводить время вместе, наедине?

Я знаю, что такое дружба. С Олегом мы знакомы лет сто и всё это время прекрасно дружили. Без намеков на большее с обеих сторон. Всё детство провели вместе, на соседних горшках в садике сидели, потом за партой в школе, и теперь продолжали общаться.

Но Костя. Это совсем другое.

— По определенным причинам мне не пофиг и... Только ты не подумай чего! Я просто предлагаю тебе дружбу. Если оно тебе, конечно, надо.

В своём смущении он выглядел мило и трогательно. Костя даже не представлял насколько «оно мне надо», да и я сама тогда этого полностью не осознавала. На душе теплело, стоило только увидеть эту полуулыбку или услышать этот баритон отдающий металлом. Я не смогла побороть желания, придвинувшись, я обняла его и тихо ответила:

— Спасибо.

Огромное чувство благодарности и чего-то ещё, чего-то, чему я пока не нашла названия, заполняли меня. Обо мне беспокоились и заботились, но у Кости это было совсем по-другому. Иначе чувствовалось, до дрожи приятно.

— Это можно понимать, как согласие? — он заглянул мне в глаза. Заботливо поправив разлохмаченные волосы, он обнял меня за плечи.

— Ага, — улыбнулась я. Не хотелось заканчивать этот теплый и уютный момент, но всё же нужно было двигать домой. — Только, чур, у меня тоже условие.

— И какое же?

— Я хочу кофе и в душ, — сама поразившись своей нахальности, выдала я.

— Ну, душ — вторая дверь слева, а кофе, — парень задумчиво почесал затылок. — Кофе только растворимый.

— Сойдет, — махнула я рукой и, растерялась.

Интересно, и как я собралась делать водные процедуры и распивать кофеё? Или для него в порядке вещей, что малознакомые девушки ночуют и пользуются ванной? Сколько их интересно уже побывало здесь?

— Костя, а ты живешь один?

— Не парься, я уже вышел из того возраста, когда родители ругают за девушек в моей спальне, — хихикнул молодой человек, но поймав мой ошарашенный взгляд, добавил: — Но теперь тебе, как честному человеку придётся на мне жениться!

— Чего?! — я была убита тем, что придется, возможно, встретиться с его родителями и просто пропустила мимо ушей и шуточное заявление, и старательно подавленную усмешку. Костя согнулся пополам, сотрясаясь от смеха. У него даже лицо приобрело красный цвет, а глаза начали слезиться.

— Вот, сейчас совсем не смешно было!

— Извини, — парень вытянул руки вперед, как бы готовясь отражать мой гнев. Он вытер выступившие слёзы и продолжил: — У тебя вид, как у парня, которого предки застукали в спальне невинной дочурки. Расслабься, я живу один. В смысле не один, но не с родаками.

— Это как? Да прекрати уже ржать! — я легонько толкнула его в плечо и встала, уперев руки в бока.

— Сори, понял, — и всё равно продолжал говорить сквозь смешки. — Я здесь комнату снимаю, тут ещё студентки живут и пара семейная. Тут всем пофиг друг на друга, так, что смело иди в душ. Я тебя даже провожу.

Поверив парню на слово, я вооружилась полотенцем и феном и поплелась в ванную. Вызывающий макияж размазался, превратив меня не то в панду, не то в плохо загримированного клоуна. Да и ночь, проведенная с Костей, не прошла бесследно. Я вся пропахла им.

Высушив волосы, я привела себя в порядок и взбрызнулась духами, что завалились в сумочке. Из зеркала на меня смотрела прежняя я. Не яркая и вульгарная. Не роковая соблазнительница или дешевая путана. А обычная: серая, бледная я. Хотя, может, не такая уж и серая. Я невольно улыбнулась своему отражению.

Мысленно махнув на свой помятый внешний вид, я оделась и вышла в коридор.

— А вы кто? — не сразу поняв, что обращаются именно ко мне, я обернулась и столкнулась взглядом с молоденькой девушкой. Насупившись и скрестив руки на груди, она смотрела явно настороженно, если не враждебно. Неудивительно, если бы я обнаружила в квартире незнакомого человека, то уже переполошила всех.

— Здравствуйте, я подруга вашего соседа — Кости, — приближенно к правде ответила я.

— Подруга значит, ну-ну.

Окатив меня уничтожающим взглядом, девушка скрылась за соседней с ванной дверью. Пожав плечами, я прошла в комнату парня. Он возвращался с балкона, обдавая меня прохладой и запахом сигарет.

— Я тут с девушкой столкнулась, — протягивая фен Косте, заговорила я.

— Это соседка, — нахмурился он. — Она что-то говорила тебе?

— Нет, спросила только, кто я. Ну, я сказала, что твоя подруга. А, что не надо было? — насторожилась я, глядя на растерявшийся вид парня.

— Да-да. Всё нормально, сказала и сказала.

— Она точно просто соседка? А то вдруг я тебе всё испортила, я могу объясниться с ней.

— Не надо, — оборвал меня парень.

Растерянность прошла, он смеялся.
— Она действительно только соседка.

===== Глава 9 =====

Утренняя прохлада должна была меня взбодрить, но у неё не получилось. Глаза слипались, рот раздирала зевота.

Ну и ночка! Начиналась спокойно, мы с напарницей даже поспать планировали, но в итоге ни она, ни я даже не прилегли.

Посреди ночи привезли девушку. Бригада скорой ехала с вызова, фельдшер заметил её, идущей по проезжей части нетвердой походкой. Сначала её приняли за пьяную, но когда она упала, всё же решили проверить.

С подозрением на сотрясение её привезли в самую ближайшую больницу — к нам. Её долго не могли привести в сознание. Вялая и рассеянная, она не реагировала на расспросы, но когда дежурный врач решил осмотреть её, начала биться в истерике. Её душераздирающий крик до сих пор звучит в голове, а от затравленного взгляда кровь в жилах стынет.

Она почему-то бросилась ко мне. Не драться, просто обняла и рыдала, что-то неразборчиво шептала. С трудом, но мне удалось её успокоить и осмотреть. Лицо в ссадинах и кровоподтеках, гематома в области затылка.

Можно подумать лицо без определенного места жительства, но врача что-то смутило, и он решил оставить её в стационаре для полного обследования. Тут и выяснилось, что девушка ничего о себе не помнит. Не может назвать ни имени, ни фамилии, ни домашнего адреса и понятия не имеет, что с ней произошло.

Я первый раз столкнулась с таким случаем и как студенту-медику, мне было интересно наблюдать. А по-человечески было ужасно жаль её. Она боялась чего-то, а чего не могла объяснить и едва ли понимала сама.

Из рассуждений грубо вырвала чья-то рука, зажавшая мне рот.

— Идиотская шутка, — промычала я, запоздало понимая, что никто в моем окружении так себя не ведёт. Чужой ехидный смешок только подтвердил это.

Некто за моей спиной не растерялся. Перехватив поперек тела, меня поволокли в сторону загороженного участка, у нашего отделения ремонтировали фасад.

— Отпусти! — пыталась я закричать, но лапища напавшего закрыла половину лица и крепко зажала рот, даже челюстью пошевелить не получалось.

Стало страшно. Очень и очень страшно. На улице уже было светло, но как назло, во дворе больницы не было ни души. Посетители редко приходили в такую рань, пересменка кончилась, и моя напарница уже уехала домой. Я задержалась, чтобы поговорить с той самой девушкой, оставила ей свою кружку и расспросила, что принести, раз никто к ней прийти не мог.

«И как быть, если на тебя нападают?»

«Просто не шататься по темным улицам. А если серьезно, если напали сзади, нужно разорвать хватку»

«Как это?»

«Не важно. Вцепись в рожу ногтями, укуси, извернись и ударь и беги, что есть сил»

О том, что память без каких-либо подсказок воспроизвела этот разговор, я вспомнила

только после.

Тогда же я поняла, что кричать бесполезно. Нужно бороться. Большая горячая рука, я ухватила за мизинец. «Вырывайся и беги!» — орал внутренний голос во все горло. Резко дернула палец и, выскользнув из хватки, бросилась наутек.

— Ай, бляха муха! — вопил нападавший. — Кноп! Разве можно так?! С живым человеком!

Каблук попал в выбоину на асфальте, нога зацепилась и я, едва не кувыркнувшись, упала.

— Вот же! — вырвалось у меня. — С-стёпа?

Лежа на земле, вглядывалась в лицо напавшего на меня незнакомца. Неистово моргала, пытаюсь прогнать видение. Хотелось верить, что это галлюцинация от того что ушибла голову. Это не мог быть он! Его ведь не было в городе уже давным-давно! Он же сбежал, поджав хвост! Так с чего бы ему объявиться тут снова? Да ещё и прийти ко мне!

Всё-таки это был он. Приосанившийся, возмужавший и коротко оболваненный, но это был он! Хотя если бы не фирменный томный взгляд, я бы не признала его. Уж очень сильно изменился тот парень, которого я когда-то любила.

— Стёпа, — кривляясь, передразнил он, поднимая меня на ноги. — Ядрёны макароны, лечу к ней с самого аэропорта! А она, пальцы мне выкручивает! Нет, чтобы обнять.

Он говорил и говорил, продолжая держать меня за плечи, словно боялся, что я опять попытаюсь убежать или упаду чего доброго. Парень запальчиво нёс откровенную чушь о нерадушном приёме, о том, что вообще может обидеться. Вел себя так, словно я должна была его ждать и встречать хлебом-солью.

— Обнять тебя? Seriously? — спросила я без особых эмоций. Его слова вызывали во мне слабое возмущение. Всё же чуяла, что он не всерьёз, что от волнения. — Эй, поставь меня обратно!

Он легко подхватил меня, удерживая на вытянутых руках. Голова закружилась от карусели, которую парень мне устроил. Широкая улыбка не сходила с его лица. Хотя это не поменялось, всё та же непосредственность, отсутствие стеснения в выражении эмоций.

— Ты даже не представляешь, как я скучал по тебе! Так скучал! Так скучал! — отпустил меня, чтобы с новой силой прижать к себе.

— Ты же меня поломаешь, — пробурчала куда-то в широкую грудь. Его поведение рождало непонятную улыбку. Черта что ли у них семейная — ни как не получается обижаться на шутки, пусть даже идиотские. Сама не поняла, как хихикнула. — Здоровый какой стал.

— А то! — Он напряг руку. Что-то слишком много накачанных парней рядом со мной. — Глянь, какая бицуха, хочешь потрогать?

— Да уж, от скромности ты, Вершинин, точно не умрёшь! — проворчала, не сумев сдержать улыбку. Как-то само вышло, что закрыла глаза и прижалась к широкой груди.

— Грешен, каюсь! — торжественно произнес он, смотря на меня сверху вниз. Было в этом что-то интимное. Вроде и объятия дружеские, и смотрел он на меня без всяких намеков, но отчего-то дыхание сбивалось, а за ребрами сладко ныло.

Мы расположились в кафе, неподалеку от моей работы, заказали кофе и замолчали. Он разглядывал меня, а я неотрывно смотрела в теплую зелень его глаз. Взгляд добрый, располагающий к себе, не дающий усомниться в открытости своего хозяина.

Обезоруживающая улыбка, от которой мои кости превращались в кисель.

Ничего не изменилось. Снова чувствовала себя молоденькой девчонкой и не могла отвести взгляда от него. И это было, как смотреть на солнце. Ярко, тепло, но глаза обжигает до боли.

— Ань... — после долгого молчания он заговорил. Звучало так, словно он собирался с духом, но телефонный звонок грубо оборвал его.

— Погоди секунду! — бросила я. — Да?

Объяснившись с Глебом, я убрала телефон и зависла. Его звонок вернул меня к реальности. Я ещё слишком хорошо помнила. Как летела к этому свету подобно маленькому хилому мотыльку. И как спалила свои крылья, едва не сгорев сама.

— Что-то случилось? — Стёпа выглядел взволнованным. Пока я говорила по телефону, он буравил меня взглядом, изредка хмурясь.

— О, нет. Всё в порядке! — нервный смешок вырвался наружу. — Просто меня должен был встретить жених. Из головы совсем вылетело.

— Бывает, — молодой человек рассеянно улыбнулся. — Погоди, ты сказала «жених»?

— Ну да, а что разве Лера ничего не рассказывала?

— Нет, ну говорила, конечно. Но я... Не думал, что всё так... что так серьёзно, — договорил он, запинаясь почти за каждое слово.

У каждой девушки, наверное, бывают такое, когда воображение рисует встречу с бывшим. Спустя долгое время, она выглядит, как с обложки, чтоб, наверняка, понял, кого он упустил. Она счастлива, но не с ним. Он уже для неё только прошлое. Встреча не приносит волнения, воспоминания — боли.

И у меня такое было, только представляла всё иначе. Представляла, что увидит нас однажды и локти кусать будет, но жизнь распорядилась иначе. Эти отношения оставили на сердце рваные раны. Они и зажили вроде, но сейчас напомнили о себе, отзываясь тупой болью в груди.

Стёпа в один момент стал каким-то потерянным, возможно, тоже ждал иного от этой встречи.

— Я, — парень нервно кусал щеку с внутренней стороны, избегая прямого взгляда в глаза. — Ань, прости меня, пожалуйста.

— Ну, тебя, Вершинин! — махнула я рукой. — Просто больше не делай так, а то пришибу ненароком.

— И за это тоже. Я думал, как раньше. Идиот, — буркнул он.

Его губы разошлись в широкой улыбке.

Она практически не сходила с его лица сегодня. Кривая, неестественно широкая, она выдавала волнение. От чего же он волновался? Было ли это волнение от встречи после долгой разлуки или же была иная причина?

— Почему-то думал, ты меня узнаешь.

Я слишком хорошо всё помнила, просто не ожидала. Засунула воспоминания связанные с ним в самый глубокий сундук и ширмочкой прикрыла. Первая любовь у меня не получилась чистой и светлой. Не была она чем-то прекрасным, что с теплом вспоминаешь спустя годы.

— Я прошу прощения за то, как тогда с тобой поступил.

— Вершинин, перестань! Не надо! — оборвала я его слишком резко.

Сама не ожидала от себя такой реакции. Кофе встал поперек горла. Не ждала я этого.

Примирилась с тем, что для парня ничего, кроме развлечения, наши отношения не значили. Не давал он обещаний, а значит, спроса с него нет. И не за что просить прощения.

Мы не виделись с момента нашего расставания, и столько же я не говорила о произошедшем вслух. Вспоминать было больно, только Олегу и смогла довериться и то потом, когда уже не нужно было ничего решать. И счастье Стёпы, что его уже на тот момент в городе не было.

Думала, смогла забыть, а оказалось, просто заместила. Все мои нынешние переживания лишь на время перекрыли то, что хранилось в душе.

Слишком долго я запрещала себе эти эмоции. Раны затянулись, продолжая гнить изнутри.

— Раньше ты называла меня по имени, — отозвался парень. Четко очерченные брови выразительно изогнулись, как если бы он хотел легонько пожурить меня, как старший брат. — Я понимаю, что припоздал с оправданиями. Понимаю, что давно надо было. Что поступил, как последняя паскуда. Давно и много думал, решался. Я как скотина ссал, при мысли, что нужно прийти к тебе. Хотя бы позвонить или написать. Меня душит это, — парень потер крепкую шею. — Клещами держит за горло. Прости меня, если это вообще возможно.

Захотелось спрятаться. Что угодно сделать, только не видеть этот взгляд, полный мольбы. Вечный весельчак сейчас выглядел потерянным и измученным. И я верила, что говорит он искренне, но только ответить ему тем же не могла.

— Не молчи, прошу тебя, — прошептал парень. Его рука легла поверх моей. Пальцы стремились переплестись с моими, но я тесно сомкнула их. — Хочешь, кофе в рожу вылей. Хочешь, наори. Да хоть ударь, я заслужил. Только не молчи.

Мне было, что сказать. Как выжила после его отъезда. Как было больно и морально, и физически. Как было страшно. Какие мысли мучили меня. Как сходила с ума, оставшись наедине с его предательством. Всё хотелось бросить ему в лицо, чтобы всё прочувствовал. Боль, облеченная в слова, стремилась найти выход наружу.

— Стёпа, я... — а дыхание перехватило, голос предательски дрогнул. Прикусив губу, я нервно сглотнула, стараясь прогнать слезы, стоящие в глазах. — Тебе не стоит просить прощение. Это ни к чему.

Так оно и было, если отбросить в сторону эмоции и чувства. Прошло столько времени, всё должно было остаться в прошлом. Срок давности юношеских обид вышел, но почему-то стало очень-очень больно.

— Аня.

— Нет, правда. Что было, то прошло, — я говорила такую чушь, собрав все фразы, которые только говорят в таких случаях. А на деле не могла подобрать подходящих слов, которые не выдали бы моих настоящих чувств, и которые вместе с тем звучали бы искренне. — Я не сержусь на тебя, в конце концов, мы были оба зелёные и не отдавали себе отчета в том, что делали. И вообще, не нужно всё это пережевывать снова.

С таким равнодушием я говорила о том, что переломало меня когда-то, вот только это всё была одна сплошная показуха.

Может, я и не могла врать себе, но ему-то могла. И врала. Заставляла себя беззаботно улыбаться. Заставляла себя говорить совсем не то, что думаю.

Я хотела заставить себя отпустить прошлое, но получалось только его запереть обратно в клетку.

— Ты серьёзно?

— Да, — кивнула я максимально расслабленно, стараясь вложить в этот жест как

можно больше спокойствия и в какой-то степени пофигизма.

Нужно было свернуть эту тему, как можно скорее. Взрослая я это прекрасно понимала, ведь эти разговоры сейчас были попросту ни к чему. Столько лет уже прошло, у каждого из нас новая жизнь, свои личные переживания и важные вещи, а прошлое должно оставаться там, где ему положено быть. Здесь и сейчас подобный разговор выглядел неуместно. Как и все воспоминания, которые он вызывал. И эмоции, которые больно врезались меж ребер. Если бы только можно было стереть себе память. Если бы расколотить в щепки воспоминания, что рождали его взгляды, его улыбки. Смести в совочек и в урну. Или сжечь!

— И ты не держишь на меня обиды? — он был удивлен, но судя по улыбке — не расстроен. — Нет, правда. Я просто тогда так трухнул! Что ничего лучше, как сбежать, не придумал.

Как мне удалось рассмеяться, не знаю. Смех этот отдавался зубодробительной болью во всём теле.

— Да понимаю я всё. Нам сколько лет-то было?! Любой бы трухнул на твоём месте.

Всё правильно. Так и должно быть.

И головой я это понимала, но сердцем... я слишком хорошо всё помнила.

===== Глава 10 =====

Домой я приехала на такси. У подъезда тупила, пока водитель меня не растормошил.

— Тяжелая смена? — понимающе улыбнулся он.

Я кивнула, расплатилась и поплелась домой, но остановилась у подъезда. Подумывала позвонить Лере, только бы не оставаться наедине со своими мыслями, но там, наверняка, был и он. Где же ему ещё быть, если не у родной сестры.

Видеть Стёпу не хотелось. Опять бы пришлось говорить с ним, опять делать вид, что всё нормально, что мне всё равно. С Пашей встретиться может?

После пары гудков он ответил.

— Привет, Малая.

— Привет, Пащ, — от голоса брата должно было стать спокойнее, но я только острее ощутила необходимость выговориться. «Нет» — мысленно одернула я себя, это только мой груз. — Я тут подумала, давно не виделись.

— Ага, так в чём дело, приходи в гости вечером.

— Да я думала... Ты сейчас сильно занят?

— Работаю, но, — его голос отдалился и вернулся обратно. — Через два с половиной часа у меня обед, могу выбраться.

— Нет, не стоит беспокоиться, — я даже не подумала. Будний день, утро. Конечно же, он работает.

— Ты обижаешься? Ань, всё нормально? У тебя голос какой-то не такой.

— Нет, нормально всё, я просто спать хочу. Ладно, я пожалуй, пойду на боковую.

— Спокойно ночи или дня, — отозвался он. — Ждем в гости!

— Хорошо, пока.

Позвонить Олегу, но он сразу всё поймет по голосу, настолько хорошо он меня знает. И как знать, как отреагирует.

Затолкала телефон в карман и, открыв дверь, вошла в подъезд. Тишина в лифте перетекла в тишину пустой квартиры. Тиканье часов вызвало раздражение, давно хотела

выбросить их в окно, но с такой высоты они могли прибить случайного прохожего.

В гостиной убрала лишние тетради, остальные сложила аккуратной стопкой. Учебный год подходил к концу, последний экзамен, практика и всё.

— Свинья, — вырвалось у меня, когда дошла до кухни. Глеб опять поставил кружку на стол и не воспользовался подставкой. Пятна от разводов украшали стеклянную столешницу. Посуда стояла в раковине. — Зараза! До мойки два метра!

Я ворчала, хотя обычно мне безразлично, где там что валяется. Взяв тряпку, я начала тереть стол, потом принялась отмывать кухню от несуществующей грязи.

Стёпа. Его образ отпечатался на сетчатке и стоял даже перед открытыми глазами. Его умоляющий взгляд, его рука на моей.

От любви до ненависти и обратно. Сердце ныло, билось напуганной птицей, хотело вырваться. Я терла поверхность тумбы, стискивая тряпку.

«Кнопка, моя маленькая кнопка» — его шепот, от которого волна мурашек разбежалась по телу.

Маленькая и глупая! Бестолковое существо.

Светлые глаза, когда-то я видела в них любовь. Я обманывалась, ошибалась. Сегодня я видела сожаление, а может, ошибалась снова.

— Жила же себе спокойно столько времени, нет, надо было ему объявиться! Можно подумать ему так нужно моё прощение! — впадая в такое состояние, я начинала говорить с собой. Странно это, но если рассуждала в своей голове, боялась сойти с ума.

Кажется, хлопнула входная дверь. Я резко обернулась на звук и сшибла локтем один из стаканов. Синее стекло разлетелось вдребезги, встретившись с полом.

— Блин! Аня, осторожнее нельзя? — донесся голос Глеба, как сквозь толстый слой ваты. — Это муранское стекло, родители дарили!

Звук бьющегося стекла оглушил меня и вывел из равновесия. Руки задрожали, перед глазами поплыло.

— А чего оно делает тут? На скользкой мойке! — отчеканила я, вроде твердо, но голос дрожал.

Повернулась к Глебу.

Мужчина сверлил меня взглядом, полным недовольства. Он говорил о стоимости лакшерного стекла, о ценности подарка. Ворчал что-то, пока я не подошла к нему в упор.

— Ты меня слушаешь? Я говорю.

Я оборвала затянувшийся монолог, едва не врезавшись губами в его губы. У самой дух вышибло. Голова закружилась, но не от поцелуя. Сама от себя была в шоке, от своего поведения.

Руками обхватила его шею, еще больше прижимаясь телом. Хотела сильнее, но воздуха не хватало уже.

— Аня, ты пьяная? — он уже забыл и про разбитый стакан и про его стоимость.

Глеб смотрел на меня, часто дыша. Мужчина улыбался, в растерянном взгляде все же читалось желание. Нетипичное для меня поведение сбивало его с толку, но по напрягшемуся телу было понятно — он не против.

Я прижалась теснее, сосредотачиваясь на его руках, на моей спине. Отрицательно мотнула головой, глядя прямо в глаза.

«Красивый мужик. И чего тебе дуре надо?» — спрашивала я себя, рассматривая его лицо, как в первый раз. Идеальные черты, которым может позавидовать любой актер

Голливуда. Эспаньолка, идеально ему идущая. Стильно остриженные светлые волосы. Глаза. Я всегда обращаю внимание именно на них при знакомстве. В глазах Глеба смешивался зеленый и голубой — что-то вроде цвета морской волны. Эта его надменность во взгляде, помню, как она сменилась растерянностью, когда я отказала ему в свидании. Господи, столько времени прошло. Он же думал, что я выделяюсь, цену набиваю. А мне было просто не до него. Мама сгорала на глазах. Стёпа остался в прошлом уже тогда, но отголоски первой любви ещё жалили в сердце.

Как красиво Глеб ухаживал. Вечно заполошная я не могла полностью оценить всю красоту и романтичность его поступков. Один баннер, натянутый на стену дома напротив, с надписью «Аня, я тебя люблю» чего стоил. Помню, как мне было неловко, как ругала его за бессмысленные растраты, а он смеялся, что для меня ничего не жалко.

— Поцелуй меня, — прошептала я, не отрывая взгляда.

Просьба была выполнена. Я потянула его в сторону дивана, по пути позволяя раздевать меня. Руки его шарили по телу. Горячие прикосновения, пыталась раствориться в них, наслаждаться ими.

«Ты — прошлое, — шептала я невидимому бывшему. — Он — настоящее!»

— Встречай меня всегда вот так, — шептал Глеб, укладывая меня на диван.

И снова я заставляла его молчать долгим поцелуем. Они были мне необходимы, чтобы вытравить воспоминания о других губах. Губах, что когда-то дарили первые в жизни поцелуи, от которых подкашивались ноги. И первые в жизни прикосновения, в предвкушении которых ныло всё тело, и горела кожа.

Образ Стёпы так и норовил влезть в мысли, сбить с толку. Казалось, он наблюдает со стороны, нервно кусает щеки изнутри. Осуждает за то, что отдала себя другому, что предала наши чувства, наши воспоминания.

«Иди к черту! — кричала я беззвучно — Оставь меня в покое!»

Прикосновения Глеба. Его обнаженное тело. Вся страсть, с которой он двигается во мне. Это мне нужно. Раствориться в нём, прочувствовать каждый его стон, каждое движение.

— Нет! — пресекаю его стремление перевернуть меня на живот. Я четко осознаю, что должна его видеть, зачем? Не знаю, чтобы до конца осознавать, кто со мной.

— Ну-у, — канючит Глеб, но уступать я не собиралась. Мужчина сползает на пол, подтягивает меня к краю дивана. — Вредина.

Шепчет на ухо, прижимая меня к себе. В этом положении он полностью все контролирует. Я провожу ладонями по накаченным рукам, стискиваю плечи, запускаю пальцы в мягкие волосы. Я должна его чувствовать.

Мужчина не отрывая замороженного взгляда от покачивающихся грудей, тискает их, гладит выпирающие ребра с явным наслаждением, кусает губы. Я стараюсь прогнать стыдливость. Мне неудобно, неловко. Я почти плоская из-за диет. Пока похудеешь в ляжках, от груди мало что остаётся.

Глеб хрипло стонет, больно стискивает грудь. Закрываю глаза, пытаюсь подстроиться под его ритм, полностью раствориться в нём.

Не те прикосновения. Без жара, без той любопытности, стремления впитать каждый изгиб, прочувствовать каждый сантиметр кожи. Ладони слишком холёные и узкие. Голос не тот. Стоны не те.

«Прочь, уходи!» — едва не кричу вслух, кусая губы до крови.

После сегодняшней встречи Степа стал слишком осязаем. Тело вспомнило его прикосновения, а запах его отпечатался в подсознании.

— Аня, ты в порядке?

Открываю глаза. Глеб растерянно смотрит на меня. Мужчина остановился, но все ещё держит меня за бедра. Запоздало понимаю, что по щекам моим текут слезы. Острыми когтями сердце рвёт бестолковая тоска.

— Всё хорошо, — не был бы он так увлечён, может и услышал бы интонации голоса. Переворачиваюсь сама, чтобы он видел больше моего к нему равнодушия.

Пятнадцать минут спустя Глеб уже в душе. Меня раньше раздражало, даже задевало. После секса сразу в душ, как будто брезгует, и стремиться поскорее смыть с себя мой запах. Сейчас было всё равно. Сидела на диване, ноги прижав к груди.

Зачем я набросилась на него едва ли не с порога? Думала, поможет, наивно полагала, что этот секс сможет вытравить из памяти те прикосновения чужого уже человека, что причинил столько боли. Думала, что любовь и желание Глеба обогреет меня, отгонит призраков прошлого.

Глупая девчонка ощутила только чувство брезгливости к себе.

Двумя часами ранее

Темно-серый Каен торчал перед зданием поликлиники уже минут пятнадцать, а его хозяин нервно барабанил пальцами по рулю, глазами выискивая свою девушку. Мужчина задержался и, несмотря на это она всё ещё не показалась у ворот больницы. Уйти точно не могла, она всегда дожидалась, когда он просил.

Видимо, задержалась на смене, думал блондин — это было более вероятно, нужно просто подождать. Впрочем, особой выдержкой Глеб никогда не обладал и вскоре ожидание его утомило.

— Алло. Аня, ты скоро уже? — спросил он раздраженным тоном. Чуткий слух уловил чьи-то голоса на заднем плане.

— Привет, а я ушла уже, — отозвалась девушка после недолгой паузы. Мужчина мысленно чертыхнулся. — Блин, я тут встретила кое-кого из старых знакомых и забыла. Да ещё вторая ночь, голова вообще не соображает. Ты извини, я сама домой приеду.

— Ладно. Пока, — проворчал мужчина и нажал отбой. — Бестолочь!

Глеб тихо негодовал из-за забывчивости девушки. Родители ещё неделю назад пригласили их на ужин в честь годовщины своей свадьбы. Пышного торжества не планировали, собирались отпраздновать исключительно семьей. Мужчина благополучно забыл о приглашении и вспомнил только сегодня утром, когда позвонил отец, чтобы уточнить время начала мероприятия. План посидеть узким кругом заменился на приём в дорогом ресторане с большим количеством гостей.

Мало того, что Ане нужно теперь отменить все дела на завтра и подобрать платье, так ещё и подарок не был куплен.

Стук в окно прервал гневные мысли мужчины. От неожиданности он даже вздрогнул, спеша опустить стекло.

— Привет, огонька не будет? — пухлогубая блондинка улыбалась как бы застенчиво, кокетливо хлопая ресницами. Меж пальцев была зажата тонкая сигарета. Глеб невольно отметил, что руки у неё довольно ухоженные, но длинные ногти портили все впечатление.

Может он просто привык к коротко обрезанным ноготкам своей девушки, но длиннющие когти не вызывали у него симпатии.

— Боюсь, что нет. Я не курю, — сканируя девушку взглядом, ответил он, улыбаясь довольно мило. Улыбка девушки стала ещё лучезарнее. — Курить вредно, особенно девушкам. Негоже портить красоту.

— Ты что со мной флиртуешь? — глазки наивно захлопали. Макияж был сделан довольно неплохо, но вызывающе. Если бы Глеб встретил её в клубе, она б ему приглянулась, потому что там, на его взгляд, такие ресницы и губы были бы уместны.

— А почему бы и да, — брови выразительно вздернулись. — Совсем забыл, прикуриватель есть. Сойдет?

— Вполне, — отозвалась девушка.

— Ты садись, а то, кажется, дождь собирается, — блондин разблокировал двери и приглашающе кивнул. — Может, подвести куда?

Небо и впрямь нахмурилось. Словно прочло мысли мужчины, и не было ими довольным.

— А вдруг ты маньяк или извращенец? — но в салон всё-таки села и прикурила сигарету.

— Не волнуйся, я очень ласковый и нежный маньяк, — подмигнул он ей, заводя машину и трогаясь с места. — Меня, кстати, Глеб зовут.

— А меня Марина.

Девушка не случайно обратилась с просьбой именно к нему. Конечно же, она узнала Глеба, видела когда он забирал Аню, да и на фото в её профиле в соцсетях он появлялся, правда, последнее время уже не так часто.

Марина искоса посматривала на него, про себя отмечая, что в жизни мужчина немного крупнее и гораздо симпатичнее. Чего стоили пронзительные лазурные глаза и идеальная улыбка. А ещё в жизни его респектабельность демонстрировалась в полной мере. Всё в этом мужчине было с иголочки, от стрижки и ухоженных ногтей, до дорогих аксессуаров и вылизанной машины бизнес-класса. «И чего этой дуре не хватает?» — подумала девушка, по инерции хмыкнув. Она не раз была свидетелем того, как коллегу встречал у ворот некто «не-Глеб».

— Что? — улыбнулся он, следя за дорогой и изредка поглядывая на свою пассажирку. Она была симпатичной и выглядела эффектно. Да именно, пожалуй, её можно было описать именно так — ярка девушка. Мужчина не мог не задержать взгляда на красивых формах, которые хорошо прорисовывались под легкой одеждой. — Куда тебя отвезти?

— Высади где-нибудь, где можно поймать маршрутку, — смущенно улыбнулась Марина.

— Я могу и до дома довезти, — Глеб оскорбленно скривился, представляя провонявший пылью и чужим потом общественный транспорт. Антисанитария чистой воды, сколько он не пытался отвести Аню от этого, она так и не поддалась.

— Ну-у, мне как-то неудобно, — Марина опустила глаза в смущении.

Саму несколько не радовала перспектива трястись в убитой маршрутке минут сорок при хорошем раскладе. У Глеба в машине же было уютно, а мягкое сиденье позволяло расслабить натруженные за смену мышцы. Да и подольше пообщаться с мужчиной не помешало бы. Она чуяла, что у сладкой парочки разлад. И новый кавалер мышки, как она за глаза называла коллегу, ещё больше уверил её в этом. Когда же красавчик-блондин одиноко ожидал на парковке, девушка решила — это знак и начала действовать.

— Я живу в Новосинеглазово.

Глеб искоса посмотрел на свою попутчицу и лукаво улыбнулся. «Так бы сразу» — подумал он, едва удерживая усмешку. Актриса из Марины оказалась хреновая. Эта её жеманность и стеснительность была насквозь фальшивая и пахла провинциальным театром, но естественно, этого он ей не сказал.

Автомобиль затерялся в плотном потоке, полчаса спустя обнаружился в густой лесополосе. Громко играющую музыку не могло заглушить даже пение птиц, а окна несколько запотели.

Расслабившись на откиннутом сидении, покусывая высохшие губы, мужчина позволил рукам жить своей жизнью, пока Марина старательно удовлетворяла его. Направлять девушку нужды не было, она владела мастерством в совершенстве. Каждое движение белокурой головки заставляло неконтролируемые стоны вырывать из груди, жадные прикосновения пухлых губ отзывались спазмами внизу живота. Глеб не хотел себя контролировать, даже и не собирался, по телу прошла крупная дрожь, а ноги сковала судорога.

— Прости, я не сдержался, — прошептал мужчина. Тело предало его, превратившись в желе, стремившееся растечься по всему салону. В горле пересохло, а приятная опустошенность не давала возможности говорить нормально. Он вяло протянул руку, чтобы вплести пальцы в волосы Марины. — В бардачке минералка есть, если что.

— Всё нормально, — улыбнулась девушка, вытирая губы салфеткой. — Иногда стоит не сдерживаться. Ты только ничего плохого не думай. Я обычно так не делаю, просто ты мне очень понравился.

«Ну да, конечно» — он снова едва сдержал усмешку. Какой он там по счету, Глебу было откровенно говоря наплевать. Серьезные отношения его не интересовали, а чтобы отвлечься от рутины, чистота и невинность не обязательны.

Он ничего не ответил, ласково улыбнулся, как всегда в таких случаях, и погладил девушку по щеке.

— Когда мы снова встретимся? — прижавшись довольной кошкой, промурлыкала Марина. Она потянулась желая поцеловать, но губы наткнулись на холеные пальцы мужчины.

— Оставь номер, я тебе позвоню.

Комментарий к Глава 10

Новая глава в понедельник (14.09.20)

===== Глава 11 =====

— У вас, наверное, праздник, — улыбался таксист, поглядывая на меня в зеркало заднего вида.

— Что-то вроде, — ответила я больше из вежливости.

Я не люблю заводить беседы со случайными людьми, но мужчина выглядел таким добрым, что отмолчаться посчитала невежливым.

— Прекрасно выглядите.

— Спасибо.

Главное, чтобы знакомиться не пытался.

Я достала зеркальце и ещё раз оглядела себя. Мне тоже нравилось, как я выгляжу. Собирали меня в салоне, куда я по совету Леры экстренно заскочила после пар. Сделали все

быстро, но результат вышел именно такой, какой я и хотела увидеть. Естественный макияж, чтобы подчеркнуть глаза и скрыть усталость. Легкие локоны, собранные в небрежный текстурный пучок. Платье с красивым, но не вульгарным вырезом отлично сидело и не заставляло меня чувствовать себя неудобно.

Мужчина высунулся в окно, когда я вышла из машины, и пожелал хорошего вечера. Знала бы, что будет дальше, не улыбалась бы ему.

— И как это называется?!

У входа в ресторан меня дожидался Глеб. Я опаздывала, и он это знал прекрасно, но всё же злился.

— Глеб, всё хорошо, я же предупредила, что задержусь.

— Что с таксистом заболталась, да? — резко оборвал меня мужчина. — Какого хрена ты зубоскалишь тут стоишь?

— Глеб, остынь, — попыталась я успокоить жениха, не хватало ещё концерта на юбилей его отца. — Это элементарная вежливость.

— Ага, а то я не видел, как он на тебя смотрел! — раздраженно цыкнул в ответ. — Сами рисуетесь, а потом удивляетесь, что к вам пристают.

Я глубоко вдохнула, стараясь подавить возмущение. Неприятно, когда о тебе говорят вот так, равняя под каких-то посторонних «всех».

— Он смотрел, а я-то тут причем? Ай, мне больно!

Он злобно смотрел, крепко сжимая моё плечо.

— Мне тоже неприятно смотреть, как ты флиртуешь с каким-то мужиком и сиськи напоказ выставляешь!

— Глеб!

— Прости, я... Прости, просто увидел тебя с каким-то мужиком и...

Он всегда извинялся и никогда не переходил черту, но то, как он смотрел на меня в такие моменты, пугало до ужаса. Глаза так и горели, злость смешивалась с каким-то нездоровым интересом. Казалось, он проверяет, сколько я могу вытерпеть. В голове в такие моменты проносилась мысль, что с таким же взглядом жестокие дети вскрывают брюхо лягушке просто из любопытства, чтобы посмотреть что внутри.

— А платье?

— Что не нравится? Ты же мне его сам дарил.

— Ну да, но оно уже старое. Я ведь приготавливал для тебя другое, повесил на видное место.

— То под золото? Глеб, оно показалось мне слишком вычурным.

— Может быть, а туфли? Куда такой каблук-то?

Он вздохнул ещё более обреченно.

— Ты как кобыла на них, мы посмотримся нелепо! — Тихо возмутился мужчина.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Одежду подбирала в спешке и сочетала туфли с платьем, а не с мужчиной. Теперь, смотря в отражение в стекле, понимаю, что совсем немного выше него.

— Перестать, здесь все люди взрослые и им нет до этого никакого дела, — стараюсь успокоит его. Меня это хоть и раздражает, но смеяться над ним никогда не стану. Каждый в какой-то мере из-за чего-то заморачивается. Я по-доброму улыбаюсь: — Если не будешь ссутулиться, этого даже и не заметно.

Он не стал спорить, но по глазам видела, что обиделся. С Глебом приходилось

учитывать многое. Платье, чтобы не выглядет так, будто одеваюсь на распродажах. Украшения — никакой бижутерии, только драгоценные металлы и камни, в которых я выглядела то дорого-богато, то старше своих лет. И туфли. Обязательно нужно было выбирать такие, чтобы не дай бог не быть выше жениха. Будто высота моего каблука как-то влияла на его престиж.

— Идём.

Хотелось поскорее найти будущего свекра, поздравить и ретироваться, или на худой конец, отсидеться где-нибудь вдаль от людей, ведущих светские беседы.

Собственно так оно и вышло. Поздоровались, поздравили, Глеб остался в компании мужчин, а я удалилась за столик в эркере.

«Что делаешь?» — сообщение от Кости висело непрочитанным уже час, но сам он ещё был в сети.

«Застряла на юбилее. Скучно — жуть»

«Да ладно, зажги там)» — парень в привычной манере подбадривал.

«Ага, точно) Спать не собираешься?»

«Нет, товарищ тут ко мне приехал. Сидим вот»

— А ты тут какими судьбами?

От неожиданности я вздрогнула, едва не опрокинув бокал. Так странно было слышать этот низкий скрежещущий голос в пышной обстановке этого банкетного зала.

— Максим, а ты что тут делаешь? — оторопело спросила я, поднимая взгляд на мужчину.

— Я на юбилее Игоря, — твердо выговорил он. Максим немного растягивал гласные, но мягче голос от этого не становился. Казалось, он нарочно говорит медленно, чтобы собеседник лучше услышал и усвоил.

Я нервно сглотнула, заблокировала телефон и отпила шампанское, успевшее нагреться. За весь вечер бокал опустел лишь наполовину.

— Я тоже на юбилее, — в горле пересохло. От въедливого взгляда было не по себе, будто я что-то не то сделала. — Присядешь?

Максим коротко кивнул, усаживаясь напротив.

— Весь вечер наблюдаю, думаю, ты не ты, — он будто и вовсе не моргал. — Ты, стало быть, с сыном Игоря встречаешься?

От заданного вопроса по телу прошла нервная дрожь. Максим вполне мог рассказать Косте. Хотя ничего нового он бы ему не поведал.

— Да, а ты как, откуда с Игорем Владимировичем знаком?

Я ничего не знала про Макса, кроме того, что он старший брат Кости, вроде двоюродный по линии отца. Первое впечатление о нём создалось не самое приятное. Холодный, грубый, хотя чего я ждала. Едва ли я была бы вежлива и учтива с тем, из-за кого серьезно пострадал близкий мне человек.

— По работе, так ничего интересного, — коротко отчеканил, неопределенно махнув рукой. — А как же Костя?

С самим Максимом мне видется после той ночи не приходилось, но судя по всему о нашем общении с его братом, он осведомлен.

— А что Костя?

— Не притворяйся, я знаю о ваших отношениях.

— Отношения, — я тихо засмеялась, подавляя панику. Не хватало ещё, чтобы Глеб это

услышал. Или ещё лучше его мать. — Мы общаемся, да, но собственно это и всё.

— Ты же знаешь, что он к тебе равнодушен, а ты своим поведением даешь ему надежду.

— Какую надежду? Максим, мы просто переписываемся.

Твердо убеждённая, что это не его дело, я почему-то оправдывалась.

Мужчина всего лишь смотрел, ни единым жестом не выражая агрессии, а мне хотелось спрятаться от него. Казалось бы, спокойный внимательный взгляд и только, но что-то неуловимое было в этих глазах. Въедливость, с которой исследовали моё лицо, каждое движение и мои пальцы, нервно теребящие тонкую ножку бокала.

Зелёный и голубой. Тепло и холод. Чем дольше смотрела в глаза, тем более сильный холодок бежал по спине.

Взгляд словно проникал в голову, думалось даже, ещё немного и доберётся до мыслей. Не тех, что думаются каждый день или сейчас, до тех, что и вытаскивать на свет божий страшно. Тайные, сокровенные, стыдные, пугающие даже самого их владельца.

Изогнутые брови будто выражали невысказанное недовольство. Максим просто смотрел, а мне казалось, что того и гляди размажет меня.

Я не выдержала. Опустила глаза, рассматривая жидкость в бокале.

— Да, встречались несколько раз, но это всё, — звучало, как оправдание. Но ведь мне не за что было оправдываться.

Максим подался вперёд. Плавно, словно хищник, опасаящийся спугнуть свой обед. Подавив порывистое желание отпрянуть, я сжала губы и ещё крепче вцепилась в бокал, испугавшись, что ножка может переломиться.

— Костя молодой пацан, но он уже достаточно хлебнул в жизни. Я вижу, что ты ему нравишься, что ему по кайфу эти ваши покатушки и переписочки! — снисходительная интонация. Не были бы в ресторане, уверена, он бы плевался. Сколько было скользкой беззгливости в тихом голосе.

Он замолчал, тон смягчился. Макс заговорил, как отец говорит с несмышленным ребенком, стараясь втолковать элементарные вещи.

— Вижу. И так же вижу, что ты просто проводишь с ним время, а он, в силу молодости, весьма впечатлительный. Не обманывайся, каким бы непробиваемым не казался, он очень ранимый.

Последнее предложение он произнес с нажимом, чеканя каждое слово.

— У тебя с Глебом, вроде как всё серьезно. Игорь тебя как свою сноху представляет всем.

На душе завоzilось что-то нехорошее, липкое. Как бы мне не раздражало его вмешательство, Макс говорил всё правильно. Я действительно поступала не совсем честно.

— Аня, оставь Костю в покое.

Жестко, тоном, не терпящим возражения, выговорил он. И вместо того чтобы согласиться, я сжала зубы.

— Я думаю, Костя уже достаточно взрослый, чтобы решить с кем ему общаться.

Сама от себя такого резкого тона не ожидала. Внутри кипело от возмущения, он не смеет лишать меня общения! Мне нужен Костя. Я не знала зачем, просто уже привыкла к нему. После совместной ночевки на его диване, мы виделись почти каждую пятницу, не менее раза в пару недель. Очень мало, но у меня было чувство, что я его всю жизнь знаю, так легко и комфортно складывалось общение с ним.

Вскочив из-за стола, я поспешила уйти. В уборной смочила ладони и приложила их к разгоряченным щекам. Глаза лихорадочно блестели, я ведь ничего такого не сделала, ведь не сделала же?

Чувство вины, тягучее и вязкое как смола, оплело внутренности, больно сдавив сердце. Костя достаточно взрослый, чтобы решать самому, достаточно ли? Я так не спросила, сколько ему лет, не считала нужным как-то, какое имеет значение возраст, если с человеком хорошо. Просто друг, но мы мало знакомы, да и странные чувства в душе не дают присвоить ему этот хоть и громкий, но безобидный статус.

Сомнения, которые я гнала от себя, нахлынули потоком, разрушающим всё на своем пути. Уютно рядом с парнем, которого я знаю всего ничего. На секунду допустила мысль прервать общение, ведь рано или поздно это случится. Гулкая пустота, пережить переболеть которую можно, но всё равно будет казаться, что чего-то в жизни не хватает, что всё должно быть совсем иначе.

А Глеб. С ужасом и одновременно облегчением, я поняла, меня уже давно не трогает, что мой мужчина не ночует дома, что я даже жду этого, чтобы написать Косте и умчаться в ночь.

Телефонный звонок оторвал от мыслей. Кого там ещё в такое время? Я достала телефон, звонил неизвестный номер.

— Алло?

— Пожалуйста, не сбрасывай только! — по ту сторону раздался голос Стёпы, который неестественно заплетался и говорил тихо.

— Ты где мой номер взял?

Не успела отойти от одного неловкого разговора, как случился другой.

— У сестры. Я поговорить хотел.

Я сморщилась, как от кислого. Ох, Лерка, кто тебя просил?! Хотя с её стороны в этом, наверное, не было ничего такого.

— Мы же уже поговорили обо всём, — выдохнула я. Вот же зараза! Тебя, Вершинин, ещё сейчас не хватало.

— Нет, ты так быстро убежала тогда и морозишься от меня. Давай встретимся сейчас?

Морожусь, так и было. Не приезжала к Лере только потому, что он мог быть там. Все разговоры о нём пресекала. Он во Вконтакте добавлялся, а я его игнорировала, делала вид, что не вижу.

— Ты пьяный что ли? — стоило сразу догадаться. На трезвую голову в такое время он бы звонить не стал.

— Да, — честно ответил он.

— Проспись, потом поговорим.

— Обещаешь?

— Да

— Аня, я люблю тебя.

— Потом, — оборвала я, нажимая отбой.

Сердце колотилось в груди, как птица в запертой клетке. Когда-то я мечтала услышать от него эти три слова. И вот услышала, пусть и даже от пьяного и спустя столько лет.

Ничего. Только сейчас поняла, что ничего не почувствовала, кроме раздражения.

Несмотря на требования Максима, набрала номер Кости, убедившись, что тот ещё в сети.

— Привет, не занят?

— Привет, — голос звучал мягко. На заднем фоне играла музыка и вроде как гудела машина. — Нет, освободился уже.

— Колесишь по городу? — улыбнулась я. Он ведь и в самом деле молодой совсем пацан, как сказал Макс. И я, зачем всё это? У него жизнь вся впереди, зачем я там?

— Да. Товарища отвозил домой, перебрал он малость.

Сразу представилась его усмешка одним уголком губ и смешливые искорки в темных глазах.

— Ой, прости. Я забыла.

— Ничего. Мне приехать?

Я глянула на часы. Не так чтобы очень поздно, вечеринка закончится часа через три-четыре и желания торчать на ней у меня нет.

— Если можно, — выдохнула я.

Неуместно.

Встречи, тайком от Глеба.

Неуместны сами ощущения, которые рождались во мне при виде этого парня. И всё же я стремилась к нему, тянулась, как слабый росток тянется к свету.

Мысленно отмахнулась от муторных мыслей, мне нравится общаться с этим парнем. Я же не собираюсь крутить с ним роман в конце концов.

— Для тебя всегда, говори куда приехать.

Попрощавшись с Игорем Владимировичем и так и не сумев отыскать Глеба, я слиняла. Дошла до конца квартала и свернула за угол, где меня уже ждал парень.

— Сказала бы, я к дверям подъехал, — Костя курил, оперившись на капот. — Выглядишь круто.

Взгляд прошелся по телу и на секунду утонул в вырезе платья.

— Замерзла, наверное, — спохватился парень. Он снял мастерку и накинул мне на плечи.

— Спасибо, Кость.

Я не первый раз ловила такие взгляды с его стороны и неловкости уже не испытывала. Восхищение в его глазах льстило. Хотелось даже принять более выразительную позу, улыбнуться милее, но вовремя себя одёргивала.

— Поехали? — он открыл дверь, приглашая меня сесть.

Мы отдалялись от центра города.

Я очень быстро полюбила такие моменты. Совершенно черная ночь, редкие фонари, атмосферный речитатив в магнитоле, гул сабвуфера приятно массирует спину, дворники смахивают капли дождя с лобового стекла. И дорога, подсвеченная ксеноном — относительно ровная и бесконечно длинная.

Мне нравится смотреть, как за окном меняются пейзажи. Как широкий проспект в огнях сменяется полутемными узкими улочками окраинного района. Как шумный город остается позади, сменяясь тихой глухоманью дачного поселка. Нравится вид на озеро, которое, если помечтать, вполне может сойти за бескрайнее море. Нравится большой бледный лик луны и небо, усыпанное крупными звездами.

Самое уютное и действительно романтическое, что вообще было в моей жизни. С потеплением последовательность этих действий стала своего рода ритуалом. Откатав по ночному городу некоторое время, мы отправлялись за его пределы, чтобы расположиться на

берегу озера. Мы сидели на остывающем капоте машины, укрывшись кусачим пледом, и думали, каждый о своём. Момент тишины, момент, о котором в книгах говорят: «Как же с вами приятно молчать».

Мы могли просидеть так до утра, но сегодня на привычный маршрут времени не было. Немного поколесив по городу и нарвавшись на пост ГАИ, мы отправились в круглосуточное кафе.

Кассир нас, наверное, уже узнавал, так часто мы тут бывали. Зачастую на рассвете, когда день только рождался, а город тихо дремал.

— Слушай, Кость, а почему инспектор тебя так дотошно досматривал?

Передернуло от воспоминания, каким ехидным оценивающим взглядом меня одарил полицейский. Даже представлять не хочу, что он подумал обо мне в таком наряде.

— Ну-у, это ж разве дотошно? — парень посмотрел на меня с явным удивлением.

Нет, ну ведь именно дотошно. Хмурый сержант разве что сумку меня не заставил вывернуть. Он внимательно осмотрел салон и багажник, заглянул в бардачок и проверил документы, наверное, по всем существующим базам данных. И это, лично для меня, было странным. Глеба никогда даже не тормозили, хоть скорость он нарушал с завидной регулярностью. Костя отпил пепси и продолжил:

— Вот в Сургуте, — парень сжал зубы. — Пацаны рассказывали...

— Что же такого было там?

— По почкам надавали и мордами в землю положили, — заскрипел зубами Костя. — Видите ли, сигнал у них был. Парни-то всего-навсего по городу хотели проехаться, и в клубе у них намечалось что-то вроде вечеринки. Лучше бы наркоторговцев так отлавливали, пи... уроды!

Парень едва удержал рвущееся наружу ругательство и крепко сжал кулаки.

— А чего они к вам так цепляются-то?

— Ай! — отмахнулся он. — Хрен их знает. Тонер им не нравится.

— Но ведь можно и без него.

— Ага. А теперь скажи мне, ты окна зашториваешь?

— Эм, я на четырнадцатом этаже живу так-то, но блин, да, зашториваю.

— Во-от, я, конечно, не говорю, что я там кого-то стесняюсь, но так реально комфортнее, — развел руками парень. — И согласись, выглядит охрененно.

— Ну, это да, — улыбнулась я.

В первый раз машину даже разглядеть не успела, да и темень была жуткая. А вот во второй она вызвала недоверие, что ли. Вспомнилась фраза из фильма: «И машина у вас страшная, катафалка какая-то». И от человека на такой машине хотелось держаться подальше. Но после ряда событий, когда узнала хозяина машины лучше, недоверие растаяло. Что поделаешь, людям свойственно бояться того, чего они не понимают. И к бункеру, как свой автомобиль называл Костя, я очень быстро привыкла.

— Так что вот, а ты как на вечеринку-то сходила? — спросил он аккуратно, как бы, между прочим.

— Да пойдет, — улыбнулась я.

После нескольких часов в его компании я успокоилась и уже не злилась ни на Глеба, ни на Максима. О разговоре с последним я решила промолчать, хотя и было интересно, какие дела могут связывать его и Игоря Владимировича.

— Ох, ты, — спохватилась я, когда взгляд упал на часы.

— Что, домой пора? — парень тяжело вздохнул, сжав губы.

Я кивнула, а он отвел взгляд. Парень как-то резко насупился, вся общительность куда-то подевалась. Душа готова была волком выть, как не хотелось оставлять его сейчас.

— Не хочу уходить, — выдохнула я.

На эмоциях. Не стоило такого говорить, вдруг Макс всё же прав, и этим я дам парню пустую надежду. Но мне, в самом деле, не хотелось идти домой. При одной мысли, что Глеб там даже не появлялся и вообще, непонятно где сейчас становилось тошно. А ведь он точно не дома, не обнаружив меня, непременно бы позвонил.

— Так не уходи, — сказал парень. Сказал спокойно, без нажима.

Наши взгляды встретились, он уловил мою растерянность и немного смутился, но продолжил смотреть, прямо в душу. Накрыл мои руки своими, переплетая наши пальцы. Огрубевшая от работы кожа, удивительно уживалась с длинными музыкальными пальцами.

— В чем смысл делать то, что тебе не нравится?

— Ну, это не повод. Мне фармакология тоже не особо нравится, но это же не повод её не учить.

Легкомысленность суждений почти вызвала раздражение. Парень по-доброму усмехнулся, мотнув головой.

— Это другое, — вздохнул и продолжил спокойно рассуждать. — Временное, пройдя через которое приобретешь знания, чтобы заниматься любимым делом. А не хотеть домой... не знаю, это же, по сути, твоя жизнь.

Слушала и смотрела на него, не отводя взгляд. Высокие скулы выделялись сильнее в свете ламп, густые брови, постоянно стремящиеся намуриться, упрямая линия полных губ. Резкие черты лица и мягкая улыбка, такая открытая и искренняя, что губы сами расплзались в ответной улыбке. Взгляд из-под низко нависших бровей можно было назвать жестким, а мне приходило в голову слово «уверенный», «решительный». Взгляд человека, который знает, чего хочет от жизни.

— Жизнь одна, она сейчас, а не завтра или через год. Неужели ты хочешь жить её вот так?

Это не было вопросом, и всё же Костя ждал, что я скажу, как отреагирую. Простые слова, сказанные будничным тоном, но в груди неприятно тянуло. Я могла бы возмутиться, что он ничего не понимает в жизни, что мало меня знает, чтобы говорить мне такие вещи.

— Как? — только и смогла выдавить.

— Тебе виднее, — пожал плечами парень.

Мои руки лежали в его руках. Они горячие и сильные, но приходило в голову «надежные». Долгий взгляд глаза в глаза. Темные омуты, в бездне которых я добровольно тонула.

Во дворе я первым делом оглядела парковку, Глеба ещё не было дома, как и предполагала. В сердце опять защемило от тоски. Мысли, что сейчас возвращаться в пустую квартиру, нахлынули с новой силой.

— Кость?

— Что?

Парень выглядел напряженным. Хмурясь, возился с зажигалкой. Губы сжимали незажженную сигарету.

— Не хочешь подняться? — выпалила я. Давящая тоска казалась невыносимой. Не хотелось оставаться одной. Парень бросил на меня недоумевающий взгляд. — Посидим, чай

попьем. Поговорим. Что-нибудь о себе расскажешь.

— Ага, — парень вяло усмехнулся, — а если твой придёт? Я-то ладно, отхвачу в табло и всё, а ты?

— Ну да, не подумала, — кисло улыбнулась я, удивляясь собственной глупости.

— У нас тут одно мероприятие намечается, — Костя на секунду замолчал, о чём-то размышляя. — Следующая суббота, ты вроде не на смене будешь. Хочешь со мной?

Я растерялась, но быстро прикинула свой график. По выходным пар не было, и в назначенный день у меня, в самом деле, был выходной. Идти куда-то с парнем, не слишком ли это рискованно?

Я кивнула, отгоняя неловкие мысли.

— Здорово.

— Но зачем?

— Ну-у, — Костя протянул, расплываясь в улыбке. — Ты ведь хочешь узнать меня лучше.

===== Глава 12 =====

Костя позвал меня на мероприятие, какое — уточнять отказывался, сказал, что я не разочаруюсь. И был прав, я стояла посреди актового зала детского дома и наблюдала за разновозрастной ватагой детей и подростков, весело бегающих вокруг и разбирающих подарки. Парни и девушки раздавали подарки и развлекали ребят, и у них лица светились искренней радостью.

— Здорово, правда? — Костя возник у меня за спиной, положив руку на плечо. Он задумчиво улыбался, глядя на детей.

— Ты сам из детского дома, да? — аккуратно спросила я, стараясь уловить эмоции парня, которого, как оказалось, я совсем не знаю.

— Нет, почему ты так решила? Я в обычной семье вырос: мамка, папка — полный комплект.

— Ты так радуешься за них, — развела я руками. Глаза парня так светились, когда он смотрел на детей, будто сам их понимал, сам прошёл через такое.

— А ты нет? — он погладил меня по голове, как гладят ребенка. — Ты только посмотри на них. Каждый их день, как один. Серые стены, забор этот и воспиталки, большинству из которых на них пофиг. Да, их, конечно, обеспечивает государство, но они... когда последний раз слышали теплое слово, чувствовали искреннюю заботу? Потерянные, одинокие души.

Лицо Кости стало серьезным и грустным, между бровей пролегла хмурая складка.

— Я... у меня слов нет.

Глядя на него и на его компанию, было очевидно, что никакое это не позерство и не стремление попасть в телек, показать, мол, смотрите какие мы молодцы. Это действительно от души, от чистого сердца. И им это взаправду нужно. Нужно просто, потому что они могут сделать кому-то добро. Сделать хотя бы один день для этих ребят ярче и светлее.

Парни на таких машинах производили какое угодно впечатление, но не такое. Не зная их, я бы не подумала, что они могут заниматься благотворительностью. Скорее бы приняла за шайку хулиганов. Для нас стало обыденностью судить людей по одежке, раздавая ярлыки направо и налево, но в жизни не всё так однозначно и очевидно. И случается, что руки со сбитыми костяшками могут дарить заботу, а травмат под сиденьем и большое доброе сердце

принадлежать одному человеку.

Мурашки по спине пробежались, когда вспомнила, как искала заколку, соскочившую с волос, и нащупала под водительским сидением рукоять пистолета. Костя, немного тушуясь, показал его, как и разрешение на ношение оружия.

И всё же, находка немного пугала. А теперь передо мной он открывался с другой стороны, и два этих образа вязались между собой очень странно. И всё же были частью одного человека.

Мероприятие в детском доме закончилось, и мы уже отъехали на порядочное расстояние. Глаза намокли, а первая слеза скатилась по щеке внезапно, я даже не успела её стереть.

— Эй, ты чего? — парень глядел на меня растерянно и встревоженно.

— Нормально, просто... — просто сложно объяснить, классифицировать все чувства, что заставляют слезы течь по щекам.

Он свернул в проулок и остановил машину у какого-то старого парка, подальше от гудящего проспекта. Не зная, как реагировать на мою спонтанную истерику, он просто слушал, давая возможность выговориться. А я не могла остановиться и взять себя в руки. Нет, я не рыдала навзрыд, просто горячие слезы текли из глаз нескончаемым потоком.

Я сама не заметила, как начала говорить вслух. Костя лишь, молча, обнял меня и мягко стиснул ладонь свободной рукой.

— Я была в колледже, когда заболела мама. Болела нога, на обследовании обнаружили рак хрящевой ткани. От ампутации она отказалась, и медленно угасала. Потом я влюбилась, впервые в жизни. Младший брат моей подруги. Красивый, спортсмен. Приехал к ней на весенние каникулы, и я пропала.

Было стыдно говорить об этом Косте, все же неподходящая тема для разговора с парнем, который вроде как нравится, но он не спешил осуждать. Молчал, а я продолжала тихо говорить, всхлипывая и шмыгая носом. И боль, что всё это время разлагала душу, словно слабела. С каждой слезинкой, с каждым сказанным словом, мне становилось легче.

— Такая яркая была весна. Любовь... и так быстро всё закончилось. Я забеременела и рассказала ему. Он становится отцом в восемнадцать желанием не горел, велел идти на аборт. Потом не стало мамы. У меня такая истерика была страшная, и на фоне всего этого случился выкидыш. Срок маленький был, физически перенесла легко. А потом Глеб появился, почти сразу. Я практику проходила, а его с аппендицитом привезли. Он красиво ухаживал, пытался внимание привлечь, а я... будто мертва была внутри. Друг посоветовал сменить обстановку, а я восприняла это слишком буквально.

Получила диплом, встала на учет в военкомате и заключила контракт на три года.

— В смысле? — Костя удивленно перебивает меня.

— Поступила на службу по контракту. Фельдшеры, как оказалось не только на гражданке нужны.

— Упасть, не встать! — выдохнул он. — Так ты служила, выходит? А где?

Я тихо засмеялась. Парень так смотрел на меня, восхищенно и растерянно одновременно.

— Кость, я в санчасти была же. Бывает, забудешься, что посреди гарнизона и вообще ни чем от больницы обычной не отличается. Не считая солдат, которые околачиваются вокруг.

— Еще бы, такой фельдшер хорошенький! — парень отвешивает комплимент без пошлостей, очень даже по-доброму. — Наверняка от поклонников отбоя не было?

— Не то чтобы. Я переезжала туда, чтобы работать и лечить людей. А армия, не знаю. Всегда душу грело ощущение принадлежности к чему-то большому, значимому. Был там, правда, один сержант.

Костя двусмысленно вздернул бровь, чем заставил меня смеяться.

— Мы не были в отношениях, но его кровь потом мне переливали.

— Кровь?

Лицо парня стало не на шутку напуганным.

— Один срочник хотел руки на себя наложить, девушка его бросила или что-то в этом духе. Мы его почти убедили сдаться, уже и автомат опустил, но кто-то хлопнул дверью. Нечаянно, а в санчасти они тяжелые, не придержишь — всё здание ходуном ходит. Он испугался и дернулся. Выстрелил.

Сама того не желая, я напугала парня. Большие глаза смотрели на меня с ужасом. Он просто ждал, что же дальше. Я же, чтобы не быть голословной, подняла край рубашки.

— В бедре пуля навывлет прошла, там шрама не видно почти. Вторая попала в живот, был бы калибр больше — перебила бы позвоночник, а так застряла. Я плохо помню, что было после выстрелов. Парни говорили, что кричала, тогда голос и сорвала. Наш военврач сработал ювелирно. Не исполосовав мне весь живот, извлек пулю через небольшой разрез и аккуратно зашил. Пришла в себя уже после операции, на соседней койке сержант лежит. Как сейчас помню бледный, как мел, но улыбается и за руку держит меня. Руководство опасалось за мое здоровье и свою репутацию. Если коротко, из армии я уволилась и какое-то время долечивалась уже здесь. Когда я вернулась домой, меня, словно запихнули в вакуум. Не осталось цели и желания эту цель достичь. Никому не нужная, нелюбимая... А Глеб почти всё время был рядом, всевозможными способами демонстрируя свои чувства и серьёзность намерений. Так ухаживал за мной, заботился, и я почему-то внушила себе, что должна его любить. Ведь он столько для меня сделал. А дальше ты уже знаешь.

Вместо того чтобы проработать свои страхи, разобрать уже ком чувств и эмоций в душе, я цеплялась за болезненные воспоминания и вновь и вновь окуналась в отношения, по итогу не приносившие ничего кроме боли. С упоением ковыряла старые раны, стоило им только затянуться. Нырнула с головой в болото и ныла, что мне мерзко. А ведь вокруг целый мир и тысячи поводов, чтобы быть счастливой... стоит только, поднять голову.

Чувства между растерянностью и смятением, лёгкий шок от внезапного понимания. Всё куда проще, как там в песне? И даже в бетонной коробке можно быть просто счастливым. Нужно, иначе невыносимо.

Это и делал этот парень с не по возрасту серьёзными глазами. Находил поводы, проживал моменты, делающие его счастливым, и делился этим с миром вокруг.

— Я сочувствую тебе, правда, — голос его показался охрипшим. Уголки губ смотрели вниз, брови задумчиво хмурились. Он тихо добавил: — Если могу чем-то помочь, скажи обязательно.

— Прости, не знаю, что нашло на меня. Таким я не делилась ни с кем, — начала оправдываться я, вытирая слезы.

— Ничего, ты можешь рассказать всё, что посчитаешь нужным, — парень улыбнулся, взъерошив мои волосы. — Советчик из меня хреновый, но выслушать я всегда могу. И я, честно, я в шоке немного. Ты такая... твоя мама вырастила тебя прекрасным человеком. Светлый, добрый ангел... Ты невероятная... Я никогда таких не встречал.

Парень едва не задыхался от переполнявших чувств, а я краснела и не находила, что

ответить. Столько добрых слов разом.

— Армия... Крутая ты.

Может, и лукавил, но было, похоже, что говорил искренне. Его реакция так разительно отличалась от реакции Глеба. Тот, узнав, что я заключаю контракт, закатил скандал, хотя отношений у нас не было ещё. Через месяц, правда, поостыл, стал звонить и даже приезжал пару раз. Теперь же периодически тыкает этим. А Костя восхищался мной.

— Я... на тебя столько всего свалилось, Ань, но... это уже случилось, и ты пережила — сильная, храбрая девочка. И теперь только жить дальше, только подумай, сколько всего впереди! — смолк, стушевался, но снова поднял взгляд на меня и продолжил. — И если хочешь, я буду рядом.

— Костя, — выдохнула я, легкость на душе нарисовала улыбку на губах.

Слезы высохли. Костя прав, впереди столько всего. И пора уже перестать врать себе и не бояться, и менять свою жизнь. Не плыть по течению, а принимать решения самой.

Одно уже созрело — я и Глеб, нам нужно расстаться.

— Спасибо. Я счастлива, что мы встретились. И что ты есть у меня.

Глаза почти чёрные, брови приподняты в растерянности. Его такое близкое присутствие, ощущение тепла от тела обволакивали и не давали возможности рассуждать холодно. Его запах вьелся в память, сливаясь с ощущением безопасности, защищенности. Рядом с ним мне было спокойно, и тело как-то само расслабилось в его руках.

От тесноты его объятий кружилась голова, а приятное тепло, томившееся в груди, растеклось по всему телу. Он слишком близко, и это не правильно. Так нельзя, но так хочется. До дрожи в коленях хочется оставаться в этом моменте. Какие-то пять-десять сантиметров между нашими лицами, между губами. Рука, обнимающая за талию. Пальцы другой перебирают волосы. Ладонь несколько грубовата и шершавая, но теплая, приносящая приятные прикосновения. Крепкий торс под тканью белой футболки. Тепло тела и взгляд, куда-то сквозь, прямиком в душу.

Костя вздрогнул, когда я коснулась его груди. Сердце его гулко и учащенно билось, отдаваясь в ладонь. Было приятно чувствовать это. Это я, из-за меня и моего прикосновения он был так взволнован, понимание этого приводило в легкий восторг. Проведя пальцами по плечу, я вплела их в жесткие волосы парня. Он улыбнулся одним уголком губ. Озорная, но немного смущенная улыбка совсем не смутила меня, а прожгла насквозь, разбегаясь по телу легкими волнующими мурашками.

Он обнял меня, кажется, ещё теснее, дыхание моё участилось ещё больше, а щеки против воли налились румянцем. Пальцами второй руки он провел по моей шее, в том месте, где венка неистово пульсировала. Возникло желание подставить её под эти красивые четко очерченные губы, ощутить их мягкое прикосновение. Это было на грани. Сейчас пришло четкое осознание — стоит парню быть чуть настойчивее, я не смогу остановиться, не справлюсь с эмоциями. Так сильно я хотела этих ощущений, что никакой силы воли и здравого смысла не хватило бы, чтобы противостоять этому.

Но, как по закону подлости, телефон в моём кармане распелся грустным мужским голосом, предрекая крикам моей души понимание только одной одинокой луны.

Из теплых волнующих объятий пришлось выпутаться, чтобы достать аппарат, хотя хотелось просто выбросить его. Костя несколько разочарованно вздохнул и закурил, открыв окно.

— Алло, — мой голос сел и звучал предательски хрипло.

— Привет, Анют, — голос Глеба звучал жизнерадостно. Костя горько усмехнулся, бросив на меня короткий взгляд. — Я домой скоро, купить что-нибудь?

Я растеряно посмотрела на дисплей, время только-только близилось к пяти вечера. Выходные были его днями. Вечера пятницы и субботы, он проводил где-нибудь и приходил под утро.

— Нет, ничего не нужно.

Ответила растерянно. Глеб едет домой, не иначе заболел или его похитили пришельцы и заменили клоном, хорошим и верным.

— Хорошо, ты сама дома или мне тебя забрать откуда-нибудь?

— Нет-нет, не надо, — едва подавив панику, затараторила я.

Соглашаясь на поездку, я никак не ожидала, что Глеб приедет домой раньше, что у него возникнут вопросы. Так никогда не было, и сейчас я была в растерянности.

— Тогда сама давай домой, я голодный, как волк. Ужас, как есть хочу.

Слышу, что он улыбается, радуется чему-то, и я начинаю закипать.

— Я занята, Глеб! — твердо, стараясь не показывать раздражения, оборвала я его.

— У тебя разве сегодня смена?

— Нет.

Ляпнула и тут же спохватилась. Сказала бы «да» и все вопросы отпали бы, но врать я не очень умела.

— Глеб, а ты чего сегодня так рано-то?

— Захотелось сегодня провести вечер с тобой, что такого? — говорил, как ни в чём не бывало. — Давай уже собирайся и домой, скажи, где ты и я приеду.

— Ага, всё бросила и лечу! — нам есть о чём поговорить, но не сейчас.

Сейчас не хотелось его видеть именно из-за того, что он желал именно этого. Надоело быть игрушкой, о которой изредка вспоминают. Куклой, которая должна явиться по первому зову своего хозяина.

— Не понял, — оторопь в его голосе сменилась раздражением.

Мужчина привык не воспринимать моё недовольство всерьёз. Я если и злилась, то отходила быстро.

— Я уже сказала, что занята. У меня планы.

— У тебя планы? Какие, позволь узнать? — теперь вскипал и он.

Мне бы спохватиться, пожалеть о сказанном стгоряча и собираться домой, но всё моё естество сейчас восставало против. Против его требовательного тона, против пренебрежения мной и моими планами и желаниями.

— Я договорилась остаться у Леры, — ну вот, учусь врать на ходу. Вру своему жениху, а что дальше. — Если хочешь, есть — в холодильнике и первое, и второе. Если не устроит, закажи себе что-нибудь. Давай сам как-нибудь сегодня.

— А ты ничего не путаешь?! Я твой муж, и если я сказал, — обалдевший от моего поведения, Глеб пытался возмущаться. Меня это не пугало, может, потому что его не было рядом, а может, потому что мне он сейчас казался смешным.

— Муж? — усмехнулась я. — Вот если выйду за тебя, тогда и будешь требования устанавливать, может быть.

— Аня!

— Всё, не делай мне голову! — снова оборвала его, да я бью рекорд за рекордом. — Пока.

И нажала отбой.

— Жестко ты, — усмехнулся Костя.

— Давно так надо было.

Я повернулась, ожидая реакции парня. Он курил, смотря на меня не без удивления.

— Помнится, ты обещал вечеринку на Бирюзовом?

Ещё утром, я планировала вежливо отказаться. А сейчас не думала о последствиях, действовала и говорила на эмоциях. Оглушенная недавней близостью с Костей и своим наглым поведением по отношению к Глебу.

Я не хотела ему отомстить, и, боже упаси, втянуть Костю во всё это. Не хотела никого обидеть или задеть, просто хотела прожить этот момент. Хотела насладиться внезапным ощущением осознанности, жизни здесь и сейчас, что свалилось на меня.

— Ты же своему сказала... — парень закашлялся, подавившись дымом.

— А я соврала.

Он был удивлен, но хочется верить, не разочарован. Ухмылялся, озорно поглядывая на меня, но к Лере мы всё же съездили. Кто же знал, что эта ситуация породит новые вопросы.

Мы уже отъезжали, когда в зеркале я увидела машущую мне подругу.

— Кость, остановись, пожалуйста.

Парень притормозил и сдал назад. Лера, держа в руках пакет, склонилась к окну с моей стороны.

— Ты же за купальником заезжала, — запыхалась девушка.

Костя резко поднял голову и повернулся на голос. Лера бросила на него короткий взгляд и застыла, рассматривая, чуть щуря глаза.

«- Лер, это Костя, знакомьтесь» — хотела бы сказать я, но подруга меня опередила.

— Привет, а я же тебя знаю, — она расплылась в приветливой улыбке. — Извини, без линз не разглядела сразу.

— Здравствуйте, — может, мне показалось, но парень нервно сглотнул.

— Вы знакомы? — удивилась я. Нет, подозреваю, что город наш не такой уж и большой, что мир тесен и всё такое.

— Да, было дело, — девушка протянула мне пакет. — Ты бы примерила. Он мне мал, но вдруг что. Еще вынырнешь из него.

Я зашла в дом, оставляя Леру с Костей. О чем уж они говорили, не знаю, но когда вышла сдержано, но расслабленно общались. Она, по крайней мере, Костя выглядел несколько напряженно.

Пока ехали, от моих расспросов отмахивался, бросая привычное «ничего особенного» и «это не интересно».

Я же решила, что проще будет расспросить Леру как следует, когда подвернётся случай.

Может, и не нарочно, но парень создал вокруг себя атмосферу загадочности. И казалось бы да, не моё дело. Мне и самой не нравились назойливые расспросы, поэтому и не лезла с ними к Косте.

Просто, что могло связывать их? Простой парень и адвокат по уголовным делам, в прошлом полицейский, слишком странное совпадение.

===== Глава 13 =====

Я отделился от компании, желая побыть один. Было необходимо собраться с мыслями.

Стоял на мостике и слушал тишину уходящего дня. Грелся в лучах солнца, утомлённо клонившегося к закату.

Впервые секунды, как увидел подругу Ани, ощутил тяжесть где-то в груди, а пачка сигарет выпала из резко ослабевших пальцев.

Хорошо, что они этого не заметили.

И девушка ведь часто упоминала о ней, называя по имени. Лера. Я и значения не предавал, да и мало ли Лер в городе? Вдобавок, я не соотносил его с полным именем. Не знал я её как Леру.

Вершинина Валерия Александровна.

Тот прежний я, сказать по правде побаивался эту строгую и серьёзную женщину, хоть и отнеслась она тогда ко мне с пониманием и по-доброму. Я нынешний пока своих ощущений не понял. Она пообещала, что ничего не расскажет Ане, понимает — это слишком личное.

И я надеялся. Мне хотелось верить ей.

«Ты заставляешь её улыбаться по-настоящему» — сказанное ею напоследок, греет душу. Значит, мне не мерещится, что Ане рядом со мной хорошо.

«Спасибо, что ты у меня есть».

«Я рада, что познакомилась с тобой».

Слова девушки звучали в голове, как поставленный на повтор трек. Приятная мелодия её голоса согревает душу и рисует улыбку на лице.

Мурашки разбегаются, стоит вспомнить, как она смотрела на меня, когда говорила это, наполняя душу счастьем. Бедная девочка. Сильная девочка, после всего, что с ней случилось, стремится помогать людям, остается доброй и открытой. Вызывает восхищение и желание равняться на неё. И поражает меня всё больше и больше, прямиком в сердце.

Я привыкаю к ней. Привыкаю к этим печальным льдисто-голубым глазам, к грустной улыбке, к пробирающему до мурашек голосу. Привыкаю к ночным посиделкам в машине, к разговорам ни о чём почти до рассвета. С каждым разом становится всё больнее расставаться по утрам, как если бы она пускала в меня корни, с каждым разом прорастая всё глубже и крепче в душу, а утром её вырывали, отрывая от меня кровоточащие крупные куски.

Она печально улыбается, словно не хочет уходить, но всё-таки уходит. Держит на расстоянии, но всё же позволяет обнимать себя. Сложно сдержаться и не зайти дальше. Мне срывает башню, когда она рядом. Милая, нежная, ранимая... и не моя.

Безумно льстит её доверие. Она, не раздумывая, садится в машину, позволяя мне ехать куда угодно. Приятно, когда такая девушка так тепло относится ко мне, улыбается, смеется от моих глупых шуток. Но как же больно от того... что она не со мной.

Я прикурил сигарету и поднял глаза к закатному небу, как будто оно могло дать ответы. Она ведь не просто так общается со мной? Уже бы надоело, пропала надобность за столько времени.

Да и я же не дурак. Я видел, как она смотрела на меня сегодня, когда обнял. Я чувствовал, как дрожала всем телом, когда прикасался к нежной коже. Едва голова не закружилась, так давно хотел этого, просто касаться чуть больше, чем позволяло дружеское общение.

Секунды — и я бы её поцеловал, если бы не этот белобрысый!

Зубы свело от досады, вот надо было позвонить, почуял он что ли?!

Крепко выматерившись, выбросил окурок. Чертов мажор! И вроде она всё объяснила, и про любовь, и про смысл жизни, про семью, которую хотела создать. Оно и понятно...

богатый, статусный, надежный — хороший кандидат на роль мужа, отца семейства. И умом я это понимаю, а сердце... Оно не хочет мириться с таким раскладом.

— Угадай, кто? — тихий смешок, приятный голос. Ручки аккуратно закрыли мне глаза.

— Аня, — выдохнул я. Да, девочка, твой голос и ручки я ни с чьими не спутаю.

Маленькие прохладные ладошки в моих руках. Купальник подчеркивает нежные женственные изгибы. Кожа влажная, едва тронутая загаром. Девушка мелко дрожит. Так хочется согреть, надеюсь, позволит.

Секунду смотрит в глаза и прижимается к моей груди. Делает это без робости, всем телом, будто не понимает последствий или не боится их. Мои руки, как капкан, смыкаются вокруг талии. Никуда бы не отпустил, будь моя воля.

Девушка решила испытать мою выдержку, не иначе. Только и я не железный и далеко не святой. Мне не пятнадцать лет, и робость моя перед ней не резиновая. Я пьяный, а она слишком красивая, слишком совершенная, и слишком желанная.

Гладит тонкими пальчиками по спине, разгоняя орду мурашек. Меня от её прикосновений и сквозь одежду в дрожь бросает, сейчас по голой коже и вовсе внутри всё огнем горит. А она будто не видит, греется в моих руках, расслабленная, спокойная.

Неправильно. Нельзя так, нельзя посягать на чужое. Несвободная. Чужая девушка, почти жена. А я, тварь, украдкой ворую теплые прикосновения, предназначенные не для меня.

Дурею от неё, даже не пытаюсь бороться с собой.

От запаха, от ощущения бархатной кожи под руками, от её частого дыхания, от глаз её с ума схожу. Она пьянит сильнее любого алкоголя.

Отстранись, уйди или просто разорви объятия, как ты всегда это делаешь. Иначе не ручаюсь, что удержу себя в руках.

Не уходит. Не отстраняется. Глаза прикрыты, реснички подрагивают, на губах улыбка, будто и ей по кайфу всё это.

Дыхание на груди, подобно раскаленным иглам под кожу. Дышит часто, глубоко, прерывисто.

Снова делает это, ведет ладошками по торсу. От низа живота, по груди, к плечам и обратно, напоследок цепляя ноготками кожу. Живот моментально напрягается от легкой приятной щекотки. Она шумно втягивает воздух и ведет ладонью по четко прорисованному прессу.

— Не делай так, — перехватив тонкую руку, сам не узнаю своего охрипшего голоса. Хорошо, что в джинсах, а то неловко бы было.

Внутри всё горит. Меня осязаемо трясет, а она улыбается. Неужели не видит, что я едва держусь?

— Извини, не думала, что ты настолько легковозбудимый, — без какого-то смущения она сплела наши пальцы и усмехнулась. Сделала это без сарказма, но будто подтрунивая надо мной, будто дразня даже.

Я ослышался? Она удумала говорить со мной на моем же языке? Девушка звонко рассмеялась и, показав мне язык, бросилась наутёк. Странная разновидность флирта, но я принимаю её игру.

— Если я тебя поймаю, то залюблю!

— Ты догони сначала! — Аня лишь засмеялась ещё громче, очевидно принимая мои слова за пошлую шутку.

А ведь я догоню. Я сделал шаг, а она шустро сорвалась с места.

Убегала девушка проворно, пришлось даже приложить усилия, но ноги длинные, и на стоянке я всё же её догнал.

— Попалась! — бросаю победно, поймав девушку за талию.

Подхватываю на руки и кружу. Она задорно звонко смеётся, разведя руки словно крылья. Сердце трепещет от ощущения чистой, почти детской, радости. Так, наверное, и выглядит счастье.

Я развернулся, направляясь к машине. Хорошо, что ключи всегда с собой. Пиликнула сигнализация, и я одной рукой держа девушку, открыл дверь. Аня удивленно вытаращила глаза.

— Что? — я не смог сдержать улыбку, а затем и смеха. — Я же сказал, что залюблю. Кажется, кое-кто встрял по самое не могу.

Думал, испугается и начнет вырываться. И я бы отпустил, извинился бы, что перегнул, как и всегда. Она не вырывалась и не была испугана, я бы сразу понял. Наоборот смотрела с интересом, будто ждала, что сделаю дальше.

Открыв дверь, я опустил на заднее сидение, наполовину оставаясь на улице. Аня по-прежнему была у меня на руках и обнимала за шею. Снова дыхание по коже до мурашек. Снова ощущение кожа к коже, острое приятное.

— У тебя сердце сейчас выскочит.

Выдохнула рядом с моим ухом, от чего волоски на шее встали дыбом. Я улыбнулся, оно уже давно бешено колотится. Всегда так, когда она рядом. Её ладошка снова на груди, в том месте, где сердце.

Я взял её ручку в свою и прислонил к губам тонкие пальчики, а потом тыльную сторону ладони, а потом и саму ладонь. Не знаю, что это было. Как объяснить, что творится у меня внутри, да и надо ли. Просто тянет целовать её, пусть даже только маленькую ручку. В груди заныло, накрывая жгучим желанием. Прожигая им насквозь, опалая нутро.

— Костя, — тихо на выдохе, от чего голос ещё проникновенней и мягче.

— Что-то не так? — спрашиваю шепотом. Боюсь, что от громкого голоса развеется приятная атмосфера, но всё же должен убедиться, что не давлю на неё.

— Всё хорошо, — отвечает с жаром.

Взгляд глаза в глаза, а в них удивление и волнение. Понять бы, что творится в душе этого светлого ангела. Вижу, что растеряна — губки прикусывает, черт, как же это заводит! Не отводит взгляда, смотрит то в глаза, то на губы. От глаз этих внутри всё замирает. И я, сложив руки, иду ко дну, тону в этих голубых омутках.

Я не принц и не идеальный парень. У меня ничего нет, только чувства, в которых я ещё и сам не разобрался. И если я нужен тебе, нужны мои чувства... забирая всё без остатка.

Рукой по мягкой щеке и пальцами в шёлк волос. Она всё смотрит в глаза, не притягивает, но и не отталкивает. Ждет, словно проверяет, как далеко могу зайти, сколько могу себе позволить.

Подаюсь вперед и накрываю её губы своими. Жест, как отчаяние, если оттолкнет, то это станет концом всему, даже во френдзоне для меня места не будет. Сердце пропускает удар, в этот момент, кажется, что дышать разучился. Прикусываю мягко, и губы девушки размыкаются, сладкие. Она отвечает на поцелуй, а я окончательно теряю голову. Ладонки на руках, пальчики мягко стискивают мои плечи, хватается за меня, словно упасть боится.

Чтобы забраться в машину полностью, приходится разорвать поцелуй.

Полуопущенные ресницы, глаза блестят, щеки пылают. Красивая она. Не думал, что

такие вообще бывают. Усаживаю её себе на колени и хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться в реальности происходящего.

Родинка на правой груди. Белесый тонкий шрамик на подбородке. Крохотное тату на ребрах слева, два слова витиеватым шрифтом. Украшение в пупке мягко поблёскивает. Поджатые пухлые губы. Шрамы — круглый на бедре и тонкая неровная полоса на животе. Едва касаюсь их пальцами, хочется защитить её, укрыть от всех невзгод.

Серые прожилки на голубой радужке делают глаза пронзительно светлыми. Кайфую, разглядывая её, подмечая каждую мелочь во внешности. Хочу рассмотреть её, словно боюсь, что потом не смогу этого сделать.

Девушка прерывисто дышит, ерзает как от нетерпения. Ручки гладят меня по плечам, по груди, пальчики замирают, коснувшись ремня. Мне любопытно, хочется посмотреть, что же она сделает. И в тоже время боюсь, что буду бездействовать, и она спохватится, поймет к чему всё идет и сдаст назад.

Не сдаёт. Сама тянется к губам, и я не мешкая, тянусь навстречу.

Мягкий, но требовательный поцелуй. Жадный, будто жизненно необходимый. Долгий, что воздух в легких заканчивается. Тонкая шея, кожа под поцелуями покрывается мурашками. Девушка подается вперед и откидывает голову, чтобы я мог зацеловать её.

— Костя.

Думал, предел возбуждения достигнут. Думал невозможно хотеть сильнее, но от того как она шепчет моё имя, сквозь стон, с придыханием выносит всю сдержанность.

— Я от тебя без ума, — хрипло шепчу в ответ. По её телу разбегается новая волна мурашек.

— Кто-нибудь увидит.

Опасается, но все же не препятствует, когда тяну завязки на лифчике. Стягиваю его и кидаю куда-то на переднее сидение.

— Нет, тут стекла тонированные, — тихо смеюсь я, прежде чем прильнуть губами к мягкой высокой груди.

Под моими губами соски затвердели, она сладко стонет, льнет ко мне. Не хочу отрываться, так нравится слушать её прерывистое жаркое дыхание, касаться её. От возбуждения в паху ломит, перед глазами круги пляшут, и всё же не хочу торопиться, хочу, чтобы ей было ещё лучше со мной. Настолько хорошо, настолько вообще возможно.

Стискиваю ягодички, заставляя её приподняться. Отдвигаю ткань, и потому как она охает, понимаю, что на верном пути.

Ловлю стоны, заглушая их долгим глубоким поцелуем. Девушка извивается, впиваясь пальчиками в мои плечи. Мокрая, горячая. Голова кружится от её жаркого, затянутого страстью, взгляда, от того, как грудь касается моей груди, как что-то шепчет неразборчиво.

Как же должно быть в кайф спать с ней, если на простую ласку она реагирует так бурно.

Покрытое испариной тело, волосы, небрежно спадающие на красивое покрасневшее лицо. Она утыкается лбом в моё плечо, дрожит, и с губ срывается жаркий гортанный стон. Мои пальцы охватывает тесная пульсация её тела, и от всего этого я сам едва не кончаю, кое-как удаётся сдержаться.

Она рвано дышит, смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Расслабленная, она ещё горит. От нас такой жар, что окна запотели. Целую её ласково, неторопливо, рукой шарю в кармане переднего сидения в поисках защиты.

От стука в окно мой ангелочек вздрагивает и дергается, как будто сейчас расправит крылья и улетит сквозь люк.

— Эй, молодежь, вы... — не дожидаясь ответа, Макс дернул ручку и застыл, таращась на нас оторопелым взглядом. — Ой.

Я инстинктивно прижал девушку к себе, закрывая её спиной.

— Блть, Макс! — запоздало сдерживаю отборные матюки, стремящиеся вывалиться на голову брата. Собака сутулая, умеет же он появиться в неподходящий момент!

— Я это... Я извиняюсь... очень. Мы просто вас потеряли.

Потеряв возможность говорить связно, Макс отступил на шаг. Я кутал, пылающую от смущения девушку в свою мастерку.

— Будь другом, свали, — идиотская ситуация. Я бы рассмеялся, постебался бы даже, но сейчас со мной была Аня, и с ней так я не могу.

Макс, не пытаясь ехидно улыбаться, закрыл дверь и удалился. Стекла высохли, жар выветрился, и прежняя атмосфера была утеряна.

— Аня...

— Пожалуйста, не говори сейчас ничего, — хрипло прошептала девушка.

Отвернувшись к окну, она плотно закуталась в одежду. Не отстранилась, когда обнял, прижалась к груди, но в глаза смотреть не хотела.

В полной растерянности, я ненавязчиво гладил её по волосам и обнимал так нежно, как умел.

Прости, если повел себя слишком нагло или грубо, если чем-то обидел.

Я, кажется, влюбился. Влюбился, когда ты держала меня и успокаивала. Когда увидел тебя на стоянке у больницы. Когда попросил разрешения стать твоим другом. Когда ты смеялась и плакала, когда улыбалась мне и грустила.

Я люблю тебя и не хочу никуда отпускать.

Комментарий к Глава 13

К сожалению в пятницу не будет возможности выложить главу, поэтому сегодня две.

Встретимся в воскресенье и посмотрим на мир из другого угла)

===== Глава 14 =====

— И как это понимать? — вырвалось растерянное.

Глеб оторопело смотрел на погасший дисплей. Его невеста только что потребовала «не делать ей голову» и сбросила звонок. Прерванный разговор хуже хлесткой пощечины, в глубине души закипало возмущение.

Мужчина всё понимал — поболтать с подругой, обсудить мужиков, выпить даже. Но вот так сбрасывать звонки, ставить перед фактом и грубить. Это было впервые и крайне неприятно.

Глеб снова взялся на телефон, но набирать номер не торопился. Не было желания разговаривать с подружкой Ани.

«Сука», — едва не выругался он, злясь на происходящее. Считая, что женщина должна быть мягкой и покладистой, Глеб на дух не переносил Леру, а та была наглой хабалкой. Он

был уверен, сейчас она нашептывает гадости, настраивая девушку против него.

Аня всегда была готова идти на уступки, но всё же в чём-то упрямылась. Вот и общение с подружкой так и не прервала, как бы он не настаивал.

— Вот же стерва! — злобно прошипел мужчина.

Постаравшись взять себя в руки, он снова набрал девушке.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны обслуживания» — слова, сказанные ровным механическим голосом, больно ужалили в район солнечного сплетения.

Это вообще не лезло ни в какие рамки. Девушка могла не брать трубку или сбрасывать звонки, когда обижалась, но чтобы взять и выключить телефон!

Глеб кипел от возмущения, его раздражало, когда он не мог понять, что происходит. Плюхнувшись на диван, он прокручивал в голове последние события, которым ранее не придавал особого значения.

Раньше, когда он не приходил домой ночевать, Аня встречала его с заплаканными глазами. Последнее время она спокойно спала, когда он возвращался. Раньше, даже по телефону было слышно, как дрожит её голос. Последнее время, она бросала короткое «А, всё понятно». Раньше она пыталась разговаривать об этом, раньше приходилось просить прощение за свои загулы. А последнее время она вела себя так, словно ничего и не случилось. Она становилась всё более отстранённой и равнодушной ко всему, что касалось его. Но ведь не могла же она просто взять и разлюбить его? Или же просто смирилась с его натурой и перестала принимать близко к сердцу? Но это было так на неё не похоже.

Терзаясь сомнениями, Глеб не услышал, как Марина вошла в комнату.

Завернувшись в полотенце, девушка, молча, наблюдала за метаниями и сомнениями, красноречиво отражающимися на лице мужчины. Понимая, что отношения трещат по швам, она решила брать быка за рога. Не стеснялась писать Глебу смс, иногда даже звонила, иногда, как сейчас, приглашала к себе. Что уж им двигало, она не интересовалась, главное что приезжал. Общение становилось всё более частым и длительным. Глеб дарил подарки, давал денег и пару раз водил в ресторан. По мнению Марины, мог бы побольше раскошелиться, но начало было положено, и она не могла не радоваться.

— Что, не берет трубку? — усмехнулась она язвительно.

Марина не раз видела, что невесту Глеба встречает какой-то тип, тот же, что и цветы передавал ещё по весне. Она помалкивала, выжидала. Теперь вроде пришло время раскрыть карты.

— Не берет. Занята, наверное.

Мужчина выпалил это и тут же спохватился. Марину его личная жизнь не должна касаться. С чего бы ещё отчитываться перед случайной девкой.

— Ага, тем парнем на Приоре, если только.

Глеб поворачивается к ней всем телом, онемевший и непонимающий.

Марина ехидно улыбается, пользуясь растерянностью, продолжает говорить.

— Ой, — девушка делает вид, что взболтнула лишнего. — Давно хотела тебе сказать, боялась сделать больно. Не расстраивайся, она дура просто. Как иначе объяснить, что тебя на него променяла?

Она присела рядом, мягко обнимая мужчину, и заискивающе посмотрела в глаза.

— Что за бред ты мелишь? — шипит он, хватая её локоть.

Девушка, не ожидавшая этого, болезненно ойкает.

— Ты хоть понимаешь, о ком говоришь?

Мысли сыпались, не желая укладываться в голову. Конечно, он уже знал, что Марина знакома с Аней, но как-то особо об этом не думал. Мало ли кто с кем знаком, работают вместе и что с того.

— Она тебе не кто-нибудь! Она так не поступила бы!

Глеб соскочил с дивана, опрокидывая рядом стоящий стул. Он кричал, вскидывая палец, как бы привлекая внимание к сказанному. Оправдывал свою невесту, но зерна сомнений уже давали свои всходы.

Равнодушие Ани, её спокойное отношение к тому, что мужчина периодически не ночевал дома. Признаться, раньше он хотел, чтоб так оно и было. Когда она перестала устраивать скандалы, он даже обрадовался. Больше не нужно было выслушивать её упреки, делать вид, что он раскаивается, что ему стыдно. Мужчина всего-навсего хотел иногда развеяться, отдохнуть от бытовухи и ничего плохого в этом не видел. Ведь в итоге он же возвращался к ней, заботился и любил.

Глеб любил её, хоть и не торопился жениться. Предложение было сделано, но дальше не шло. Он хотел, как отец — жениться раз и на всю жизнь, а прошлое девушки его тормозило. Изредка поднималось чувство брезгливости из-за того парня, что был до него. И армия, она больше полугода была вдалеке, среди парней.

Мужчина старался на этом не заикливаться, но иногда срывался. Мучил себя предположениями и догадками. И всё же любил, муторно ему было на душе, когда расставались, а это у них случалось раньше очень часто.

Молоденькая девчонка с бледной кожей и грустными глазами. Ласковые руки, меняющие его повязку, казалось, даже уколы она ставит иначе. Аккуратнее, даже без боли будто, не то, что другие медсестры. Всегда вежливая, милая со всеми, для каждого находила доброе слово, каждого одаривала доброй улыбкой. Хорошенькая практикантка запала в душу и так не отпустила. Глеб долго добивался её внимания, а потом и взаимности. Во что бы то ни стало хотел, чтобы эта девчонка стала его, была только с ним.

Добился, но как-то быстро устал. Двойное чувство, сам себя понять до конца не мог. Устраивала его она во всем, не хотел, чтобы менялась или была раскованнее или ещё что-то. Зубки показывала, но всё же была скромной и доброй, учливой и понимающей.

И всё же иногда хотелось грязи. Секса распушеннее и жёстче, чтобы на всё согласна, ни в чём не отказывала. И она как-то на эту роль не подходила. Не смог бы он, потом с ней под одной крышей жить, мало ли с кем она ещё могла бы так.

Извёлся бы от ревности потом. И так дружка её на дух не переносил, но как ни старался, не смог их с Аней рассорить.

— Что ты говоришь! — из мыслей вырвал ехидный голос любовницы.

Марина уже давно что-то говорила, тряся руками. С ней было просто. Всегда можно было получить, что хочешь, стоило позвонить. Да в первую совместную ночь всё вышло не очень гладко, нетрезвая Марина пыталась сопротивляться. После секса и вовсе расплакалась, что, по его мнению, вообще было неуместно, сама ведь вела себя так, всем видом показывая, что хочет его.

Мужчина даже думал, что это их последняя встреча, но потом она сама позвонила ему. И всё как-то закрутилось. Ему было просто удобно с ней.

— Конечно, думаешь Анечка твоя святая, как же! Да этот тип вокруг неё всю весну вьется. Цветочки таскает, с работы забирает. И неизвестно, чем они в его машине занимаются!

Девушка злобно смеётся, ловя недоумение в глазах Глеба. Он растерян, не привык слышать такое о своей невесте.

— Чего смотришь? Как-то сама видела, как он её мороженым кормил. Они у больницы едва не лизались! А ты дальше рога отращивай!

— Врёшь! — прошипел в ответ мужчина, не веря своим ушам. Не могла она с ним так поступить! Не могла, он ведь столько для неё сделал. В больнице навещал после ранения, поддерживал, дал возможность учиться, в дом к себе взял, с родителями познакомил. Не могла она так с ним, не хотел он верить в это.

И всё же пазл складывался. Если Марина не врёт, то понятно и внезапное равнодушие, и потеря интереса к нему.

— А оно мне надо? — бросила Марина. Девушка закуталась в халат и выжидающе смотрела на него. — Глеб, милый, я ведь тебе добра желаю, поверь. Она и мизинца твоего не стоит, а я всегда рядом буду. Всегда поддержу, всё, что хочешь, сделаю.

Мужчина ехидно усмехнулся. Сделает, конечно, не раз уже свои способности продемонстрировала, но такая ему рядом была не нужна. Марину едва ли приняли бы родители, да и его самого она интересовала только для определенных целей.

— Серьезно? — он расплылся в гадкой ухмылке. — Я тебя, может, расстрою, но на таких не женятся.

Губы Марины болезненно скривились. Может, она и думала в первую очередь о благах, которые принесут отношения с Глебом, но хотя бы не скрывала этого.

Да, с самого начала, она сближалась с ним из-за расчета на хорошую жизнь, но потом узнала его лучше. Сильно зависящий от мнения родителей, страдающий от материнской гиперопеки, недолюбленный излишне строгим отцом, ей хотелось пожалеть его, дать заботу и тепло. Может, даже она и влюбилась, и готова была закрыть глаза на очень многое.

Мужчина ей искренне нравился и на эти отношения она работала. Выкладывалась по полной в постели, ни в чём ему не отказывая. Всегда старалась выглядеть идеально и не портить ему настроение угрюмым лицом. И сейчас это слышать было обидно.

— Это на каких таких? — поджав губу, спросила она.

— На таких. Думаешь, я не знаю, что тебя кроме бабок ничего не интересует? Да ты же любому дашь, кто капустой поманит! Ищешь там, где посытнее и помягче.

— А что плохого в этом? Да, я хочу, чтобы мой мужчина был в состоянии содержать меня и будущих детей, и что? Я этого и не скрываю.

— Детей? — из Глеба желчь едва не лилась, настолько он презирал меркантильных и доступных женщин. — Да ни один нормальный мужик не захочет иметь их от тебя! Что от тебя может родиться, после стольких мужиков?

Она прикусила губу, такой грязи в лицо ещё не получала. Не хранила себя для единственного — это правда, но имела партнёров не больше обычной среднестатистической женщины её возраста.

— И даже не смей Аню с собой сравнивать!

— Ну да! Только спишь ты всё равно со мной!

Мужчина не слушал, что говорит его любовница. Он поспешно оделся и вышел из квартиры, чтобы больше никогда в неё не возвращаться. Даже слушать Марину не стоило, он сжал кулаки. Зря вообще с ней связался.

— Потаскуха, лживая тварь, — злобно прошипел он, заводя машину.

Правильно мама говорила, такие, на что угодно пойдут, чтобы только кусок посытнее

урвать. Хорошо хоть эта залететь не умудрилась, а то пришлось бы опять унижаться, упрашивая, чтобы аборт делала.

«Аня другая», — мысленно произнес он, стараясь убедить себя в этом.

Не хотел и не верил он, что девушка способна на предательство. Жить с ним и спать с кем-то ещё, такое точно не о ней. Девушка никогда не велась на дорогие подарки и не требовала их от него, хотя могла бы на правах невесты. Не протестуя, скидывалась на коммуналки и продукты. Мужчина предпочел бы сам вести бюджет, но она не соглашалась отдавать свою зарплату полностью. Хотела иметь свои деньги, наверное, и он не стал настаивать.

Все свои расходы сама оплачивала — раздражала такая самостоятельность, но Глеб утешал себя тем, что это только до рождения детей.

Ночь выдалась какой-то унылой и тягучей, как кисель. Может, от того, что он слишком много размышлял, а может, от того, что успел довольно много сделать. После того, как ноутбук девушки потребовал пароль, который Глеб подобрать не смог, он поехал в клуб. В тот самый, который посещал последние лет десять.

Благодаря своему отцу, он с юности привык ни в чем себе не отказывать. Дорогие машины, престижные клубы, алкоголь элитных марок, красивые девушки — это всё всегда было неотъемлемой частью его жизни. Но когда он познакомился с Анной, решил изменить свой образ жизни. И ему это почти удалось, до первой встречи с друзьями. Это был замкнутый круг: друзья, клуб, выпивка, а как итог — утро в постели с девушкой, чье имя едва ли он мог вспомнить, если вообще знал. Хотя, чего уж кривить душой, Глеб прекрасно понимал, что не в друзьях дело и не в алкоголе. Он ничего не мог с собой поделать. Никогда мужчина не мог долго останавливаться на чем-то одном. Неважно машина это, наручные часы или телефон. Разве что виски он всегда пил одной и той же марки.

Тоже было и с отношениями. Он любил повторять фразу: «Тем, что обожаешь, тоже можно обожраться до тошноты».

К утру он, набравшись смелости или градуса, всё же приехал к дому, в котором жили Паша и Лера. Но протрезвонив в домофон с полчаса, уехал несолоно хлебавши.

Глеб старался ехать медленно. И в трезвом состоянии он водил не так чтобы очень хорошо. Нога так и порывалась утопить педаль газа. Он словно торопился, а может, надеялся успеть, всё исправить. В груди неприятно пекло, все же он понимал, что «догулялся», но надежда, подогретая алкоголем, ещё теплилась. Он успокаивал себя тем, что девушка просто так решила его проучить. Мол, на, почувствуй каково это.

Уже припарковал машину и собирался идти, когда к торцу дома подползла черная Лада.

Машина сразу бросилась в глаза, слишком чужеродно она смотрелась на фоне элитного жилого комплекса.

«Ведро с болтами» — подумал про себя Глеб, не отрывая взгляда от порождения отечественного автопрома. Модный нынче тюнинг, по его мнению, едва ли исправлял положение. Сколько в жигули не вкладывай, мерседесом он не станет.

Мужчина бы плюнул и прошёл мимо, но какое-то внутреннее чувство заставило задержаться. Пассажирская дверь открылась, а он впервые в жизни ощутил, как это, когда волосы становятся дыбом. Из машины вышла его Аня.

Из-за тонировки он как ни старался не смог разглядеть того, кто был за рулём. Девушка тем временем мило улыбнулась и, махнув на прощание, направилась к подъезду. Машина, взревев басами, сдала назад и выехала со двора.

— Аня!

Мужчина окликнул её уже у двери в подъезд. Спина девушки заметно напряглась.

— Глеб? — она медленно обернулась.

Девушка копалась в сумочке в поиске ключей. Его взгляду предстало лицо без грамма косметики и сонные, чуть припухшие глаза. Обычная повседневная одежда, волосы, заплетённые в косу. Сильно отросшие корни и тени под глазами заставили немного поморщиться, но в целом она выглядела так же, как и всегда, Глеб даже не мог объяснить, что его смутило. Девушка будто изменилась, едва заметно и так осязаемо одновременно.

— Что ты тут делаешь?

Мужчина молчал пока шли по подъезду и поднимались в лифте. Уже в квартире, пока Аня разувалась и убирала сумочку, Глеб, не отрываясь, смотрел на неё. Может, ждал, что начнет оправдываться, может, хотел понять что же именно его настораживало.

— Я приезжал к Трофимовым, — медленно начал говорить он. Девушка чуть заметно напряглась, но взгляд остался спокойным.— Но дома никого не было.

Она не умела врать, и мужчина это знал. Он уже понял, что ни у какой подружки она не ночевала и ночевать не собиралась. Он ждал, что вот сейчас под тяжестью его взгляда, Аня не выдержит и начнет оправдываться, начнет извиняться, как до этого не раз приходилось делать ему.

Она молчала. Стояла, положив руки в карманы, и смотрела на него. Нехорошее что-то было в этих глазах-льдинках, но не укор или злость. Абсолютно непроницаемое выражение лица, равнодушные глаза, сейчас больше серые, только чуть вздёрнутые брови выдавали напряжение девушки.

Она чем-то была недовольна, но не хотела показывать этого. И держалась на расстоянии... Глеб, наконец, понял, что же сбивало его с толку — расстояние.

Девушка всегда подходила почти в плотную, особенно когда они ругались, а сейчас ссора уже назревала. Девушка всегда заглядывала ему в глаза, так пронзительно, вся её боль и горечь была как на ладони, плескалась в больших глазах.

— Мы были на даче, — ответила ровно, но глаза забегали.

— Врёшь. Где ты была?

Он её будто не слышал. Голос дрожал, выдавая волнение. Быть в роли обманутого Глебу было в новинку, и это ему не нравилось. Злило, что она смеет держать его за дурака. Что как ни в чём, ни бывало, стоит и смотрит в глаза, без капли стыда.

— У Леры на даче, — снова этот ровный тон, чуть осипшего голоса. Он откровенно выбешивал. Она должна бояться, должна оправдываться! Мужчине начинало казаться, что Аня смакует, наслаждается его бешенством. Издевается и хочет вывести на эмоции.

— Не смей врать мне! Кто тебя привёз?!

Схватив за плечи, он со всей дури впечатал девушку в стену. Глаза её сверкнули испугом. Его — налились бешенством и едва не искрились. Чувствительное обоняние уловило непривычный чужеродный запах. Вместо лёгких цветочных духов в нос врезался запах табака и кожи. Кроме туалетной воды, нос Глеба уловил запах чего-то едкого, химического.

— Я поймала попутку, — едва дыша, выговорила она, когда мужчина прижался носом к её волосам и шумно втянул воздух. — Глеб, что ты делаешь?

— Попутку?! — взревел он, ощущая, как вязкая боль заполняет грудную клетку. Нельзя так пропахнуть кем-то, просто находясь рядом короткое время. — Попутку говоришь?

— Мне больно! — вскрикнула девушка, не отводя взгляда.

Мужчина и сам не заметил, что впивается пальцами в хрупкие плечи.

— Ты... — шумно, с надрывом выдавил он, прежде, чем сорваться на болезненный крик. — Ты вся провоняла чужим мужиком, сука!

Светлые волосы взметнулись, коснувшись лица мужчины, когда голова дернулась в бок. Девушка охнула, больше от неожиданности и испуга, и прижала ладошку к покрасневшей щеке.

— С кем ты была? Кто он? Кто?!

Мужчина был, как раненое животное. С каждым ударом сердца по телу разносилась жгучая боль. Она смешивалась с кровью и проникала в каждую клеточку, разъедая подобно кислоте. Глеб многое повидал, успел узнать жизнь со всех сторон, как ему казалось, но её предательство жёстко выбило из-под ног почву. Как могла, как посмела после всего, что он сделал для неё? Сердце мужчины рвалось от горькой боли.

Она пыталась вырваться, но он крепко держал за плечо, нанося удары свободной рукой. Девушка пыталась закрыть лицо руками, что-то кричала, но он как оглох. Бил хлётко, вымещая всю обиду, а когда пелена гнева спала, и рука бессильно опустилась, остолбенел.

Ладонь жгло, как от пчелиного укуса. Он никогда не поднимал на неё руку, не смел, хоть иногда и хотелось закончить её истерику крепкой затрешиной, но любил и поэтому сдерживался. А тут, как глаза застило. Лёгкое чувство стыда кольнуло в груди, он должен быть выше этого, но не смог справиться со злостью. Он ведь и сейчас любит, а она...

Провела с кем-то ночь и ей даже не стыдно. В огромных глазах плещется старая обида и капля злорадства.

Глеб расценил её поведение, как наказание, как способ проучить, показав на практике, как это, когда ранит самый близкий человек. И ему стало стыдно. Стыд перед ней и злость, обида на неё плескались в душе, путая мысли и не давая рассуждать холодно. Хотелось выставить её из квартиры и в тоже время пугало желание упасть на колени и просить прощение.

— Аня, ты ведь назло мне это? Ведь, правда?

Она лишь холодно смотрела на него и дышала прерывисто.

— Кто он? — спросил без прежней требовательной интонации, тихо и робко даже.

— Извини, но это тебя не касается.

Извернувшись, она высвободилась из ослабшей хватки и быстрым шагом поднялась на второй этаж. А Глеб так и стоял, растерянно смотря в стену, где недавно стояла его девушка.

Комментарий к Глава 14

У каждого из героев своя правда. А вы как считаете, кто прав, кто виноват?

Ну, а что было дальше, узнаем уже послезавтра)

===== Часть 3. Держи меня крепче. Глава 15 =====

Заперев дверь спальни, я рухнула на кровать, уставившись на своё отражение в зеркальном потолке.

Я ведь всегда считала себя правильной и верной. Изменить, предать свой выбор, сделать больно любимому человеку — это точно не про меня, наивно полагала, а на деле...

Таяла в ласковых руках парня. И если бы не Максим, окончательно сорвалась бы в бездну темных глаз.

Омерзительная, осуждала Глеба, а сама чем лучше?

Вспоминаю, как целовались с Костей, как, не стыдясь, позволяла себя раздевать, как прижималась к нему и стонала, пока ласкал меня. И стыдно, и в жар бросает. Ничего подобного, ни с одним парнем я не испытывала. Каждое прикосновение отзывалось в теле волной мурашек и дрожи. Казалось, кожа стала в разы чувствительнее, настолько остро ощущались его руки, губы.

Я действительно пропахла парнем. Даже сейчас чувствовала его запах, неудивительно, что и Глеб его унюхал.

Я прикусила губу, как же оказалось легко поддаться соблазну и переступить черту. И как тяжелы последствия. В глаза Глебу смотреть тяжело, стыд как кислота разъедает.

И вроде не жалею о том, что произошло, но всё же не нужно было вчера так опрометчиво поступать. Стоило закончить эти отношения, а потом уже думать дальше, но так с Костей легко и комфортно, и я заигралась. Флиртвала, дразнила, прижималась к нему. Неудивительно, что он не выдержал. Молодой, кровь горячая, а я и не думала сопротивляться. Вела себя, как доступная...

Спрятала лицо в ладонях, и перед своим отражением было неловко. Девка строила из себя недотрогу, а тут полезла целоваться. И чуть не отдалась прямо в машине.

Позорище...

Что думает обо мне после произошедшего Костя и представить страшно. Отвез домой, как всегда был вежлив, даже поцеловал на прощание. И вроде отношение ко мне не изменилось, но зачем ему та, которая может предать?

Перед Глебом оправдывалась, врала. Зачем, ведь ещё вчера решила, что эти отношения нужно закончить? Растерялась, когда сегодня столкнулась с ним у подъезда. Двумя минутами назад с Костей целовалась, а тут он. Едва удалось сохранить самообладание и не сгореть со стыда.

Мысли, как растревоженный пчелиный улей. Голова от них гудела, и казалось, сейчас лопнет вдоль швов. Хотелось кричать так громко, как только позволяют голосовые связки, чтобы только заглушить этот гул, доводящий до мигрени.

— Аня, открой, пожалуйста!

В мысли вторгся стук в дверь.

— Нам нужно нормально поговорить! — требовательный тон отступал, выдавая растерянность. — Я был не прав. Прости меня, слышишь? Такого больше никогда не повторится, обещаю!

Казалось невероятным, что после всего Глеб извиняется. Я не заслужила такое отношение с его стороны. Изменила, такое ведь тоже считается. Хотела другого парня, получала удовольствие от его прикосновений.

Уже не имеет значения, что и сам Глеб ранее изменял мне. Не важно, что не ночевал дома. Что приходил под утро, и от него разило вискарем и дешевыми духами. Для него это ничего не значило. Развлечение, способ внести разнообразие, отдохнуть от обыденности. Он ведь и имён тех девиц, скорее всего, уже не помнит.

Всегда ко мне возвращался и всегда просил прощение. Я не должна была так поступать с ним, подло, не честно.

Любила ли я его вообще? В голове сумбур какой-то. Любила или просто была благодарна за его теплое отношение, когда у нас всё только начиналось? Любовь в знак благодарности, так разве бывает? Теперь уже и не знаю. Уважала за целеустремленность и тонкий ум. Красивый мужчина, приятный из хорошей семьи, старше, значит, мудрее.

Верила, что сможет стать для меня тем единственным, семью хотела с ним. Но только была ли это любовь?

Нельзя было так с ним. Из уважения к прошлому, к тем годам, чтобы были вместе. Я и хотела иначе, обговорить всё, объясниться. Чтобы не обидеть, не остаться врагами.

Ненавижу делать людям больно. И всё же уже ничего не изменишь, как случилось. Виновата, что уж тут кривить душой.

В ванной умылась и положила под глаза патчи. Нос заметно распух, но синяков вроде не видно. Сняла помолвочное кольцо и вернулась в спальню, зажимая его в руке.

Глеб сидел под дверью, стоило открыть её, как тут же подскочил, бросился ко мне, и хотел было обнять.

— Что это? — растерянно, с видом побитой собаки спросил он, когда протянула ему кольцо. Красивое такое, девчонки на работе охали, разглядывая.

— Кольцо, — пожалала плечами, разве не видно. Вложила ему в руку.

— Я понял, зачем ты отдаешь его мне? Ты, что... бросаешь меня?

Растерла лицо ладонями. Внезапно одолела жуткая усталость. Села на кровать и хлопала рядом с собой. Мужчина послушно присел, всё также сжимая кольцо в кулаке.

— У нас не всё было хорошо.

Набрав побольше воздуха, я заговорила. Никогда мне ещё не приходилось рвать отношения. Меня бросали, либо я уходила без разговоров. Сбегала по-тихому или в истерике хлопала дверью, но сейчас важно именно поговорить, я хотела, чтобы он понял меня и не держал зла. Ещё я не хотела, чтобы мужчина чувствовал себя виноватым. Не думал, что он какой-то не такой. Просто не тот, кто мне нужен. Как и я не та, кто ему нужна.

— Но знаешь, я очень тебе благодарна за твою заботу и то время, когда мы были счастливы.

— И ещё будем, обязательно будем, — Глеб начал так вдохновлено, но под моим взглядом осел и замолчал.

Хотел накрыть мою руку своей, но пальцы едва коснулись моих. Тут же отдернул её, как обжегся.

Я мотала головой.

— Мне тяжело это говорить, но так нужно. Нам уже давно стоило это сделать, — столько всего нужно ему сказать, но мысли не хотели складываться в слова.

— Что за чушь, Ань? — мужчина часто моргал, смотрел куда-то в сторону. — Столько лет были вместе, и ты сейчас хочешь всё перечеркнуть? Вот так просто?

— Глеб, пойми меня, пожалуйста, наши отношения были обречены изначально. Мы слишком разные. У нас разные цели в жизни, разные ценности, разные приоритеты и требования к отношениям.

Он молчал, казалось, погрузился в какие-то свои мысли, и я продолжала. Резала по живому, но иного выхода не видела. Я ведь обманывала его. Вместо того, чтобы ждать дома, я сбегала с Костей. Ночи напролет с ним, так было спокойно и уютно, что расставаться казалось чем-то неправильным. Просто проводили время вместе, и всё же это стало чем-то большим.

— Я понимаю, что делаю больно тебе. И надеюсь, ты меня простишь, но у меня к тебе больше нет тех чувств, что были раньше.

— Это всё из-за него?

— Что? — я не сразу поняла о ком он. Мужчина поднял на меня тяжелый, полный

разочарования взгляд.

— Из-за того, кто тебя привез? — он сжал губы, как от сильной боли. Я подавила порыв обнять его и успокоить. — С ним, из-за него меня бросаешь, да?

— Нет, дело не в нём, — тихо ответила я. Это было правдой, но всё же только отчасти. Сейчас я четко осознала, как бы там с Костей не сложилось, с Глебом нам больше не по пути.

Страх остаться одной ушел уже давно. Мне уже не нужно быть с мужчиной, чтобы чувствовать себя полноценной и нужной. Я сама по себе целое. Чего я хочу от жизни, когда и как я будто смогла услышать себя. Смогла в себя поверить и принять, ощутить себя нужной самой себе в первую очередь.

— У нас уже давно нет будущего. Отношения себя изжили.

— Если это из-за меня, то я обещаю, — мужчина перебил меня, порывисто хватая за руки. Ничего, даже сердце не екнуло. — Я завяжу с клубами, и каждый вечер буду с тобой, клянусь!

Я усмехнулась невесело, но от его слов уже не было больно. Он уже столько раз это обещал, что слова уже всерьёз не воспринимались. Такова его натура, не мог он долго быть с одной женщиной. Хотелось большего, и с точки зрения биологии это оправдано, но это не по мне. Чувств и в самом деле не осталось.

— Не нужно, это лишнее. Ты не мой человек, и держать тебя, пока где-то есть та, которая по-настоящему тебя полюбит, будет неправильно.

Я встала с кровати и отняла ладони из его рук. Открыла шкаф и начала паковать вещи.

Я посмотрела на вещи в чехлах. Дорогушие платья, которые иногда покупал мне Глеб. Безумно красивые и жутко неудобные, совсем не для меня будто пошитые. Провела по ним рукой и оставила висеть в шкафу. Как не пытался, Глеб не смог сделать из меня леди. Не смог приучить к красивым платьям и ярким украшениям.

Вещей оказалось не так уж и много. Закрыла шкаф, под пристальным взглядом мужчины.

— Так значит, решила окончательно? — надтреснуто, но требовательно произнес он. — Украшения и телефон верни.

В ступор меня это не ввело, но немного удивило. Спорить не собиралась, если уходить то, с чем пришла. Вынула из ушей серьги и вложила их в протянутую ладонь. Из шкатулки вынула браслет и пару колец, так же отдала мужчине.

— Остальное в сейфе, — упаковывая остатки вещей, добавила я. Подаренные Глебом украшения были красивыми, но слишком громоздкими и основную часть времени лежали в коробочках. Да и работа не особо располагала к их ношению. — А телефон я сама покупала, уж извини.

Глеб поджал губы. Мне от него ничего не нужно было, но и своё отдавать не собиралась. Бюджет у нас был отдельный, и свои хотелки я оплачивала сама, так что тут всё честно.

— Что и кошку заберешь? — хмыкнул Глеб, когда я достала переноску.

— Он мальчик — кот, и ты всё равно его не любишь.

Мужчина мне на это ничего не ответил. Я подхватила кота с кресла, в котором он дремал, и запустила в переноску.

Мешки с блохами — так высказался Глеб, когда я притащила троих крохотных малышей после занятий в больнице. Кто-то выбросил их посреди зимы, ещё совсем слепых. Так они

жалобно пищали в том черном мешке, не смогла бросить. Выкармливала из пипетки, согревала грелками. Как подросли, двоих раздала. Рыженького назвала Гарфилдом и оставила у себя.

— Там ещё мои книги, отправь их, пожалуйста, с транспортной компанией. Я адрес позже скину.

— Мне, по-твоему, заняться нечем? — слышно было по голосу, что мужчина возмущен. — Хахаля своего попроси, пусть поможет, если не боится.

Едкий комментарий решила проигнорировать. Ни к чему устраивать скандал, но он будто этого и добивался.

- Тридцатка скоро, кому нужна то будешь, не подумала? — язвительно заметил он.

Мне через месяц двадцать пять.

Не видела лица, но физически чувствовала гаденькую унижительную ухмылку. Мужчина цыкнул.

— Да и с твоим послужным списком... Хоть никому не рассказывай, что целый гарнизон через себя пропустила.

Я сжала губы. Слова обижали, но оправдываться было не за что. К чему он вообще строил со мной отношения, если не доверял? Медленно выдохнула и, глотая обиду, продолжила собираться.

Нашла в интернете номер грузоперевозок. Договорилась, что машина приедет через час и собрала в пакеты книги и потихоньку перетаскала вещи вниз. Всё это время Глеб оставался в квартире и ходил за мной по пятам, будто боялся, что прихвачу лишнего. Впрочем, меня это никак не волновало и не обижало. В своей квартире он имел право находиться, где захочет. Когда забирала последнюю сумку, молча, протянула ему ключи.

Бросила прощальный взгляд на просторную прихожую. Вот и всё, солидный кусок жизни оставался тут. Лучшие годы? Да нет же, ещё всё впереди. И ни капли не было жалко, что отдала этим бесперспективным отношениям столько лет. Ничего бы я не изменила, всё же это опыт, и без него я не стала бы собой. Многих вещей не смогла бы осмыслить. И как знать, может, и с Костей не познакомилась бы.

— Смотри не пожалей, — бросил он, ухмыляясь.

Я не ответила. Махать кулаками после драки не хотелось. Расстались относительно спокойно, как я и хотела. Пока спускалась, набрала номер старшего брата.

— Алло, — трубку он взял почти сразу. Голос был сонным, всё же было ещё раннее утро.

— Привет. Пустишь пожить?

На том конце повисла пауза. Кажется, я свалилась ему как снег на голову.

— Расстались? — хмыкнул он. — Приезжай, конечно, я дома.

Села в фургончик, назвала адрес и отправилась в новую жизнь. Не было жалко или обидно. Стало как-то спокойно, я всё сделала правильно.

— Уже иду.

Из подъезда Паша шагнул в раннее утро. Солнце уже поднялось, но не успело развеять небольшой туман. Свежая прохлада заставляла покрываться мурашками. В не отошедшем ото сна теле возникло желание потянуться, что мужчина и сделал. Суставы захрустели, он довольно потёр заспанные глаза.

В другой раз Павел бы присел на лавочку, закурил и наслаждался рождением нового

дня. Он любил это время суток: уже не ночь, но и до дневной суеты есть время. Только в последнее время и это не приносило удовольствия. Сейчас и вовсе было не до того. Аня неспроста позвонила в такую рань, да ещё и просила разрешения приехать. В голосе звучала грусть, ничем не прикрытая и странное, нетипичное для такой ситуации спокойствие, граничащее с равнодушием.

«Опять этот мудака что-то отчебучил», — про себя выругался Паша. Столько ей уже говорили, и всё бестолку. Не слушала никого. Оправдывала поступки, и всё больше замыкалась в себе.

У подъезда остановился фургон. Парень в куртке с эмблемой транспортной компании начал выгружать сумки.

Девушка, видимо, не заметила мужчину из-за деревьев и сейчас стояла и смотрела на небо. Щурилась от солнечных лучей и улыбалась каким-то своим мыслям. Павел не без удивления хмыкнул, не выглядела она расстроенной.

Почувствовав его взгляд, Аня обернулась

— Привет, — мягкая улыбка так и лежала на губах. Покрасневшие глаза намекали на бессонную ночь. Она опустила переноску с котом на дорожную сумку и, сделав шаг навстречу, прижалась к Паше.

— Ну, привет, Малая.

— Мы расстались, — выдохнула она. Мужчина не мог не уловить облегчение в этом вздохе.

— Надолго ли? — посмотрел укоризненно, но по-доброму.

Было уже так и не раз. Приезжала с чемоданом, объявляла о расставании. И тосковала. Не плакала, но отказывалась от еды, и мало разговаривала, и почти всё свободное время спала.

Проходило немного времени и непутевый, так Павел называл Глеба, начинал проявлять активность. Постоянно названивал, посылал курьера с цветами, караулил у дома.

Павел порывался надрать зад незадачливому кавалеру, да Лера всегда останавливала.

И всё же Аня сдавалась, верила ему, наивная. И возвращалась.

— Он опять фестивалит?

Девушка отрицательно мотнула головой и как-то странно улыбнулась, смущенно что ли.

Подняли вещи в квартиру, стараясь сильно не шуметь. Пока Аня была в душе, мужчина проверил дочку. В выходные Алиса ночевала у него и сейчас спала, обнимая ушастого зайца. Укрыв малышку, он погладил русую макушку и вышел из комнаты.

На кухне заварил свежий чай и разлил его по чашкам. Почти сразу пришла Аня, кутаясь в огромный кигуруми.

— Я думала, его давно выбросили, — улыбнулась девушка, поглаживая плюшевые бока неведомой зверушки.

— Нет, твои вещи все на месте, — Паша невольно вспомнил те времена, когда девушка ещё училась в колледже и иногда ночевала у них.

Аня присела за стол и приняла чашку с ароматным дымящимся напитком.

— Спасибо, — подняла взгляд на старшего брата.

Сколько он помнил, сестрёнка всегда была замкнутой и как не от мира сего. В облаках летала, мало с кем общалась, но всегда и всем улыбалась и стремилась помогать, а как заболела мать, огонёк в глазах девчушки потух. С тех пор такая и оставалась: поджатые губы, грустные глаза, залом между бровей.

После пар в больницу бежала, всё свободное время старалась быть рядом. Близкие старались подбадривать, хоть как-то поднимать настроение, но всё бесполезно. Аня таяла на глазах. От пухлого хомячка осталась худенькая девочка с кругами вокруг глаз.

Паша не мог спокойно вспоминать произошедшее. Страшно было за девчущку, когда Светлана умерла. По себе знал, как это потерять родителей. Смерть будто уносит частичку души, оставляя раны медленно заживать.

— Расскажешь, что случилось? — отгоняя тоскливые мысли, спросил Паша. Болючие раны, но нужно жить дальше.

— Даже не знаю, с чего начать, — она смущенно опустила голову, разглядывая содержимое кружки.

При хорошем свете мужчина мог нормально разглядеть её лицо. Носик чуть припух, под обильным слоем пудры наливался свежий синяк.

— Ай, что ты делаешь?!

От неожиданности она дёрнулась и едва не упала со стула, когда он взял её лицо в руки, заставляя посмотреть на него.

— Этот урод избил тебя? — суровый тон отдавал металлом. Лицо мужчины покрылось пунцовыми пятнами. Аня сжалась и пыталась отвести взгляд. — Только не ври, что упала!

— Не избивал, всего лишь ударил, — тихо ответила, добавляя ещё тише. — Я сама виновата.

Павел держался, чтобы не вспылить и не начать кричать. «Сама виновата, что ещё за бред!»

— Чтобы я такой херни не слышал больше! — рявкнул он, стараясь не повышать голоса. — Какого хрена он вообще себе это позволяет?

Оторопел он от такого заявления. Прощала измены, но не хватало ещё, чтобы побои терпеть стала. С Глебом стоит поговорить, как следует. Мужчина хрустнул пальцами при мысли об этом.

— Давай не будем об этом?

Говорила неуверенно, можно сказать просила. И Павел не хотел давить на сестрёнку, хоть и чувствовал, что кипит уже. Понимал, что мыслит двойными стандартами, но чтобы руку поднять на того, кто слабее... Такого себе не позволял и не понимал.

— Что, не отстанешь, пока всё не расскажу?

— Сама, как думаешь? — смягчившись, ответил Паша, взяв чашку чая в руки. Запах травяного напитка успокаивал.

У мужчины складывалось впечатление, что вся ситуация девушку не особо беспокоит. Она была усталой, но не расстроенной. Не зная обстоятельств можно было подумать, что просто была на смене или не спала всю ночь из-за домашки.

— Это сложно, — девушка вплела пальцы в волосы и погрузилась в раздумья. И чем больше в них погружалась, тем ярче разгорался таинственный огонек в серо-голубых глазах. — Паш, я, возможно, скажу глупость.

Опустила глаза, а щёки налились легким румянцем от смущения.

— Я, кажется, влюбилась, — щёки вспыхнули ещё ярче. Девушка поспешно прижала к ним ладошки. — Не понимаю, запуталась. С Глебом только рассталась, а тут уже другой. Не хорошо это как-то.

Павел молчал, смотря на растерянную и смущенную сестру. Она ему доверяла, но особо личным всё же делилась с Олегом или Лерой. Может, стеснялась его или не хотела

беспокоить. Она вообще всегда боялась побеспокоить, кого бы то ни было. Долго они приучали её делиться с ними переживаниями, не держать в себе тяжелые мысли.

— Не понимаю, — брови ползли вверх от удивления. — Влюбилась, в кого? И когда успела?

— Помнишь те герберы, ты ещё подумал, что за Лерой кто-то приударил? — она смущенно прикусила губу и хихикнула.

Паша кивнул. Помнил, конечно, уже выяснять начал, кто осмелился. Хотел шею намылить этому поклоннику.

— После этого мы начали общаться. Всё как-то закрутилось.

Мужчина едва успел поймать челюсть. Сестричка-то тихушница, завела себе парня на стороне.

— Нет, ты не думай плохого! — заметив его удивление, девушка начала оправдываться. — Мы действительно общались, как друзья. Но... он заставил меня задуматься о себе и о Глебе, и о многом вообще, а вчера кое-что произошло, и я поняла, что... не знаю, что у меня к Косте, но к Глебу любви больше не осталось. Если она вообще была.

Мужчина воздержался от комментариев. Аня, может, и была импульсивной, но всё же в этом он был согласен. Давно нужно было гнать непутевого поганой метлой.

— А кто он? — мужчина заулыбался, любопытно было, когда она, вечно занятая, умудрилась с ним познакомиться. — Однотруппник? Пациент? Коллега?

— Просто парень, — пожала плечами, пока не хотела рассказывать, при каких условиях они познакомились. — И он не мажор. Правда, есть один момент, он младше.

— Заметь, я об этом и не говорил! — он начал оправдываться, улыбаясь. Хотя это предположение возникло в голове. — Ну, простой парень — это не плохо же. Ну, а что младше...

— Считаешь, я с ума сошла?

— Нет же, ну просто мужчина должен быть старше. Моё мнение, ты, конечно же, решай сама.

— Ага.

— Спать хочешь? — спросил он, заполняя неуютную тишину.

— Есть немного, — словно подтверждая это, девушка зевнула.

Мужчина отправил сестру в одну из спален. Укутал в одеяло, как ребенка. Впрочем, именно им она для него и была. Девочка с добрыми глазами и открытой душой.

Он собирался выйти из комнаты, когда девушка окликнула его, приподнявшись на локте.

— Паша, как думаешь, я правильно поступила? — спросила немного растерянно. В один день человек не может стать уверенным в себе на все сто, и Аня нуждалась в одобрении.

— Ты о чём сейчас? — Паша присел рядом, взъерошивая волосы. — Если про Глеба, так с ним давно стоило порвать.

По выжидающему взгляду, Павел понял, что это не всё, что от него хотят услышать.

— Ну, а парень этот... поживём — увидим.

Лицо девушки озарила счастливая улыбка.

— Хоть познакомь что ли, — улыбалась она заразительно, будто освещала пространство вокруг себя. Уголки губ мужчины невольно поползли вверх.

— Поживём — увидим, — в тон ему ответила Аня, кутаясь в мягкое одеяло.

Комментарий к Часть 3. Держи меня крепче. Глава 15

Воу, чуть не забыла. Тут к роману бук сделали, ссылка в шапке работы□

===== Глава 16 =====

Три дня уже прошло. Три тягучих, однообразных дня. Она не звонила, не писала, не отвечала на сообщения, а потом и вовсе заблокировала его везде, где только можно. Упрямая.

Даже на оскорбления не отреагировала, не возмутилась, не попыталась оправдаться. У мужчины было чувство, что от него избавились и спокойно вздохнули. Так она легко с ним расставалась, словно вообще было всё равно и ничего не болело. Говорила спокойно, вещи собирала без показательного хлопанья дверьми. Подарки вернула и слова против не сказала.

Глеб был удивлен и взбешен от такого поведения. Выводила из себя эта её смиренная молчаливость. Глазки в пол, вся такая из себя жертва тирана.

Мужчина зашипел. Переломил зубочистку и занозил себе палец, небольшая боль вернула к реальности.

Игорь Владимирович стоял у окна, провожая взглядом пушистые белые облака, на которые так любила смотреть Аня. «Как сахарная вата», — говорила девушка и мечтательно улыбалась.

— Что же у тебя такого случилось, что ты четвертый день на работу не выходишь? — голос отца был спокойным, даже холодным.

Мужчина всегда был таким, думалось, ничто не способно расстроить его или вывести из себя. Глеб всегда восхищался им, стремился быть на него похожим, но выходило с огромной натяжкой. Мать холила и лелеяла своего единственного сына и переусердствовала с этим. Глеб вроде и старался: работал, помогал отцу всегда и во всём, но вскоре это надоедало, и жажда праздного образа жизни брала верх.

Он потянулся было к выпивке. Полупустая бутылка виски стояла на столе. Глеб все эти дни только и делал, что пил и смотрел в стену. Пьянеть почему-то не выходило, но ощущение пустоты глушилось. Его утопить на дне стакана получалось, хоть и ненадолго.

Игорь Владимирович молча, отодвинул бутылку и присел рядом с сыном.

— Ну, чего молчишь? — Вроде и говорил он спокойно, даже доверительно, но Глеб не мог расслабиться в его присутствии. стыдно было. Отец доверял ему и когда-то взял на работу. Без собеседования, без резюме, сразу после университета, а он повел себя, как ребенок и сорвал важный контракт. — Поделись с отцом печалью.

Перед мамой Глебу было проще открыться. Хотелось поговорить, но он так ушел в себя, что только сейчас это понял. Она всегда поддержала бы, успокоила и заверила, что сын ни в чём не виноват. И он бы успокоился, брать ответственность всегда было сложно.

— И Анечка где, на работе? — спросил ничего не подозревающий Игорь Владимирович.

«Анечка» — Глеб скрипнул зубами, но не подал вида, что раздражен. Отец всегда был ласков с ней, добр, и всегда принимал её сторону. Глеба это нервировало, сейчас особенно. Будто это Аня его ребенок, а не он.

— Бросила она меня, тварь, — прошипел сквозь зубы, ловя удивленный взгляд отца. — Нашла какого-то хмыря, манатки собрала и свалила.

— Вот как, сплетни кто наплёл? — нахмурился мужчина, потирая подбородок.

— Да какие сплетни?! — взвился Глеб, всплескивая руками. Даже сейчас отец больше

верил ей, и от этого становилось по-детски обидно. — Сам видел, как она из машины выходила! Скалилась кому-то, а потом ещё и врала, что у этой своей подружки была!

— Тон сбавь! — едва повысив голос, мужчина одернул сына. Не любил истерик, тем более от мужчин. Даже для своего отпрыска исключения делать не собирался. — Не думал, что это могло быть такси? Ну, улыбалась, она же всем улыбается — вежливая девушка.

— Мне говорили, и ей врать не зачем, — коротко бросил Глеб, хотя всё же в словах Марины сомневался.

— Ей? А ты кому больше веришь, Ане или своим шалавам? — мужчина был непреклонен. Хотя и сын ему всё это говорил, но даже на секунду не возникло сомнений. Да и знал он, что если приспичит, Глеб может и приукрасить действительность, приврать для своей выгоды.

— Я уже не знаю, кому верить.

— Что бросила, плохо, конечно. Кто ещё тебя с твоим-то характером терпеть станет, — хмыкнул отец, без издёвки, с ноткой сочувствия, но порыв обнять сына всё же сдержал. Не привык выражать свои чувства так открыто. — Но ведь не в первый раз, может, ещё помириться.

— В этот раз всё серьезно, — поджал губы. — Вещи все забрала, кольцо вернула.

— Вот как.

— На звонки не отвечает.

Голос Глеба, то, как он слегка раскачивался, обхватив себя руками, очень напомнило его же в детстве. Обида, почти истерика.

— А ты сидишь тут и нюни развесил? — Игорь Владимирович снова встал, прошелся по комнате и остановился напротив Глеба. — Ноешь, жалеешь себя и думаешь, она сама ещё прибежит?

Сын посмотрел на отца и сжался. Тяжелый взгляд, который он узнавал сразу — этакое праведное осуждение. За этим взглядом и этим тоном раньше следовало лишение игрушек и развлечений. Когда подросток — телефона, кредитных карт или даже ключей от машины.

Сейчас, когда был самостоятельным, лишить его чего-то отец не мог, но проще от этого не становилось.

— Глеб, ты сам виноват во всём, — спокойным, поучительным тоном продолжил Игорь. — Сколько веревочка не вейся. Нечего было таскаться по своим блядам.

От отцовского взгляда хотелось закрыться. Зажать уши, зажмурить глаза, втянуть голову в плечи. Под этим взглядом, Глеб начинал испытывать стыд, и чувство это ему не нравилось.

Игорь Владимирович всегда приходил сыну на выручку, доставал из всех передраг. И всё же старался научить уму-разуму и не снимал ответственности, не оправдывал. Наказывал словом, никогда руку не поднимал, хотя иногда думал — стоит.

И сам осознавал, что виноват сейчас, но не хотел принимать это. Считал, что его поступки не снимали с девушки ответственности за подобное поведение.

— Пап, что мне делать? — Глеб нервно теребил ворот футболки, не поднимая глаз на родителя.

Уже пробил номер автомобиля, и теперь теплилась слабая надежда, что Аня не врала, и это действительно попутка.

— Иди и вымаливай прощение, — Игорь Владимирович смотрел на сына, как на маленького ребенка, не понимающего очевидных вещей.

— Я? Она дома не ночевала! — едва не закричал он. — Она! А мне прощения просить?!

— Ты на её терпение молиться должен! — Глеб невольно вздрогнул, так грубо рывкнул на него отец. Сверлил тяжелым взглядом, нависая над ним. — Вспомни и подумай, сколько девочка потратила нервов, пока ты таскался! Сколько слёз выплакала из-за тебя!

Глеб подскочил с дивана, вскрикивая, пытаясь достучаться до отца.

— У меня были потребности! Я ей объяснял, что там всё не всерьёз. Секс — не больше! — начал оправдываться он.

— Что ты говоришь! — грубо оборвал его отец. — А представь, если у неё потребности тоже, как тебе? Что, если Аня так же скажет тебе?

Глеб съёжился, ком встал поперек горла. Обидно было, что родной отец не хочет его поддержать.

— Я мужик! Не сравнивай.

— Ну конечно, мужик! И что теперь, тебе можно баб трахать, а ей, значит, тебя сидеть и ждать у окошка? — Игорь развел руками, ожидая ответа.

Сын молчал, смотря с вызовом. «Так ничего и не понял», — с грустью подумал он, глядя на Глеба.

— Я тебя не таким воспитал, сын. Бросит она тебя, и правильно сделает.

С этими словами мужчина покинул квартиру сына. Глеб вздрогнул, когда дверь за отцом захлопнулась. Пусто так стало. Совсем один, без Ани, без довольно урчащего мешка с блохами. Даже по коту Глеб умудрился соскучиться.

Нет, эта девушка должна быть его и только его. Он её выбрал, и уже однажды добился, а значит, вернет и теперь.

В одном он всё же был с отцом согласен — нужно действовать. Аня добрая и очень жалостливая, если подобрать правильные слова, придумать что-то из ряда вон, она может смягчиться. Для начала стоит поговорить.

Древний лифт откровенно пованивал и был грязным, Глеба передернуло, когда нажимал кнопку нужного этажа.

— Вот это да, на ловца и зверь бежит.

Глеб резко поднял голову, отрываясь от рассматривания обшарпанного пола. Сперва и не понял, к кому обращаются, пока не столкнулся с мрачным взглядом.

Двери лифта разошлись, столкнув их нос к носу, будто сама судьба решила пошутить.

— Здравствуй, Паша, — мужчина попытался улыбнуться и выглядеть дружелюбным. Павел молчал, смотрел с нескрываемым презрением, а глаза наливались злостью. Глеб почувствовал себя тореадором, так жутко смотрел на него мужчина, что в голову само шло сравнение с расвирепевшим быком. — Я к Ане, она ведь у тебя?

Паша словно не видел Глеба, стоял, перегородив дорогу.

— Дай пройти! — тот не выдержал и, толкнув плечом, вышел на лестничную площадку.

— Опять в уши ссать приперся? — голос, как клочотание грома, Глеб замер и медленно обернулся. Лицо Павла покрывалось красными пятнами плохо скрываемой злости. — Лучше уйди, не хер тут тебе делать. Аня только успокоилась, хватит уже ей нервы мотать.

— Нервы! — Глеб сорвался на крик, от эмоций голос подлетел выше, чем обычно. — Твоя дорогая сестричка провела ночь с каким-то уродом, а утром приехала с ним прямо к дому! Тут ещё вопрос кто и кому нервы мотает!

— И ты решил, что можешь её избить?! — Паша одним рывком преодолел расстояние от лифта до квартиры, хватая незваного гостя за грудки. Ноздри раздувались, глаза метали

молнии.

Внутри Глеба всё сжалось, жутковато становилось от громового голоса и взгляда. Внешне этого он не показывал, держался нагло и настойчиво, и всё же в груди заскреблись совесть и досада одновременно. «Пожаловалась всё-таки», — подумал он раздосадовано. Девушка и так пренебрегала его просьбой не выносить сор из избы, жаловалась подружке на него, и тут опять не сдержалась.

— Руки убери! — он оттолкнул Пашу. Слабо, но тот его всё же отпустил.

Только Глеб развернулся, чтобы постучать в квартиру, как мужчина одернул его за шиворот, разворачивая и впечатывая кулак в лицо. Сделал это намеренно вполсилы, только чтобы напугать. На шум выскочили соседи, а следом и Аня.

— Паша! Паша, перестань, не бей его! — закричала девушка, когда мужчина занес кулак для нового удара.

— И ты его ещё и защищаешь? После всего! — прикрикнул он на сестру. Аня вжала голову в плечи, вынуждая сбавить тон и отпустить непутевого.

— Я за тобой приехал! — поднявшись с пыльного пола, Глеб отряхнулся и пригладил волосы.

Аня прервала молчаливый порыв брата броситься в драку снова и перевела взгляд на блондина. Ничего прежнего он в нём не увидел: ни грусти, ни боли, ни тоски, только равнодушие. Холодное абсолютное ничто. Сердце замерло, чтобы пронзить болью всё тело при следующем ударе.

— Уходи, — коротко ответила она. Одно слово, в груди расходилась противная ноющая боль.

— Да выслушай ты меня уже! — крикнул Глеб, порывисто хватая её за руку, пресекая попытку вернуться в квартиру. — Нам нужно поговорить, прости! Прости меня, я мудака! Прости!

Мужчина часто заморгал, в носу неприятно щекотало. Перед глазами поплыло от подступивших слез, но он держался. «Это всё — конец», — осознание этого обрушилось водопадом, затапливая до краев, не давая возможности нормально дышать.

— Я прощаю, — выдохнула девушка. Она была слишком занята своими мыслями, чтобы заметить удивленный взгляд брата, обращенный к ней. Паша в какой-то момент испугался, что женское сердце дрогнет и простит, как и все предыдущие разы. — Прощаю, Глеб. А теперь... Уходи. Мы уже обо всём поговорили.

— Нет! — Глеб обессилено опустился на колени, прямо на грязный пол и обхватил руками талию девушки. Прижался к теплему животу. Слезы разъедали глаза, комок в горле душил. Нечто будто рвало внутренности на части, завывая жуткую мелодию потери и боли. — Аня, идем со мной! Я клянусь тебе, больше никогда не посмею обидеть тебя. Никогда! Всегда рядом буду, всё будет хорошо!

Девушка всё это уже слышала, не раз и не два. Да, не с такими эмоциями, но Глеб уже всё это обещал, но слова так и не стали поступками. Она смотрела на него равнодушно, отчасти даже утомленно. И этот взгляд был красноречивее любых слов.

— Прошу тебя! Я понимаю, что уже не раз обманывал, но я всё понял. Я знаю, тебе трудно поверить мне после всего. Тебе трудно простить меня, но я готов ждать. Прошу тебя дай мне последний шанс, — Глеб жалобно всхлипнул, теснее прижимаясь к девушке. — Прошу тебя!

— Встань, — твёрдо выговорила она, хоть губы и дрожали. Маленькие руки аккуратно,

но неожиданно твердо отстранили его. Мужчина смотрел ей в глаза. Пытался разглядеть хоть какие-то чувства. И если видел, то только жалость. — Ничего не будет, и ты это знаешь. Ни лучше и ни хуже. Вообще никак, а теперь уходи.

Глеб остался совсем один. Девушка зашла в квартиру и захлопнула дверь, отсекая последнюю надежду.

«Всё просрал», — завывало гадкое внутри. Прекрасно осознавал, что и ей было когда-то больно так же, но всё же едва не кричал. Как могла она так с ним поступить, не понимал мужчина. Он ведь всегда любил только её. Всегда возвращался к ней. Готов был сердце своё отдать, а она искромсала его ножом равнодушия и выбросила на пол этого грязного пыльного подъезда.

Мужчина не поехал ни домой, ни в клуб. Понял, что так просто девушка не вернется, значит, стоит узнать соперника и вывести его из игры.

Обида раздирала и жгла калёным железом, но ещё больше расходилась злость. Кто он вообще такой, откуда взялся? После звонка по поводу камер с подъезда, все надежды на случайность растаяли.

Редко, но именно, когда его не было дома, Аня куда-то сбегала поздно вечером, а возвращалась только под утро. Водитель предусмотрительно останавливался с торца дома, там, куда видеонаблюдение не доставало, но пару раз всё же попался. Может, бдительность потерял, а может, и вообще не знал про камеры. Номера машины совпадали, ошибки быть не могло.

— Вы достигли назначенной цели, — подал голос навигатор, когда машина поравнялась с небольшим, но заметным издалека автосервисом.

Мужчина припарковался и вытянул из бардачка бутылку виски. Сделал пару глотков для решительности. Немного был растерян, что с ним делать? Говорить или сразу бить морду? Он в такие ситуации не попадал. Как правило, девушки выбирали его, и иметь дел с конкурентами не приходилось.

Набрав побольше воздуха, мужчина дёрнул входную дверь и вошёл в тёплое просторное помещение.

— Мы уже закрыты, — на хлопок двери отозвался низкий мужской голос. Самого источника нигде видно не было.

Глеб старался не дышать часто. Запах бензина и масла забивался в нос, и казалось, что он навсегда останется вонять этим всем. Взгляд наткнулся на искомую Приору, под капотом которой кто-то возился. Глаза мужчины блеснули, по крайней мере, тот, кто ему нужен, точно на месте.

— Я ищу Костю Мурзина, это же его машина? — он хотел позвать требовательно, что бы парень тут же материализовался напротив него, но голос в последний момент дрогнул.

— Ну, я это, — из-за Лады высунулся некто. Лицо человека медленно вытянулось как от удивления. Он обтёр руки тряпкой и заложил их в карманы.

— Вот ты какой, ну здравствуй, — хмыкнул Глеб, сканируя соперника оценивающим взглядом.

Смотрел и недоумевал. Перед ним стоял совершенно на его взгляд заурядный парень. Синий вымазанный в масле комбинезон поверх чуть менее грязной футболки. Бейсболка козырьком назад. В губах зажата наполовину скуренная сигарета. Жилистые руки в масле по локоть. Долговязый брюнет, молодой совсем, больше двадцати Глеб ему бы не дал. Если это

тот самый, то что, черт возьми, происходит? Что Аня в нём вообще нашла?

— Скажи-ка, а тебя что не учили, что чужие вещи трогать нельзя? А то можно и без рук остаться.

— Аня не вещь — это, во-первых, — плохо скрываемая агрессия во взгляде сменилась на откровенную усмешку. Костя сжал губы, а потом вынул изо рта сигарету и выпустил густое облако дыма. — А во-вторых, ты меня сейчас чего, напугать пытаешься?

Глеба такое поведение обескураживало. С ним всё и всегда были на вы, всегда относились уважительно, а порой даже лебезили. А этот сопляк вообще не видел никаких рамок, никаких формальных приличий.

— Встречный вопрос, а тебя не учили, что близких нельзя обижать? Что их нужно ценить и уважать?

— Ты давай ещё меня поучи! — Глебу удалось удержать голос от резких скачков. — Что решил через неё руки к моим деньгам протянуть? Если так, просто назови сумму. Я уже согласен, только бы ты исчез из нашей жизни.

Сказано было не к месту, но Костю это задело, хоть вида он и не подал.

— Вы, мажики, вообще уже совесть потеряли, — парень буркнул и добавил уже громче. — Думаешь, если бабки есть, всё теперь можно? А мысль в голову не приходила, что не все покупаются?

Кулаки парня сжались. Злость проступила желваками и недобрыми искрами в черных глазах. Глеб силился понять, что же есть в этом длинном худощавом сопляке, чего нет в нём самом. И вроде все сравнения шли в пользу себя, но всё же. Было что-то в этом парне, что заставляло мужчину напрягаться.

— Bravo! Красивые слова, жаль Оскара с собой не захватил. — Гаденько ухмыляясь, Глеб похлопал в ладоши. — Запомни раз и навсегда — деньги правят миром. Всё покупается, вопрос только в цене. И мой тебе добрый совет — найди девчонку попроще.

Парень выглядел взвинченным, Глеб видел это и продолжал измываться.

— Она тебе не по зубам. Что ты можешь ей дать? Даже десятой доли не осилишь из того, что могу я. Аня уже привыкла к такой жизни. Подумаешь, заскучала. Думаю, ты согласишься, что этой куколке можно простить такую шалость.

— Аня не такая, — сквозь зубы прошипел молодой человек. Всё его расслабленное спокойствие куда-то делось. Как сжатая пружина, одно движение и отскочит так в лоб, что мало не покажется.

— Такая. Все они такие. «Рыба ищет, где глубже», — он говорил уже как-то доверительно, словно бы даже успокаивал. — Ты ещё не понял, но бабы они как кошки. Гуляют везде и со всеми, но домой к хозяину всегда возвращаются.

— Если ты так в этом уверен, то на кой вообще мне это всё сейчас рассказываешь? — удар по мужской самооценке был сильным и болезненным, но парнишка не собирался сдаваться вот так просто. Глеба же этот вопрос поставил в тупик. Он его попросту не ожидал, не продумал, как на него ответить.

— Я тебя по-хорошему прошу, оставь её. Разорви всё сейчас, потом больнее будет.

С этими словами мужчина развернулся и вышел из помещения автосервиса. Он удовлетворенно улыбался. Да парень оказался бойким, но зерна сомнения и неуверенности в его душе все же были посеяны. Глеб настраивал себя немного подождать. Он был уверен, совсем скоро Аня вернется сама. Нужно только, как-то красиво и неожиданно напомнить о себе.

Ему было совсем немного стыдно. Он выставил девушку алчной и циничной, распущенной и беспринципной дрянью, которой не знакомы такие понятия, как верность и порядочность. Но он успокаивал себя тем, что содержания этого разговора девушка не узнает никогда. Да и в любви, как на войне. Все средства хороши.

===== Глава 17 =====

— Всё, работай, — тренер похлопал по груше, оставляя нас наедине.

Я будто этого только и ждал. Воткнул наушники и принялся отрабатывать удары, с каждым распаляясь всё сильнее и сильнее.

Столько накопилось всего, нервы требовали разрядки, и тренировка пришлась кстати.

Сука! Сколько же может быть в человеке дерьма! Сам всё похерил, сам. И приперся же весь такой из себя павлин! Пафосный, смотрел на меня будто оценивал. Я не брезгливый, но после такого взгляда хотелось помыться.

Стоял, рассуждал, жизни учить пытался.

От злости вколачиваю в грушу удар за ударом. Из-за колотящегося сердца музыки толком не различаю.

«Все они такие».

Зубы сжимаются до скрипа от одного только воспоминания. Как можно вот так просто поливать грязью человека, с которым когда-то были вместе? В голове не укладывается, но закипаю от того, что этому мудаку удалось-таки поселить в душе сомнения.

Да, черт побери, я обычный. Нет у меня ни отца богатого, ни тачки крутой, но разве для неё это важнее, чем сам человек? Важнее, чем чувства?

Решил, что знает девушку лучше меня. Как облупленную.

Ни!

Хрена!

Не знает он её вообще ни капли!

Погуляет и вернётся, не может такого быть! Не такая она, не может быть такой.

Он так обыденно говорил об этом, словно такое уже случилось. Словно она уже была так с кем-то, как со мной.

Не видя ничего от злости, бью по груше ногой с разворота, в попытке выплеснуть гадкое ощущение. Так зарождается недоверие, а я не хочу не доверять ей.

— Воу, воу! Что она тебе сделала такого? — Макс отскакивает от летящего в его сторону снаряда.

— Да, на хер! — я выдергиваю наушники и сбрасываю перчатки на маты.

— Кость, случилось чего? — хмурится брат, наблюдая за происходящим. — Ты чего-то совсем в себе, даже меня не заметил.

И он чертовски прав, нельзя быть таким невнимательным. Подошел почти вплотную, а я увидел его только в последний момент.

— Забей, просто задумался!

Пытаюсь отдышаться и взять себя в руки. Воздух, мне нужно на воздух. Грудь сдавливает, легкие будто огнём гореть начинают. Я бросаюсь на улицу. Слишком много всего навалилось и явление мажора не единственное, что выбило из колеи.

— Ты в последнюю неделю слишком часто так задумываешься! — бросает мне в след Макс.

Плюхаюсь на лавку, откидываясь назад, чтобы дышалось легче. Держусь недолго. Глядя на трясущиеся руки, сую в рот сигарету.

— Поговорим? — он садится рядом и протягивает мне бутылку воды. Я отмахиваюсь. — Развеешься бы тебе. Погнали в бар?

На мой непонимающий взгляд добавляет:

— Выпьем, девочек снимем. Чего смотришь, сколько у тебя уже бабы не было-то? Вот мозги и набекрень.

Ага, если бы только в этом было дело.

— Для Кати место на кладбище решили выкупить и крест поставить, — как на духу выдаю я. И будто бы легчает, словно невысказанное и сжимало грудную клетку.

— Вот те здрасти, — даже Макс теряется. — Погоди, пяти лет не прошло. Её не могут признать умершей. По закону во всяком случае.

Я бросаю на него взгляд. Жалею о сказанном, только моё это всё, и допускать посторонних, кажется неправильным.

— Я тоже самое сказал, но меня и слушать не стали.

— Кость, они родители всё-таки и это правильно, что хотят жить дальше. Их тоже можно понять, сколько можно изводить себя?

Я сплёвываю и прикуриваю новую сигарету, затягиваюсь глубже, полностью заполняя легкие дымом.

— И ты вроде как тоже решил отпустить всё это. Девушка вон даже появилась.

Макс не пытается укорить меня, но звучит именно так. Ещё какое-то время назад мне казалось, что позволить себе радоваться будет кощунством по отношению к Катерине. Но время прошло, и вроде смог убедить себя в обратном. Казалось бы, полегчало. Примирился, решил жить дальше, даже захотел этого, а тут, будто старую рану расковыряли. Да и мудак этот ещё...

— Кот, только не начинай опять корить себя. Уж кто-кто, а ты всё, что мог, сделал.

Выбрасываю окурочек и растираю лицо ладонями. Взъерошиваю волосы и поднимаю взгляд на брата.

Макс напряжен, но не решается сказать что-то ещё и просто ждёт.

— Что кстати с ней, как? Раньше-то постоянно переписывались.

— Она просила взять паузу.

— И ты раскис из-за этого? — он облегченно усмехается.

— Мудак этот ко мне приходил, — ловлю непонимающий взгляд Макса и спешу разъяснить. — Глеб этот её, прикинь, прям в автосервис заявился.

— Нахрена?

— Да я сам так и не понял. Пургу гнал на тему — все бабы одинаковые. Хотел, чтобы я от Ани отстал. Утверждал, что она всё равно меня кинет скоро.

— Ты ему по роже не дал?

— Хотел, если честно. Но этот ведь то ещё дерьмо, приползет потом к ней и будет в уши лить, смотри, мол, какой он псих.

— Этот может, хитрожопый гад, — соглашаясь, Максим кивает. — А с чего она вдруг паузу взяла, после такого-то в машине? И вообще, я видел, ты к ней ночью ушел. Как оно, в этот раз никто не помешал?

— Макс, — вижу по глазам, что ждёт подробностей, ухмыляется с любопытством. И будь со мной тогда другая, я бы как-то может и прокомментировал.

— Понял, понял. Личное и всё такое, — хмыкает он и больше тему не развивает.

Макс, Макс... ах, если бы не он.

Своим появлением он умудрился разрушить и без того хрупкую атмосферу доверия. Ощущения близости не только тел, а будто обнажения душ. Момент настолько хрупкий и интимный, гораздо сложнее, чем просто секс.

Ничего подобного со мной не было никогда. Эгоистичное желание получить удовлетворение куда-то испарилось, от одного только её взгляда мне было хорошо. Меня распирало от чувств, желания обнимать, любить её, дарить ей ласку, до сладкой дрожи хотелось, чтобы стонала от удовольствия. Со мной, моя любимая сладкая девочка.

Ночью я-таки набрался смелости и пришел. Забрался под одеяло, подспудно боясь, что она проснётся и погонит в шею. Не знаю, спала ли, но в ответ на мои объятия так же спокойно посапывала.

Я же робко, но тесно обнимал её, словно в последний раз. Хотел надышаться ею, уткнувшись в волосы, пахнущие весной и сладкими цветами.

Злила ситуация и моя реакция на неё. Внутри бурлило от растущего бешенства. Ведь сам же всё знал с самого начала, теперь было даже стыдно.

В горле стоял ком, который ни проглотить, ни запить, ни заглушить никотином не удавалось. Он словно бы даже рос от этого, набухая болючим нарывом.

Грудь сдавливало от одной мысли, что утром её придётся отпустить, снова.

Она никогда и ничего мне не обещала, но легче от этого не становилось. Ревность сдавливала на шее свои ледяные ручонки, когда представлял, что девушка помашет мне рукой и опять уйдёт к другому.

— Да не загоняйся ты, ну не звонит и не звонит. Свет, что ли на ней клином сошелся? — он вроде дружественно хлопает меня по плечу, но это провокация. Хочет вывести на эмоции, не со зла, конечно, просто не хочет, чтобы всё держал в себе.

— Раньше мне так и было, — после всех своих расставаний, плевал и шел дальше. После недолгой паузы добавляю: — Но с ней всё иначе.

Девушка просила дать время, чтобы разобраться в себе. Мне пока удавалось терпеливо ждать.

Телефон молчал.

— А, что если она меня так отшила? Ну, типа слилась. Я буду звонить, а она трубку не возьмёт и всё, — выпалил я растерянно. — Да не, детский сад какой-то!

Макс меня слушал, вертя в руках зажигалку, и иногда многозначительно хмыкал.

— Да-а, влип ты, Ромео, — хмыкнул даже сочувственно. — А она что думает по этому поводу?

Я только и смог, что развести руками. Не из любопытства же она целовалась со мной.

Да, может поначалу и общалась от одиночества, но потом-то... Я же видел, как смотрела на меня. Чувствовал, как день ото дня становилась ко мне всё ближе.

Мне было настолько с ней комфортно и спокойно, что расставаться было всё сложнее. Совершенно новые чувства и эмоции. Открыл для себя жизнь, как первобытный человек, когда-то открыл огонь. И как он оказался прекрасен. Согревает, развеивает темноту, только бы совладать с ним и не спалить всё вокруг к черту.

— Всё вроде складывалось, но эта пауза... Да и мудозвон этот, а она... Такая добрая, самый настоящий ангел, — проговорил я очень мечтательно, что было мне крайне не свойственно.

— Вся эта ваша ваниль — это конечно, мило, но именно сейчас время всё обдумать, как следует и, если придётся бороться.

Макс убрал с лица волосы и о чём-то глубоко задумался. Столько эмоций на лице всегда холодном, я ещё никогда не видел. Губы кривились, как от боли и столько безысходности в глазах, какой-то детской растерянности.

— Я, сказать по правде, сперва подумал, что она с тобой просто от скуки. Поиграется и вернётся на пригретое местечко. Но я человек и тоже могу ошибаться. Видел, как вы смотрите друг на друга, — он нервно щелкнул зажигалкой: — Костян, дай сигу.

— Держи, но ты же не куришь, — я протянул пачку, смотря на него не без удивления.

Мы вроде были довольно близки, но я Максима совсем не знал.

Он вытянул сигарету и как-то неумело прикурил. Затянулся и медленно выпустил дым прежде, чем продолжить говорить.

— Она может, как ты говоришь, слить тебя, но скорее всего, сделает это только потому, что банально побоится перемен.

— В смысле?

— В коромысле. Сколько вы там знакомы нормально, месяца четыре?

— Ну да, с марта.

— Вот. Она тебя совсем не знает. Не знает того, какие у вас могут получиться отношения и всё такое. Неизвестность пугает, понимаешь?

И он был прав. Знает она меня мало, но уже успела увидеть и злым, и пьяным, и несдержанным.

— Уж если любишь эту девушку, то борись и не потеряй, — он выдохнул дым и устало прикрыл глаза. — Как я когда-то.

Он, наверное, почувствовал мой удивлённый взгляд. Ещё бы, видеть брата растерянным, что-то совсем нереальное.

— Чего смотришь? — не открывая глаз, спросил он. — Я тоже любил.

— Безответно?

— Ну почему же. Сложно это всё.

— Расскажешь?

— В другой раз, может быть, — он вяло отмахнулся. Говорить ему о произошедшем явно было больно, и я не стал настаивать. — Не об этом сейчас. Поговори с ней, позвони сам. Уверен, она, так же не решается набрать тебе.

===== Глава 18 =====

- Еще раз так сделаешь! – больше в шутку, чем из злости я прикрикнула на Стёпу. – Я, честное слово, тебе... ключицу сломаю!

Он опять это сделал, опять напугал меня. Я шла в соседний корпус, хотела до пересменки сдать инструменты в автоклавную и подышать свежим воздухом, пока было свободное время. Светло было, но когда кто-то заревел в кустах позади меня, я малость струсила.

- Не получится, ты же маленькая, – он гоготал довольно, видимо, мои испуганные глаза приводили его в дикий восторг.

- Ключица тонкая и хрупкая кость, утюгом тюкнуть и всё!

- Ты носишь с собой утюг?

- У меня есть кое-что покруче! – я показательно потрясла тяжелым биксом.

Инструменты в нём приглушенно забренчали.

- Верю, верю! – парень поднял руки в примирительном жесте и забрал мою ношу. – Ой, правда, тяжелый. Ну, прости меня. Ну, дурак.

- Кто бы сомневался! Что хотел с утра пораньше?

Стёпа смущенно опустил глаза. Мы пошли в сторону нужного корпуса.

- Поговорить, а то ты от меня прячешься как будто.

Если вначале так и было, то сейчас у меня просто не было времени о нём думать.

Сколько прошло – месяц-полтора от силы и как сильно поменялись вещи, меня волнующие. Я невольно улыбнулась этой мысли.

- Ты торопишься?

- Не особо.

- Я через час меняюсь, подождешь? – что уж из этого выйдет, не знаю, но поговорить нам нужно.

- Хорошо, Кнопка, - добродушно улыбнулся парень.

- Ну, ты, Максимова, даешь.

Ехидно бросила мне медсестра, когда я забирала вещи из гардеробной.

- В чем дело, Марин, какие-то проблемы? – непонимающе нахмурилась я.

- У меня никаких. А вот у тебя, – она лукаво вздернула бровь и смотрела так, будто мне было за что перед ней оправдываться. – Новая неделя - новый парень?

- А ты что, завидуешь? - всё так же не понимая, бросила я.

Мы не были подружками или приятельницами и оправдываться за что-то у меня желания не было. Однако выйдя на крыльцо, я поняла, о чём она говорила.

На лавке, держа в руках букет цветов, сидел Стёпа. Глазастая Марина, наверное, видела, что мы разговаривали с ним за час до этого.

Мы опять пришли в то же кафе, где сидели в нашу первую встречу. Народу в такое время было мало, и мы могли спокойно поговорить. Я была немного растеряна. Цветы, его ласковые улыбки и моё старое прозвище действовали странно. Поднимали из глубин воспоминания. Но если раньше от них было больно и тоскливо, то сейчас веяло ностальгией что ли.

- Спасибо за цветы, конечно, но не стоило.

- Стоило, Ань, – тихим голосом оборвал меня парень. – С самого начала стоило. Ещё тогда нужно было дарить тебе цветы.

Я улыбнулась, припоминая день нашего знакомства.

Он открыл дверь и сказал «О привет». Большой мягкий медвежонок с завораживающим взглядом, развязанными манерами и широкой улыбкой. Я потеряла голову от этого парня, едва учебу не забросила.

Мы впервые поцеловались в подъезде, когда он тайком от Лерки, выскочил покурить. И я уже решила, что у нас отношения. Какая же я была наивная.

- Перестань, – улыбка получилась натянутой. Мне не было трудно смотреть на него, просто не могла понять, к чему он ведёт, и это настораживало. – Нашел, что вспомнить.

- Я, кажется, и не забывал, – оперся подбородком на кулак и смотрел на меня своим долгим томным взглядом. И в сердце он никак не отзывался, к счастью. – Аня, ты стала ещё красивее.

- Ты тоже ничего.

Стёпа объективно похорошел. Возмужал, стал более дисциплинированным что ли, не считая момента с кустами. На мою реплику, он тихо засмеялся. Запоздало, я поняла, что примерно то же самое он сказал мне, после того как первый раз облапал всё в том же подъезде. Да уж, нихрена не романтическая первая любовь.

- Чур, щупать я тебя сейчас не буду, – смех сам собой вырвался. Мне стало удивительно легко от того, что я вспоминаю произошедшее тогда, и мне не хочется плакать от обиды, как раньше.

- А помнишь... - на щеках парня появился легкий румянец смущения. – У тебя в общаге...

Теперь и мои уши густо покраснели. По моему виду он понял, что и я помню.

Соседка уехала на выходные, и я тайком провела парня к себе. Так всё было неловко. Я смущалась, когда он раздевал меня. Так волновали его прикосновения и поцелуи. Боль, тяжесть его тела. Новые ощущения, пугающие и завораживающие. Действующие как наркотик, хочется ещё и ещё, и с каждым разом всё больше. Его затуманенный взгляд и стон. Наверняка за стенкой почуяли неладное и пожаловались.

Вахтерша начала стучаться, когда мы уже расслабленно лежали на моей узкой кровати. Красные, разгоряченные и взволнованные. Пришлось парню экстренно натягивать штаны и тикать в окно, повезло, что был второй этаж.

- Хочешь, тайну открою? – Стёпа смущенно сжал губы, вопросом возвращая меня в настоящее. Я кивнула. – Тогда был и мой первый раз тоже.

- Да ну, врешь же!

Не то чтобы я была удивлена. Сейчас, имея кое-какой опыт, я понимала, что действительно было всё очень неловко и впопыхах.

- Я... - он заговаривает и тут же осекается.

Мы вроде смеёмся, и нет уже того напряжения, что было в первую после расставания встречу, и всё же недосказанность чувствуется.

- Я много думал, а тут с сослуживцем встретился, выпили и выложил ему всё как на духу. Не то, чтоб мы прям в близких были, но бывают такие люди, которым можно легко довериться. Рассказал про нас... я ведь, я скучал по тебе очень.

- Ты же жениться собирался? – его откровение удивляет. Прекрасно помню, как Лера пару лет назад показывала его с девушкой на фото.

- Ага, но как видишь... Не веришь? Могу паспорт показать.

- Не надо. Знаешь, Стёп, я ведь тоже тосковала, когда мы расстались, долго меня не отпускало.

- Меня и не отпустило. Это звучит очень ванильно, но всё это время меня не отпускало ощущение, что что-то я потерял. Тебе знакомо такое, всё хорошо вроде, а внутри пустота какая-то? – я киваю, каждый проходил через что-то похожее. Парень, растерянно трет лицо и продолжает. – Думал, думал, пытался разобраться в себе. Потом понял, что постоянно Лерку о тебе спрашиваю, в вк тебя нашел.

- А чего в друзья не добавил?

- А ты бы приняла? – в голосе звучит едва заметная горечь. Я жму плечами, понимая, что его заявка висит уже месяц. – Вот, да и стыдно было. Вспоминаю наш последний разговор, и в пот бросает.

Я хранила воспоминания об этом всё это время. Не позволяла себе забывать и прокручивала в голове, когда хоть на секунду задумывалась о парне в положительном ключе.

“Я беременна”, столько времени готовилась тогда, подбирала слова, репетировала речь, а в итоге смогла сказать только это. Слова давались с трудом, но в ещё больший ступор я впала, когда с лица парня начала сползать улыбка, искажая красивые черты до неузнаваемости.

На удивление он не спрашивал, как так получилось, и не задавал иных дурацких вопросов, просто стоял неестественно прямо, как кол проглотив.

- И... что ты собираешься делать? – выдавил он.

- Я? Стёп, ты меня не слышишь что ли? У нас будет ребенок!

- Ребенок?! – он вспыхнул как-то слишком внезапно. – Какой нам сейчас ребенок?!

- Ты что, меня не любишь? – в носу неприятно щипало, а перед глазами начинало плыть.

- Что? Да причем тут это?! Ты сама себя слышишь?! Ты понимаешь, что говоришь?! Что ты хочешь на меня повесить?!

- Повесить? – глаза разъедало, но слез не было. Только пустота. Внезапно стало как-то пусто, только сердце, сжатое невидимым стальным обручем, вдруг резко заболело.

- Рано нам с тобой, - сказал он уже тише и совсем-совсем сухо, опуская взгляд в землю, - понимаешь?

Он вроде и спрашивал, но вопросом это не было. Парень говорил это твердо, как окончательно принятое решение.

- И вообще... я не хотел... не думал, что всё так получится... Ань, ты пойми, у меня же учеба... У меня карьера впереди... ты же не хочешь, чтобы я все свои планы на жизнь закопал? Ну, какой нам сейчас ребенок?

- Планы? Значит, у тебя планы! А я? Мне что делать прикажешь?! Ты понимаешь, что это ребенок! Стёп, наш сын или дочка - это ты понимаешь?

- Господи, да какой сын, какая дочь?! Что у тебя за странное стремление – настолько всё преувеличивать? – он улыбнулся, глядя на меня как на глупую маленькую девочку. – Там же сгусток клеток сейчас, да и только. Сходим в клинику, сделаем всё по-тихому. Деньги не проблема, это я на себя возьму.

- Что?! – я кое-как удержалась тогда, чтоб не вцепиться в эту его улыбку ногтями. – Знаешь, что?

- Ну что? Что? Не надо только вот тут спектакль сейчас разыгрывать, ладно? – оборвал меня парень. Смотрел так пристально, что я невольно сжалась. Придавливал его взгляд, как мешок цемента, который положили на плечи. – Короче! Я предлагаю выход, а ты как хочешь.

Парень ушел... спустя пару дней вернулся домой. А я уже планировала, как расскажу всё маме. Она, конечно же, расстроилась бы, что повторяю её судьбу, но приняла бы меня. Представляла уже, как после колледжа устроюсь на работу. Меня уже ждали в больнице, где проходила практику годом ранее. Буду работать до декрета, справлюсь. Может, после родов подам на алименты, а может, справлюсь и сама. Должна была справиться. Планировала, представляла...

Олежка оказался прав, мне не будет больно вечно. И сейчас выходит смотреть на ситуацию спокойно. Меня устраивает то, как сейчас складывается моя жизнь, и это гораздо важнее. Жить сейчас, а не прошлым. И глодать себя, размышляя на тему, а что если.

А тогда... настолько отчетливо помню, как было больно и страшно, словно весь мир против. Так это живо в памяти, что самой поверить сложно, что ничего этого больше нет.

- Вот. Нашел тебя и поглядывал. Нет-нет, да зайду. Наши общие фото ты удалила, – говорит без укора, даже улыбается. Большие грустные глаза смотрят прямо в душу, и мне хочется пожалеть его, но я сдерживаюсь. Жалеть не за что, он меня бросил и логично, что видеть его я не хотела. – Смотрел на фото с этим твоим и приревновал.

Я вздрагиваю. Неожиданно и глупо, но чувство собственности всё объясняет, хоть и

порой не имеет логики.

- Глупо так, но ничего поделаться не мог. Тогда уже и понял, но гнал мысли. Без толку, я это... однолюб походу.

- Чего? – вырывается у меня резкое.

- Выслушай меня, пожалуйста, – вздыхает парень. Прикрывая глаза, стискивает пальцами переносицу. – С кем бы я ни был, я всех сравнивал с тобой, и сравнение шло не в их пользу. Это получалось, как-то само собой. Верил бы в мистику, решил бы, что приворожила.

Я подавляю смешок. Никогда не верила в подобное и когда девчонки привораживали парней на крови, вертела пальцем у виска.

- Я когда уехал, всё ждал подспудно, что вот-вот и прилетит мне весточка. Страшно было, а когда всё осознал ещё и стыдно, но всё тихо было. Уверен, такое не прошло бы мимо. Лерка бы меня прибила если бы... ну, ты.

- Если бы я рассказала ей, что забеременела от тебя? – на одном дыхании выдаю, то, что парень не может произнести. И слова даются удивительно легко. Я бы сравнила с исповедью, но не знаю как это.

Парень кивает.

- Она не знает. Никто кроме Олега не знает об этом.

- Рыжий?

Я снова киваю. Они успели познакомиться, могли бы стать друзьями вполне, но не сложилось.

- Ань, прости меня, пожалуйста. Мне, правда дико стыдно и совестно, что я так паскудно поступил.

Я вспоминаю того парня и смотрю на него глазами себя сегодняшней и вижу молодого мальчишку. У него впереди вся жизнь, он тянется к мечте и уже почти дотянулся, а тут ему пытаются обрезать крылья. И я его понимаю, скорее всего, я бы тоже испугалась. Морально тогда всё же не была готова, наивной была. Требовала от него, своего ровесника принять ответственность, которую едва бы осилила сама.

- Что стало с ребенком? – вопрос парня оглушает своей внезапностью.

Сердце неприятно сжимается. С тех пор я поменяла свое мнение о нежелательной беременности, не кардинально, но уже не стану утверждать, что нужно рожать в любом случае. Повзрослев и почти став врачом, я могу проанализировать то свое состояние и понимаю, что желание сохранить беременность, было продиктовано гормонами в первую очередь. Сейчас не хочу думать, а что было бы если. Всё уже случилось.

- Мама умерла и... беременность сорвалась, перенервничала.

Стёпа нервно сглатывает. Он часто моргает, и я вижу, что в глазах его стоят слёзы. Шокирует эта реакция, а чего он ожидал услышать? Спросить не успеваю, он пересаживается на диванчик рядом со мной и говорит сам.

- Прости меня, я... - он сжимает меня в объятия, ничего пошлого, просто обнимает за плечи. – Прости, что пришлось пройти через всё это одной. Я был ужасным. Циник, эгоист...

- Всё нормально.

Я обнимаю его в ответ. Помню себя, как больно было, как нужна была поддержка.

- Стёпа, слышишь меня? Я это пережила, всё хорошо. И я не держу на тебя зла, теперь могу сказать это абсолютно откровенно.

После разговора с Костей все мысли встали на свои места. Во мне сидела горькая обида, которую нужно было высказать.

- Правда? – парень всё еще обнимает меня и робко заглядывает в глаза. И я киваю. – То есть мы могли бы попробовать снова?

- Попробовать, что? – вопрос заставляет напрячься. Я отстраняюсь от Стёпы, не хочу, чтобы он расценил моё ответное объятие неправильно, но видимо поздно.

- Я улетаю скоро. Отпуск закончился.

- Служба зовет? – улыбаюсь я.

- Ага. Я просто пока не брал билет и... Ань, полетели со мной?

Столько надежды во взгляде, что я теряюсь. Забываю вдохнуть и начинаю кашлять, от волнения голос пропадает.

- Вершинин, ты ополоумел? – шепчу я. – Куда полетели?

- Во Владивосток, – отвечает он простодушно. – Я уже узнавал, ты можешь перевестись, да и работа там будет стопудово.

- У меня направление, я должна буду отработать в Челябинске пять лет после окончания учебы, – тараторить шепотом то ещё удовольствие, но от волнения иначе не выходит. – Да и вообще! Черт, да не в этом же дело!

- А в чём? Я знаю, что со своим женихом ты рассталась.

- Да, но... Стёп, ты пойми. Ты хороший парень, добрый, но...

- У тебя есть кто-то?

Я молчу. Не потому что не хочу, чтобы он знал. Пока и самой себе ответить нечего. Я не знаю, есть ли чувства у Кости и, могут ли у нас быть такого рода отношения. Глеба в моей жизни больше нет, и не будет, но и со Стёпой у меня больше ничего быть не может.

- Я понял, – произносит медленно, опуская глаза. – Глупо было надеяться. После того, как я повел себя.

- Не в этом дело, я уже говорила, что не держу зла. Просто время прошло, и чувств у меня к тебе нет.

Мы ещё недолго сидим, вспоминая события тех дней. Немного неловко, но Стёпа честно не касается этой темы. Может, мы и не сохраним дружеские отношения, но уж точно не останемся врагами.

Позже он провожает меня до дома, благо живу я теперь неподалеку.

У подъезда мы останавливаемся, я не хочу звать его на чай. Всё же неловко от внезапного признания, и я сбегая, сославшись на большое количество дел.

- Ладно, Кнопа. Может, ещё увидимся, - парень улыбается, я киваю.

- Удачи тебе, Стёп. Ты хороший и всё у тебя будет хорошо.

- Спасибо.

Мы прощаемся и расходимся в разные стороны, едва я открываю дверь подъезда, он окликает меня.

- Ань!

Я оборачиваюсь.

- Будь счастлива.

- Ты тоже, – улыбаюсь в ответ и захожу.

Мне спокойно и нет больше внутри той тяжести, что иногда напоминала о себе все эти годы.

Комментарий к Глава 18

Несу сразу две части □ В следующий раз встретимся с вами в субботу.
Приятного чтения!)

===== Глава 19 =====

Вечером Паша берётся подбросить меня до нужного места.

— С парнем новым будешь знакомить? — поддевает меня старший брат.

— Пока нет, с Олегом договорились встретиться.

— Ох, и вертихвостка ты, сестричка! — не унимается он. — Может, стоило на него обратить внимание? Уже столько лет парня во френдзоне держишь.

— Дурачьё, — вздыхаю я на замечание. Паша не верит в дружбу между противоположным полом. Переубедить его вот уже в который раз желания у меня нет. — Если у тебя иной опыт — не значит, что бывает вот только так.

— Да шучу я.

Он смеется, а глаза грустные. Последнее время он сам не свой, как и Лера. В нашу последнюю встречу, она выглядела уставшей, даже макияж не мог скрыть осунувшегося лица. Пашка, как бы ни старался выжимать улыбку и шутки, уже не тот. Нет того блеска в глазах. Больно смотреть, как два любящих человека отдаляются, но помочь я не смогу. Подругу прекрасно понимаю — слишком больно, когда близкий человек тебя обманывает, но и брата жалко.

— Ты от Леры? Как они там? — такая себе от меня поддержка. У него жизнь рушится, а ещё я тут со своими проблемами.

— Хорошо, Алиска дуется правда, что мало с ней времени провожу. Говорю, что на работу надо. Даже не знаю, как ей всё объяснять, когда подрастет.

— Не знаю. Лера что? Вы больше не разговаривали?

— Нет, — брат поджимает губы, нервно кусает щеку. — Да и чего говорить, у неё кто-то появился.

— Она сказала?

Знал бы он, кто это. Даже представлять не хочу, как отреагировал бы.

— Нет, сам чувствую, — он сжимает кулаки. Злится, ревнует.

Пашка, Пашка, что же ты наделал? Сам всё разрушил, а теперь страдаешь. Он виноват и получает заслуженное, но видеть, как он переживает, мне больно. Как бы ни было, а родной человек.

— Ладно, ты меня сегодня не жди, закройся на ночь, на щеколду.

— Хорошо, а ты куда?

— С Мотей хоккеем будем пересматривать, у него и останусь.

С Олегом встречаемся в небольшом ресторанчике недалеко от центра, по его заверениям там обалденный шашлык. Паша отказывается посидеть с нами и, поздоровавшись с парнем, отчаливает.

— Ой, такой она у тебя пупс! — умиляюсь я, рассматривая новые фотографии. С экрана смартфона на меня смотрит пухлощекая кареглазая малышка. — Такая большая уже.

— Ага, вообще быстро растёт, — Олежка ласково гладит пальцем изображение на экране смартфона. — Прикинь, уже два года в декабре будет, капец время летит быстро!

— Не то слово. Как ты справляешься?

— Потихоньку, мама помогает с Полинкой, — улыбается он, в глазах проскальзывает

грусть. — Ворчит, конечно, что сами родили — сами нянчите, но помогает.

Несмотря на всю внешнюю строгость, тётя Алла всегда была доброй и сострадательной. Не могу думать о матери друга иначе, как с улыбкой на лице.

— Элина как?

Парень отмахивается, такая растерянность в глазах. Отмалчивается, но видно, что душа не на месте. Всё ещё любит, не хочет верить в слухи, порочащие его девушку, хоть уже и бывшую.

— Пытался восстановить отношения. Не хочет она, но и от себя не отпускает. Достало уже всё это, да и за Польку обидно. Она, если и берёт её к себе, то на день от силы и тут же дела какие-то появляются.

Он замолкает, а я не знаю, как комментировать. Сложная ситуация, но Элину никогда не пойму.

Я, молча, беру Олега за руку, сплетая наши пальцы. Парень благодарно улыбается, беря мою вторую руку. Столько уже таких моментов было у него с матерью Полины. Всю душу парню вымотала. Переболит и отпустить, должно отпустить.

Когда взгляд Олега проясняется, я увожу тему.

— Олеч, а как быть человеку, который потерял память? — начинаю издали. Он работает в полиции и наверняка может что-то посоветовать. — Есть возможность как-то найти его родных?

— Сложный вопрос, — парень чешет затылок. — Может среди заявлений о пропавших без вести, что-то найдется, но если человек из другого города или региона, тут сложнее. А тебе зачем?

Я кратко рассказываю ему о своей новой знакомой. Девушку перевели в неврологию пару недель назад, но я продолжаю её навещать. Может звучать странно, но мы подружились. Пару раз я забирала её из отделения под свою ответственность. Гуляли в центре, сидели в кафешке. Я надеялась, что она может что-то вспомнить. Мне искренне хотелось ей помочь, а ещё в глубине души сидело ощущение, что я её знаю. Не особо веря в интуицию, я отмахивалась от этих мыслей, но не отпускало.

— Сердце кровью обливается, когда смотрю, как тоскует. Стоит у окна и смотрит, ждет будто чего-то, цепочку теребит постоянно.

— Да Ань, ничего с детства не поменялось, — качает головой. Не осуждает, но и не особо одобряет. — Тогда подбитых животных домой таскала и теперь тянет тебя, но я попробую узнать. В крайнем случае, отца попрошу. Если есть фото, скинь и там приметы особые, какие есть. Она, что совсем ничего не помнит?

— О себе да, но она как-то увидела, что я макияж поправляю, и попросила у меня палетку. Ну, с пудрой и, короче для лица. Я дала, самой интересно стало. Она её вертела в руках, вертела. Потом открыла и предложила меня накрасить, представляешь?

— И?

— Я свои скулы такими выразительными никогда не видела.

На вопрос, откуда она это умеет, девушка только пожалала плечами.

— Интересно, визажистка потерявшая память. Звучит, как начало детектива.

Так и есть, я думала, уже ничего меня удивить не может, за столько лет работы, но с таким ещё не сталкивалась.

— Твой тебя не потеряет? — неожиданно спохватывается друг.

— Нет, теперь уже нет, — отрицательно мотаю головой. Думается мне, что его удивляет

моё радостное лицо. — Мы расстались, на этот раз окончательно.

— Ого! — только и выдает он. — Когда, и как это прошло мимо меня?

Ничего не утаивая и не приукрашивая, я рассказываю о парне, ворвавшемся в мою жизнь.

Олег знает, что на меня чуть не напали тогда и, что меня спасли, но без подробностей. Тогда я и подумать не могла, что всё так закрутиться. Убедилась, что с моим спасителем всё хорошо и пошла дальше.

Сейчас рассказываю и не могу стереть с лица улыбку. Вроде и ничего такого, но в груди теплеет.

Рассказав о том, как всё начиналось, делюсь своими сомнениями. Успокоившись и всё, спокойно обдумав, я запретила себе заниматься самоедством. Ошибкой было вовсе не случившееся между нами. От воспоминаний щеки начинают гореть, по телу пробегает легкая приятная дрожь. Это бы произошло, вопрос только во времени. Нас слишком явно тянуло друг к другу. Как бы я не хотела себе признаваться ранее, сейчас бессмысленно отрицать. Теперь нужно понять было ли это секундной вспышкой, распаленной алкоголем и моими заигрываниями или всё же чем-то большим. Есть ли у него чувства ко мне, и какие? И если Глеба я знаю, как облупленного, знаю, что скажет и когда, как себя поведет, то с Костей всё иначе. Парень-загадка, черт, да я даже точного возраста его не знаю!

— Вот ты опять себя накручиваешь! — Олежка всплескивает руками, выслушав мой поток сознания. — Телефон, Ань. Люди изобрели телефон, позвони своему парню. Мало ли, чего он не звонит, ты же сама попросила взять паузу, может, он очень тактичный.

— Ага, а если нет? Вдруг он вообще не особо хочет меня слышать, вот зачем я ему?

— Ну да, а тусовался он с тобой всё это время по приколу, заняться нечем было. Вполне возможно, что сам побаивается звонить.

Я смотрю на него не без удивления, Костя и побаивается?

— Чего, по-твоему, парням такое несвойственно? Мы тоже и волнуемся, и стесняемся, и боимся быть отшittyми, — в простодушном жесте разводит руками. — Да и, как ты узнаешь, что он думает, если не поговоришь с ним?

— Я понимаю, просто боюсь, подумает, что навязываюсь. Не хочу выглядеть глупо, — в ответ друг закатывает глаза. — Да и вообще. Олег, как ты относишься к парам, где значительная разница в возрасте?

— Да никак, — отвечает не раздумывая. — С чего ради меня должен манать чей-то возраст. Если человек хороший, то какая разница, насколько он старше. Нет, если она мелкая, ну до восемнадцати, а ему лет... ну как нам. Тут уже вопросы появляются.

— А если наоборот, ну он младше?

Олег странно щурится, смотрит на меня с сомнением.

— Тебя чего на молоденьких потянуло? — усмехается без ехидства или осуждения, но мне всё равно неловко. — И сколько ему?

— Я не знаю, — признаюсь, вздыхая. Не спрашивала, потому что зачем. — Он водит, значит, восемнадцать точно есть, да и выглядит он зрело, не как подросток. Просто, что-то есть, что дает понять, что он молодой совсем.

— Ну, водить он может и без прав. Да и ты вообще видела, как сейчас школьники выглядят?

На секунду я пугаюсь.

— Да нет же. Нас как-то на посту остановили. Не было бы прав, так просто бы не

отпустили, а так пленку содрать заставили и отпустили. Да и татуировка у него. Как армейская выглядит и даты там... — я морщу лоб, пытаюсь вспомнить. Далеко не на рисунок я смотрела, когда парень был с голым торсом.

— Какую пленку? Он тонированный что ли? — киваю, взгляд Олега становится всё более удивленным. Он точно думает, что у меня крыша съехала, и я влюбилась в малолетку. — Ну, так-то да, действительно просто отпустили. Что там за чувак, мне даже любопытно.

— Ты не помогаешь! Что делать мне?

— Муравью хер приделать, — хихикает Олежка.

— Ой, да ну тебя!

— Фотки есть?

Я берусь за телефон, галерея пестрит разными фотографиями, на большей части из них мы вдвоем. Прекрасный повод для ревности, но Глеб не лез в мой телефон. Как-то пытался потребовать пароли от соцсетей и телефона, но после встречного требования, отстал.

Листаю фото, а с лица улыбка сходить не желает, так тепло на душе. Костя почти на каждом изображении обнимает меня, без пошлостей даже по-дружески. Где-то я одна, в его машине или возле. Где-то он, улыбается или дурачится как ребенок.

Моё любимое фото, которое я недавно поставила на заставку.

Руки Кости на руле. Свет падает красиво, но главное его руки. Они у парня крайне сексуальные, и шершавость ладоней впечатления не портит. Эти вены, пальцы, мелкие шрамы. Замечтавшись, я краснею до корней волос, что он творил этими самыми руками. От одного только воспоминания жар растекается вниз живота.

— Ну, ничего, на вид нормальный поц, — констатирует друг. — Да забей ты на возраст, кому какое дело! Ну, младше, что такого? Он вообще как, что за человек?

— Он замечательный, — вздыхаю, я может, слишком мечтательно.

Его доброе отношение, его забота и беспокойство обо мне заставляет так думать, но в реальности я знаю о нём очень мало, только то, что смогла высмотреть в соцсетях.

Пока не виделась, я постоянно сидела на его страничке. Информации нет толком, да и фотографий не густо. Несколько фото из спортзала, пара кадров с армии и машина, её очень много. Копалась в фотографиях, где его отмечали и там тоже машина, Костя с друзьями и какими-то девушками, фото мило подписаны, непременно со смайлами, где сердца вместо глаз. Куча видео, где его машина рискованно пускается в занос, вздымая ворох снега или дым из-под колес. Одна видеозапись меня умиляет. Костя в дембельской форме обнимает капот машины, вроде девятки. Голоса на видео смеются, комментируют, что он соскучился по машине сильнее, чем по друзьям.

Из мыслей вырывает вибрация телефона.

— Держи, твой замечательный звонит. Я в туалет.

— Алло, — стараюсь говорить спокойно, но голос звучит ниже от волнения, в горле пересохло.

— Привет, я скучал.

— Я тоже, — только и могу выговорить, наслаждаясь приятным низким голосом. Как же я соскучилась. — Думаю, нам нужно встретиться.

— У меня как раз тренировка закончилась. Говори, куда подъехать, — после короткой паузы говорит Костя.

— Я сейчас с другом.

— С другом, в смысле? — голос напрягается, становится серьезным.

— С другом, в смысле «с другом». С Олегом, я тебе про него рассказывала.

— А понятно, я не вовремя, — вздыхает он.

— Нет, знаешь, а присоединяйся к нам, — внезапно воодушевляюсь я, а почему собственно нет. Олег не будет против точно.

— А это удобно?

— Конечно, — я диктую адрес и название заведения.

— Хорошо, через час буду.

— Хорошо.

Олег уже вернулся из уборной и выжидающе смотрит на меня.

— Я пригласила Костю к нам, ты же не против?

— Нет, заодно и посмотрю на него. Фото это хорошо, но пообщаться тоже любопытно.

Костя появляется быстрее, чем ожидалось. Сперва я даже теряюсь, когда вижу его, идущего к нашему столику.

На парне черный костюм, хорошо сидящий на фигуре и черная рубашка. Волосы зачесаны назад, пара мелких прядей всё же спадают на лоб. В руках букет цветов, приличная охапка роз, так сразу и не скажешь, сколько их там, но точно больше пятнадцати.

— Привет. Это тебе.

Несмотря на непривычный вид, парень держится уверенно. Улыбается приветливо, в глазах искорки. Он тоже рад встрече, как и я.

— Привет, спасибо.

Непродолжительные объятия, поцелуй в щеку. Мило и скромно, но всё же мы не одни.

— Костя, Олег. Олег, Костя, — представляю их друг другу. — Олег, мой лучший друг. Костя, мой...

— Парень, — он договаривает за меня, кажется, ни капли не смущаясь. Парни жмут друг другу руки. Улыбаются вполне приветливо, смотрят не без интереса. — Тут такое дело, у меня товарищ на днях уезжает и другого времени нет, чтобы пересечься. Вы не против, если он к нам присоединится?

— Я нет, — мотает головой Олег. Он парень компанейский, я иной реакции и не ожидала. Я киваю, давая понять, что тоже не против.

Официантка ставит цветы в воду и приносит посуду на двоих. Общение продолжается в легком дружеском тоне. Олег ненавязчиво интересуется у Кости о работе, пытается цепляться за слова, задает заковыристые вопросы. Парень ведет себя непринужденно и спокойно, не прячет взгляда, отвечает коротко, иногда переводит разговоры на другую тему, и Олег сбавляет напор.

Возвращаясь из уборной, я налетаю на парня, вернее он на меня.

— Вершинин, блин! — взвизгиваю я, опознав человека в капюшоне. Он сгребает меня в объятия, слегка отрывая от пола. — Ты чего тут делаешь, следишь, что ли за мной?

— Нет, у меня тут встреча с сослуживцем. Просто тебя увидел и решил поздороваться, — отвечает невозмутимо, врёт или нет, не понятно. — Не думал, что так скоро встретимся, но очень рад тебя видеть. Ты тут, что делаешь?

— С друзьями отдыхаю. Я пойду, а то потеряли уже, наверное.

— погоди, давай ещё постоим, — он все ещё прижимает меня к себе, момент становится неловким. Начинает раздражать его поведение и стремление прижаться ко мне плотнее, но оттолкнуть его не успеваю.

— Э баклан, грабли от моей девушки убрал! — раздаётся голос Кости. — Аня, он к тебе

приставал?

Он стоит в дверном проёме полутемного тамбура. Его поза излучает недовольство и готовность кинуться в драку.

— Нет-нет, всё нормально, — пытаюсь улыбнуться, чтобы разрядить обстановку и обращаюсь к Стёпе. — Отпусти меня уже.

— А твой парень, что разговаривать нормально не умеет? — Он будто издевается, всё так же прижимает меня к стене собой, смотрит в лицо и довольно улыбается.

— Стёпа! — шикаю я. — Отпусти, сказала!

Выпутываюсь из лап парня и иду к Косте. Теперь придется объясняться. Хоть наши отношения ещё не имеют официального статуса, но с такого начинать не стоит. Мне тоже было бы неприятно на его месте.

— Не понял, Кот? В смысле «девушка»? — из-за спины раздаётся голос Стёпы, полный недоумения. — Ань, вы вместе?

— Мичман, ты что ли? Я тебя не узнал в потемках, — Костя не менее растерян. — Ни хрена не понимаю, Ань, вы знакомы, что ли?

— У меня к вам двоим тот же вопрос.

Я перевожу взгляд с одного парня на другого. Они вроде и рады встречи, но напряжение растёт.

— А ты тут, что забыл?! — хриплый голос Олега, как гром среди ясного неба. Я подскакиваю от неожиданности. В отличие от меня, Стёпу он узнал сразу и сейчас смотрит на него с вызовом. — Совсем страх потерял?

— А что, мне теперь к ней вообще подходить нельзя? Утомонись уже Рыжий, тебе она всё равно не достанется!

Вместо ответа, совершенно неожиданно для всех нас, Олег резко без размаха бьёт парня в челюсть. Стёпа едва не падает, припадает к стене.

— Она мне, как сестра, придурок.

— Олег, нет!

— Эй, ты чего? — Костя бросается к Олегу, благо не с кулаками. Мы вскрикиваем одновременно, но на меня никто внимания не обращает. Три пары глаз мечут искры. Олег исподлобья смотрит на Стёпу. У того бегают глаза с Кости и обратно на Олега. Ошарашенный Костя стоит между парнями, никого не удерживает, но на стреме, готов в любой момент начать разнимать.

— Нормально, Кот. Я заслужил, — сжав губы, первым начинает говорить Стёпа. Потирает место ушиба, смотря на меня.

— Хоть не отнекиваешься, — хмыкает Олежка, вроде в драку больше кидаться не стремится.

— И вы, выходит, знакомы? — хмурится Костя.

— Ага, — без каких либо пояснений говорит друг. — И вы тоже?

— Да, служили вместе. Если никто не планирует чесать кулаки, пойдёмте, присядем, — предлагает он, парни соглашаются

Костя, молча, берет меня за руку, и вчетвером мы возвращаемся за стол.

— погоди, в смысле служили? — растерянно спрашиваю я. Если Стёпа мой ровесник, но Костя же младше. Даже Макс мне это дал понять. — Кость, так ты моряк?

— Ну да, служили, — не давая ответить парню, за пояснения берётся Стёпа. — На учениях и познакомились, оказалось, что земляки. Я, после училища на службу поступил, а

Кот срочную служил, но он покруче будет.

— Морпех? — присвистывает Олег. Вроде и спрашивает, но уже сделал какие-то свои выводы. Костя кивает, кажется, он смущен.

— Да ладно не скромничай, Костян! — подбадривает его Стёпа. — Выйдем в город в увольнение, так девки все его были. Старшина второй статьи, остался бы по контракту, точно дальше пошел, командиры его не раз хвалили.

— Ага, догоняли и ещё хвалили. — усмехается Костя, что-то вспоминая. — Заканчивай уже, а то сам тебя сейчас разжалую.

— Э, нет! — смеётся в ответ парень и заявляет не без гордости. — Хрен я кому свои погоны отдам. Я уже лейтенант, между прочим, не хочу загадывать, но скоро глядишь, ещё звезд упадет.

— Смотри, как расхорохорился, — смеётся с него Олег, потягивая пиво. — Салагами командуешь?

— А то, думал, не дай бог, идиоты какие попадутся, но повезло. Вот весной дембельнулись, с отпуска вернусь новых дадут.

— А ты, Олег, служил? — интересуется Костя, слышится любопытство в голосе.

— Да, — я опережаю друга.

Очень это яркий период был. Парня мне из армии ждать не пришлось, а к Олегу регулярно на выходных приходила, пока сама не ушла по контракту. Не могу не улыбаться, вспоминая, как он мне радовался, и как завистливо смотрели на нас другие солдаты.

— Я у него даже на присяге была.

— Да, меня, правда, так далеко не забросило. Тут в Челябине и служил, во внутренних, — он улыбается, смотря на меня, не отрываясь. Видимо ему тот период времени тоже вспоминать приятно. Друг берет меня за руку, чуть сжимая пальцы. — Прикольно было, пацаны правда от зависти чуть не выли, только успевали слюни подбирать, когда Малая ко мне приходила.

Я смеюсь, не пытаясь сдерживаться. Стоит вспомнить эти грустные морды в окнах казарм и голодные взгляды, которые ловишь пока идешь до комнаты свиданий.

Чувствую прикосновение к плечу, Костя кладет руку на спинку дивана и обнимает меня. Сердце подпрыгивает от удовольствия, приятно такое проявление чувств. Во взгляде замечаю намек на ревность. Глаза закатить хочется, к Олежке все ревнуют.

— Нам теперь только за армию выпить остается, — смеется Стёпа.

— Ну да, так-то за столом все служившие, — кивает Костя, улыбаясь мне.

— Чего? — Стёпа смешно давится выпивкой. — Ань, я чего-то не знаю о тебе?

Ну да, он ведь не в курсе. Как-то мы эту тему обошли стороной.

— Ага, собрались за столом краснопогонник, пограничник и два моряка, — ржет Олег.

— Я фельдшер, — постоянно приходится с ним спорить. Мне неловко, когда он приписывает мне лишнего. Все же я не несла службы так, как несут её парни. — По контракту пошла сразу после колледжа, как раз восемнадцать исполнилось и вот.

Поясняю для Стёпы, а у того лицо с каждым моим словом вытягивается. Видимо, и Лера ничего ему не говорила.

— Хрена себе, моя бывшая девушка служила в армии! — выдает он. И восхищение в голосе потешило бы самолюбие, но взгляд Кости сбивает. Кажется, сегодняшний вечер породит ещё больше вопросов. — А где?

— Да кстати, где? Ты же мне тогда так и не сказала, — и Костя туда же, любопытства

ему не занимать точно.

— Во Владикавказе, и давайте уже закроем тему армии! — фыркаю я, предчувствуя вопросы, которые последуют. Так всегда, стоит только обмолвиться и начинается. — Как маленькие ей богу, можно подумать, у вас не было контрактниц в части.

— Да были, конечно, — хихикает Стёпа, поглядывая на Костю. Двусмысленно играет бровями, похабно на что-то намекая с помощью языка и собственной щеки. — Кот, как там ту лейтенантшу звали?

— Мич, иди в жопу, — закатывает глаза Костя, у самого уши красные. Так-так, кажется у нас тут ловелас на районе.— Он хотел сказать, что таких красивых контрактниц, он точно не видел.

Олег хихикает, наблюдая за нами. Стёпа переводит взгляд с меня на Костю и обратно. Вот же засранец! Он уже второй раз говорит о других девушках, неужели ждёт, что я буду ревновать или чего хуже. Смущение Кости забавляет, но я не ревную. Ревновать к прошлому, как по мне глупо.

— Спасибо, — чмокаю парня в щеку.

Больше Стёпа не пытается подкалывать его, и общение протекает спокойно. К теме армии парни нет-нет, да и возвращаются. Фотографируемся, когда ещё выйдет собраться всем вместе. Стёпа просит отметить его в инстаграме, Костя вроде как удивляется, что я в принципе собираюсь выкладывать совместные фото, но не возражает. Болтаем обо всём понемногу, приканчивая последнюю порцию шашлыка. После провожаем Стёпу до такси, а Олега подвозим на последний автобус.

— Не хило, — Олег подпрыгивает на заднем сидении, когда басы ударяют в спину. — Что за саб?

— Сам собирал, — Костя жмет плечами.

Они говорят о машинах, большую часть разговора я вообще не понимаю и прилипаю к телефону, просматривая фото с сегодняшнего вечера.

— И ходовую можешь перебрать? Я сам вроде и не валенок, но не пойму в чём дело.

— Я всё могу, что машин касается, — не без гордости, заявляет Костя. — Возьми у Ани номер, созвонимся, посмотрим. Что у тебя?

— Тринашка, — парень кивает, как бы принимая к сведению. — А как ты с ней управляешься, у нас дороги — яма на яме?

— Тут пневма.

— Охринеть, сколько ж ты в тачку ввалил? Музыка вон у тебя ништяковая, — друг кивает на колонки в дверях. — Не жалко?

— Нет, для себя же делал. Ну, и у работы автомеханика есть свои плюсы, — Костя жмет плечами.

Я улыбаюсь, глядя на них. Так они увлеченно разговаривают. Мальчишки, иначе их двоих сейчас и не назовешь.

Попрощавшись с другом, мы садимся в машину. Костя смотрит на меня и чего-то ждёт.

— Прикольный чувак, но мне стоит начинать ревновать? — без злости, полушутя задает вопрос, и всё же я вижу недовольную ухмылку в уголках губ.

— Можешь, но оно того не стоит, — смеюсь я. — Мы с Олежкой с детства дружим, надо было, давно б замутили.

— Хорошо. Нам поговорить с тобой надо.

— Ты пьешь вино?

— Я как-то по пиву больше, если не за рулем. Но могу и вина выпить, а что?

— А поехали ко мне? — я расплываюсь в улыбке. Теперь, я могу предложить ему это, и не бояться, что он посчитает меня неправильно или легкомысленной.

— К тебе в смысле куда? — теряется Костя от моего напора. Блин, он же и о моём переезде не знает.

— На моё новое место жительства, — я называю адрес. — Знаешь, как доехать?

Парень кивает, заводит машину, приглушает музыку и выруливает со стоянки. Впереди ждет важный разговор. За вечер, я не раз ловила его странные взгляды. Что-то у него на уме, что не дает покоя, и я тут ох как причем. Стоит уже со всем этим разобраться.

===== Глава 20 =====

— Разувайся, проходи. Я сейчас, цветы поставлю, — я скинула босоножки, и прошла на кухню в поисках вазы для этого шикарного букета. — Не обращай внимания на бардак, я ещё не всё распаковала. Кость, спасибо, но не нужно было тратиться.

— Ты явно недооцениваешь мою профессию, — парень смущенно улыбнулся. По привычке потянулся к волосам, но одернул руку. Они и так лежали идеально. — Уж цветы я в состоянии купить. Давно переехала?

Костя с интересом рассматривал необжитую кухню. Квартира могла бы смахивать на холостяцкую берлогу, если бы я не успела захлать её своим бардаком.

На столе лежали тетради, я дописывала отчёт по практике. В беспорядке валялась косметика, а на стуле грустил белый халат, ждал, когда его уже постирают и приберут до следующего учебного года.

— В тот же день, как с Бирюзового вернулись. Давно уже надо было это сделать. Идём в зал.

Расположившись на диване, Костя открывает бутылку белого полусухого, наполняет бокалы. Парень будто не может расслабиться, сидит неестественно прямо, словно костюм сковывает движения. Как бы элегантно парень в нём не выглядел, сейчас видно, что ему непривычно и немного неловко.

Мы чокаемся и выпиваем без тоста. Алкоголь расслабляет, и я тянусь к волосам парня.

— Надеюсь, ты не против, — запускаю пальцы в них и слегка растрепываю, возвращая к природной небрежности.

— Не нравится? — смотрит на меня растерянно и также растерянно улыбается. Нет во взгляде недовольства, парень, словно не знает, как реагировать на мои действия. Опустил глаза, изучая содержимое бокала. — Подумал, приоденусь. Хотел тебе понравиться.

Костя сжал кулак и тут же его расслабил, сжал губы. Столько тоски было в этом жесте, что в груди задавило.

— Нутро-то всё равно не вынуть, не заменить на что посимпатичнее.

Интонация голоса, взгляд и понурые плечи, Костя словно смущался чего-то. Неужели он стыдился себя настоящего?

— Но зачем? Тебе не нужно это. Я же таким, какой есть тебя и...

Слова застряли в горле от его взгляда. Удивленный, но въедливый, внимательный прямо в глаза. Казалось, что хочет рассмотреть что-то лежащее глубже радужки. От него стало неуютно, было в нём что-то осуждающее и оценивающее одновременно.

— Костя, что случилось? — ощущение, что я его чем-то обидела, только чем, понять не

могла.

— Ничего особенного, — парень хмурился, желваки заиграли — злится, но не хочет подавать вида.

— С кем живешь?

— В смысле?

Внезапный вопрос поставил в тупик. Хоть и скрывать было нечего, в душе начал образовываться ком дурного предчувствия.

— В прихожей мужская куртка, а ещё тапки минимум сорок второго размера, явно не твои, — парень криво усмехнулся. Пока перечислял всё это, внимательно смотрел на меня.

— А ты наблюдательный, — удивилась я, но от сердца отлегло. Не успела предупредить о своём соседе, как-то к слову не пришлось. — Тут вообще брат живет, к нему временно переехала.

— Брат, тот, что Валерии Александровны муж?

— Ага, только её так не называй, — смеюсь я. Подруга терпеть не может официоза при близком общении.

— Понятно, а мажор твой что, так взял и отпустил?

— Мажор больше не мой.

После моей просьбы, он перестал так называть Глеба, и вот опять. Впрочем, поправлять его я не стала, сейчас занимало другое. Неужели без разъяснений непонятно, что мы расстались?

— Чего так, прошла любовь — увяли помидоры? — сказанное не было шуткой, в голосе слышалось недоверие и настороженность. Он добавляет будто бы нерешительно и всё же язвительность так и звенит в голосе: — Цветы-то, небось, он подарил?

Сердце ёкает, пугаюсь, что он плохо подумает обо мне. Цветы. Ну да, букет, кажется гиацинтов. Неловко. И как объяснить их наличие на моей кухне?

— Сегодня Стёпа подарил, ещё утром, — пожимаю плечами. Выдумывать что-то, только зазря врать и накалять обстановку ещё больше.

Парень отрывает взгляд от своих рук. Смотрит на меня пристально, щурится недобро. Мороз по коже бежит и первым порывом — отвернуться от тяжелого въедливого взгляда.

— Возле работы меня ждал, хотел поговорить, — не отводя глаз, продолжаю я. Скажу, как есть, пусть сам решает, как это принимать. — Он и есть тот парень, о котором я говорила. С чего-то решил, что у него чувства ко мне.

— Я это уже понял, — желваки напрягаются. Обманчиво спокойный тон. — А у тебя, есть к нему что-нибудь?

Я коротко мотаю головой. Нет ничего, как-то в раз всё отболело, Костя всех собой вытеснил.

Ничего не ответив, я опустила голову на крепкое плечо и прикрыла глаза от удовольствия. Его запах, успевший стать родным, успокаивал. На глаза навернулись слёзы. Как же мне его не хватало. Казалось, что с последней встречи прошло гораздо больше недели, а Костя был не на другом конце города, а на другом конце мира.

— Я очень сильно скучала по тебе, — голос охрип от эмоций, которые долго томились внутри и сейчас грозились перелиться через край. Слова давались с трудом. Единственное, чего хотелось, чтобы он просто обнял. — Только сейчас я понимаю, что значит по-настоящему скучать по человеку. Стёпа, он моё прошлое. Чтобы там ему не казалось, я к нему ничего не чувствую.

Парень молчал. Вид его был растерянный и будто виноватый. Будто прочитал мысли, рука скользнула по спине, легла на плечо. Чуть помедлив, прижал меня к себе, мягко и аккуратно. Как в теплый плед завернули, стало тепло и спокойно.

Его рука была горячей и сухой, когда он взял мою руку. Приподнял и мягко прижал ладонь к пересохшим губам. Короткий жест, а столько нежности и тепла, что я едва не прослезилась снова. Заставил посмотреть в глаза, взяв за подбородок. Длинные пальцы, заправили прядку за ухо. Он был немного резким, но нежным и всё же вел себя слишком скованно. Напряжение от этого только усиливалось, остро ощущалась недосказанность между нами.

— Мне никто не нужен, кроме тебя. Поверь, — прошептала я, глядя в глаза. После недолгой паузы нерешительно задала вопрос: — Что случилось, Кость, что тебя гнетёт?

— Меня? — парень вздрогнул.

— Тебя.

Замаялся, опустив глаза. Тянул с ответом. Медленно обвел взглядом комнату, шумно вдохнул и так же шумно выдохнул.

— Я сейчас спрошу, а ты ответь мне, только правду. Хорошо? — он пристально посмотрел на меня, я кивнула. Звучало так, словно он пытался уличить меня во лжи. — Тогда в машине, почему ты меня не остановила?

Мы оба хотели этого, и оба потеряли контроль. И если бы не Максим, мы бы занялись сексом, переспали бы? Оба слова звучали грубо и не могли передать всего того, что я испытывала тогда с ним.

Ничего сложного, называть вещи своими именами и всё же от сказанного, щеки пылают жаром.

— Меня всегда тянуло к тебе, просто я сама себе в этом не признавалась. И тогда... если бы не Макс, думаю, ты знаешь, чем бы всё закончилось.

Всё, в самом деле, очень просто, хоть и неправильно. Не расставшись с одним, я полюбила другого и сама не поняла, как это случилось. А неправильно, потому что обманывала Глеба и мучила Костю. И мне честно стыдно, что так всё вышло, что не разорвала отношения раньше.

— Что случилось?

Парня тоже терзали сомнения, но дело было не только в этом. Я чувствовала, что он что-то недоговаривает.

— Ничего, небольшое недоразумение. Теперь уже всё в порядке.

Его взгляд оттаял, наполнился теплом, которое почти физически грело меня. Я потянулась к желанным губам и Костя ответил. Сдержанно, словно боясь поспешить, но с жаром, который развеял все сомнения. Губы к губам, так сладко и головокружительно, что останавливаться не хотелось.

Притянул меня к себе, требовательно усаживая на колени. Руки гуляли по телу, жадно словно изголодавшись. Стискивали ягодицы, беззастенчиво проникая под бельё. Требовательно прижимали к твердому сильному телу.

Разрываем поцелуй, словно выныриваем из-под воды за порцией воздуха. Едва не задыхаемся от эмоций, что бурлят внутри.

Сердце сейчас того и гляди выскочит, он такой горячий, что кажется ещё немного и вспыхнет. Облизываю чуть опухшие губы и слышу низкий грудной стон. Костя, как замороженный смотрит, сжимая губы, будто пытается сдерживаться.

Касается моего подбородка и заставляет смотреть в глаза. Черные они у него сейчас, прожигают до самого сердца. Большим пальцем касается нижней губы и я приоткрываю рот, робко касаясь его языком и слегка прикусываю.

— С ума меня свести хочешь, — шепчет хрипло на выдохе.

— Не всё мне одной терять голову, — отвечаю, и голоса своего не узнаю. Мурлычу, как большая довольная кошка.

Пальцы вплетаю в волосы, прижимаясь носом к шее, дышу его запахом, забывая обо всём.

Он такой горячий, что, кажется, мы сейчас оба сгорим. Ладонями веду по его груди, рвано вздымающейся. Приятная ткань рубашки только подчеркивает рельеф его тела.

Верхние пуговицы уже расстёгнуты, открывая участок смуглой кожи. Веду по ней кончиками пальцев, ощущая едва уловимую дрожь парня. Хочется большего. Касаться горячей кожи, целовать её, внутри всё трепещет в ожидании этого.

Костя довольно ухмыляется и окидывает меня плотоядным взглядом, помогая справиться с пуговицами на рубашке.

— На тебе шикарно смотрится этот костюм, но ещё лучше он будет смотреться на полу в моей спальне, — выдаю я дурацкую фразу, но звучит она жарко.

— М-м, — жар его дыхания опалает кожу, он нежно прикусывает мочку уха. — Хочешь проверить?

Я поднимаюсь, чтобы увести его в спальню, но Костя тут же ловит меня в объятия. Встав, подхватывает на руки. Ноги обнимают его за талию. Разгоряченная поцелуями, я лгну к нему. Поглаживаю крепкую спину, целую шею.

— Моя комната напротив.

— Вот так сразу? — ухмыляется Костя. Глаза горят лукавым огоньком. — Как скажешь, моя девочка.

В спальне он кладет меня на кровать и долго рассматривает, ведя рукой по телу.

Стоны сдержат не выходит, когда пальцы его проникают под подол и нетерпеливо отодвигают край белья.

Его дыхание опалает шею, заставляя кожу покрываться мурашками. Даже лёжа голова кружится, и, кажется, будто обогреватель врубили, так жарко становится в комнате.

Парень скидывает пиджак и рубашку и шарит по телу руками, вроде ищет молнию, но сдаётся и тихо шепчет, принося к губам:

— Расстегни его сама.

Пока целуемся, я послушно выполняю его просьбу и стягиваю бретельки платья. Дальше парень справляется сам. Дыхание на коже вызывает волны неконтролируемых мурашек, стекающих куда-то вниз живота. Его чувственные губы на шее и я откидываю голову назад, чтобы целовал дольше.

Поцелуи-укусы на ключицах и груди поверх тонкой ткани, мелкие волоски на теле встают дыбом, а ноги сводит в ожидании. Он просто целует, а я уже стораю.

Парень легко справляется с застежкой на лифчике и покрывает влажными поцелуями грудь, стискивает ладонями.

Платье собралось на талии. Его губы поочередно втягивают соски, влажный язык играет с ними, вызывая горячую трепетную волну, возносящую меня всё выше.

Его пальцы, щекоча, касаются ребер, живота, очерчивают линию бедра, замирают на колене, чуть стискивая его, поглаживая.

— Просто скажи, что хочешь этого, — шепчет он, заглядывая мне в глаза. А я не могу отвести взгляда, с головой в эти черные омуты затягивает.

Парень, как нарочно дразнит, ведя кончиками пальцев по внутренней стороне бедра вверх и обратно. И всё внутри замирает в томительном ожидании.

— Очень, — шепот сквозь стон, развожу ноги, открываясь для него.

Он сдергивает с меня бельё слишком резко, кружево издаёт жалобный треск.

— Жаль, красивые были, — коротко вздыхает он, как бы оправдываясь, прочь откидывая испорченные трусики.

Он гладит меня, то слегка касаясь, то надавливая, дразнит. Дрожу под его прикосновениями, тело выгибается навстречу его ласкам, отзывается легкими спазмами внутри.

Я забываюсь в горячих ласках, стискиваю его руку бедрами, когда пальцы проникают в меня, вырывая стоны, вызывая дрожь в ногах и сладкое напряжение, будто внутри зреет нечто, набухает, готовое вот-вот лопнуть.

Внутри словно лопаются сосуды с бабочками, которые теперь летают внутри и щекочут своими крыльями. Покрывало скомкано подо мной. Костя стоит на коленях на кровати, грудь рвано вздымается. Он прикусывает губу, пока взгляд блуждает по телу. И мне было бы неловко, но все комплексы уходят, таят, как снег под палящим солнцем. У них просто нет шансов, когда смотрят вот таким взглядом, полным восхищения и желания.

Я приподнимаюсь и касаюсь обнаженного торса сначала руками. Напряженные рельефные мышцы, родинки на коже складываются в созвездия — этот парень словно космос. Едва касаясь, я веду пальцами по краю ремня.

Пряжка поддается, и я веду ладонью по возбужденной плоти.

— Аня.

Костя шепчет с жаром и немного растеряно, когда я целую низ живота и стягиваю с него одежду.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри с новой силой разгорается пожар. Парень шумно дышит, но не отводит взгляда, когда мягко целую его. Когда касаюсь языком, но с низким грудным стоном прикрывает глаза, чуть откидывая голову назад. Пальцы вплетаются в волосы, он ласково направляет меня, двигается и тихо, совсем тихо стонет.

— Меня так надолго не хватит, — шепчет хрипло, мягко отстраняя меня, чтобы жадно припасть губами к губам.

Играет языком с мочкой уха, когда нависает надо мной. Меня трясет от желания. Каждое прикосновение, как приятная волнующая пытка, а он словно специально не торопится. Рука скользит по телу, но я останавливаю его. Упираюсь в плечи руками, целую в губы долго и глубоко, немного давя на плечи, заставляю парня лечь на спину.

Внутри всё огнем горит, так сильно хочу его. Его сжатые губы, рваное дыхание и голодные, затянутые поволокой глаза говорят сами за себя. Он сам едва сдерживается. Каждое прикосновение делается всё более резким, настойчивым.

Костя послушно поддается и помогает мне, прикусив влажную губу и прикрыв глаза.

Невольно вырывается стон, когда медленно опускаюсь на него. На мгновение замираю, и начинаю медленно двигаться, не отрывая от него взгляда. Костя напряжен, вены на руках вздулись, губы чуть приоткрыты. Взгляд из-под ресниц, замороженный. Разжигает огонь внутри меня, поднимая из глубин тайные желания. Прогоняя прочь всю стеснительность и скованность, заставляя извиваться в его руках, придерживающих за ягодицы. Развязано

двигаться, ловя ощущения все до единого.

Меня словно окатывает теплый морской прибой, и каждая волна поднимает всё выше, вызывая море восторга. И будто нет остального мира. Ни шума машин за открытым окном. Ни духоты летней ночи. Ни соседей за стеной. Только он и я. Его ладони на груди и бедрах. Черты, пляшущие в его глазах. Наши губы, сливающиеся в долгих жадных поцелуях. И эти ощущения на грани, так остро и жарко.

Обессиленная, я падаю на его грудь, чтобы перевести дух.

Ласковые прикосновения, легкие поцелуи, распалют искорку, из которой вновь вспыхивает пламя. Он укладывает меня на спину. Прохладная постель приятно холодит горячую кожу.

— Я умру, — вырывается со стоном. Костя только лукаво усмехается и накрывает мои губы требовательным поцелуем. Останавливаться никто из нас не хочет.

Тяжесть его тела. Кожа, покрытая испариной. Напряженная спина под моими руками. Движения, то медленные и томящие, то резкие, глубокие, заставляющие остро чувствовать его.

Растворяться в сильных руках. Сгорать от жара, расходящегося по телу. Захлёбываться в стогах.

Теплые волны отступали медленно, оставляя меня расслабленно лежать в его объятиях. Руки хаотично гладят взмокшую спину парня, а он лежит, уткнувшись носом мне в шею, и водит языком по коже.

Слова кажутся лишними, и мы молчим, слушая дыхание друг друга и звуки внешнего мира, что начинают проявляться.

Лежу расслабленно, прикрыв глаза. Сердце всё ещё бешено колотится. Чувствую, что парень поднимается с кровати.

— Ты куда? — спрашиваю я, неужели он хочет уйти прямо сейчас?

Вместо ответа чувствую прикосновение ткани к животу и открываю глаза. Парень вытирает меня простыней и улыбается немного смущённо.

Он ложится рядом и целует меня в шею, берет за руку, наши пальцы сплетаются. Сердце заполняет невероятная искрящаяся нежность и желание прижаться к нему. Волосы его растрепаны, парень немного растерян, но жутко мил от этого.

Хорошо с ним так, что выразить невозможно, словно не только тела сливаются, но и души.

— Я сегодня чего-то постоянно косячу, — усмехается он, будто пристыжено.

— Всё в порядке, — улыбаюсь я. Момент может и неловкий, но мы ведь взрослые.

— Так тебя не хватало, — голос его чуть охрип и звучит как кошачье урчание. Самая приятная музыка для моих ушей. Нежные объятия сильных рук дарят ощущение надежности и защиты. — Больше не отпущу тебя так надолго.

— Я согласна. Костя, ты ведь ничем не болеешь? — вопрос звучит не к месту и совершенно не романтичен, но халатно относиться к защите не стоит.

— Ты про такое? — он кивает вниз. Отнесся к вопросу совершенно спокойно, радуется, что не воспринял в штыки. Я киваю. — Нет, я... у меня первый раз так, без презерватива чтобы.

Парень совсем немного смущается. Лекцию о том, что это не лучший способ предохранения, я предпочитаю отложить на потом. Прижимаюсь к теплой груди, щурясь от удовольствия и перевожу тему.

— Расскажи что-нибудь.

— Например?

— О себе.

— Рост 192, вес 84, по гороскопу скорпион, — усмехается он, поглаживая меня по голове.

Я начинаю смеяться, парень в своем репертуаре.

— Мне не нужна анкета с сайта знакомств. Какой ты? Я ведь даже не знаю, сколько тебе лет, — я поднимаю голову и ловлю смеющийся взгляд.

— Теперь точно придется жениться на мне, — он усмехается. Я ничего не понимаю, довольный моей реакцией, он продолжает: — Нет, ну а, что я зря тебе свою невинность отдал?

— Кость, не смешно, — и всё же это заявление настораживает, хоть и понимаю, что едва ли является правдой.

— Я и не смеюсь, мне шестнадцать. И я был скромным мальчиком, а ты считай, меня совратила, — старается смотреть на меня серьезно, но срывается на смех. — Ай!

— А то, как же! — фыркаю я, тыкая его локтем в ребра.- Показывай паспорт!

— Да я же шучу, — смеётся, но всё же встаёт и ищет что-то на полу. Включает свет и вынимает бумажник из пиджака. — Вот держи.

Костя протягивает мне водительское удостоверение.

— А теперь понятно, почему ты Кот, буду звать тебя Мурзик, — улыбаюсь я, прочитав фамилию. Костя морщится.

Если сейчас он выглядит довольно юно, то на фото вообще зеленый. Нахожу дату рождения — двадцать седьмого октября ему исполнится двадцать один.

Четыре года. И как-то всё равно уже, нет больше сомнений по этому поводу. Действительно, какое значение имеет возраст, если любишь человека.

— Мой маленький Мурзик.

Я обнимаю его за плечи, целую в щеку. Он смеётся.

— Кто ещё маленький тут.

— Ну, я старше.

— А я выше и тяжелее.

Будто в доказательство, он с легкостью подхватывает меня на руки и кружит, прежде чем вернуть на кровать.

— Тебе, в самом деле, нравится меня так называть?

Я смеюсь в ответ, мотаю головой. Просто забавно, а вообще я не очень отношусь к прозвищам в парах, какими умильными они бы не были.

— А тебя как мне тогда называть, Мурка моя? Мурзина Анна, как по отчеству?

— Андреевна, — улыбаюсь я. Слишком милый момент, чтобы ворчать на него, говорить, что торопится.

— Мурзина Анна Андреевна, тебе пойдет моя фамилия, — смеюсь, он нависает надо мной и чмокает в кончик носа. Я не нахожу, что на это ответить и просто обнимаю его, трусь кончиком носа о его нос. — Моя любимая девочка.

Сердце подскакивает от этого почти признания. Оно трепещет в груди как большая бабочка. Перед глазами плывёт от внезапно выступивших слёз.

— Всё в порядке? — он спрашивает растерянно, целует мои мокрые щеки. — Я тебя чем-то обидел?

— Нет. Я просто, — говорю и сквозь слёзы улыбаюсь от счастья. — Люблю тебя очень, Костя.

Зрачки его расширяются, а губы тут же расходятся в радостной улыбке.

— Сама не знаю, как это вышло. Ты просто был рядом и твоя забота, твои слова...

Я говорю и пытаюсь не плакать, но не выходит. Эмоций столько, что кажется, лопну. Он просто приезжал и был рядом, когда тоска сжирала меня изнутри. Умудрялся находить подходящие слова и слушал. Я знала его так мало, но этого хватило понять, что он тот самый человек.

— Не плачь, маленькая моя.

— Останешься со мной сегодня?

— Конечно.

Он целует меня в губы, и стремится спуститься поцелуями на шею. Его возбуждение красноречиво намекает на продолжение.

Кот, сидевший на подоконнике, дергается. Выгнув спину дугой и распушив хвост, принимается воинственно урчать на темноту за окном.

— Птица наверно, — смеюсь я, глядя, как хмурится Костя.

Его взгляд, устремленный за окно, настораживает. Брови сошлись на переносице, а глаза потемнели и заблестели недобрым огнем.

Я невольно проследила за его взглядом.

— Да нет, у нас, блть, гости, — сжав зубы, прошипел парень.

За окном на балконе стоял Глеб.

Комментарий к Глава 20

Спасибо за внимание. С нетерпением буду ждать комментариев, очень хочется знать, как вам такой поворот и глава в целом) Для меня очень важно ваше мнение□

===== Глава 21 =====

— У нас гости.

Челюсти сжались, неприятно клацнув зубами. Я набросил плед на девушку, поднялся с кровати и натянул брюки, не утруждаясь поиском трусов. Малость в состоянии, которое сложно назвать каким-либо печатным словом, я потянулся за сигаретами, но тут же себя одёрнул.

Аня сама была в тихом шоке. Натянув плед до подбородка, она переводила взгляд с меня на мажора и обратно. Дверь была открыта, и он уже стоял на пороге. В охалке огромный букет, на лице смурное выражение. Понятно, что увиденное ему удовольствия не доставляло, если он не извращенец только.

Блондинчик тихо хлопал в ладоши, неотрывно смотря на девушку осуждающим взглядом. И в другой ситуации мне бы стало неловко и стыдно, у них вроде как отношения были, и я тут, по сути, влез, разрушил, увёл чужую девушку. А внутри чувствовал странное злорадное ликование.

Хер тебе, выкуси! Не вернется она к тебе.

Аня меня любит, и от этого будто муравьи под кожей бегают и фейерверки запускают. Моя девочка, сладкая, нежная. А всё, что он мне втереть пытался — вода и только. Жалкая попытка заставить сомневаться и уступить. Он видимо привык, что ему достается всё, что он хочет и мириться с обратным не умеет. И походу средства для достижения цели значения не

имеют, даже свою бывшую девушку грязью полить не постеснялся.

— Ань, ты ждала гостей? — девушка мотает головой. Перевожу взгляд на мажорчика.
— Вопрос: чего надо?

— Да вам ребятки в порнушке сниматься, — заторможено выговаривает он и гадко ухмыляется. Не хочу, чтобы он на неё смотрел, и встаю прямо перед ним.

— А ты гляжу, шарить? — видимо, он нарисовался гораздо раньше, чем мы его заметили.

Аня вжимается в матрац, будто хочет провалиться в него. И с одной стороны реакция понятна, а с другой... Она так смущалась, прятала взгляд, можно подумать, что он и не бывший вовсе.

— Seriously, Ань, ты меня вот на этого чёрта променяла? — игнорирует и меня и моё присутствие.

Кулаки сами сжимаются.

— Ты базар-то фильтруй! — одёргиваю его, хватая за отвороты пиджака. Самоуверенная холеная рожа так и напрашивается, чтобы её подправили.

— Руки убери, — смотрит дерзко, но тон голоса подсакивает. — И не лезь, когда взрослые люди разговаривают.

За возраст меня ещё не упрекали. В глаза смотреть он избегает, старается обойти, подойти к девушке, но я нарочно загораживаю дорогу.

— Ты бы хоть таблетки пила, а то такие уроды тоже ведь размножаются.

— Ты тупой или бессмертный? — стараюсь я перетянуть внимание на себя.

Лицо его каменное, только бегающий взгляд выдает волнение.

— Что за жаргон! — театрально вздыхает и закатывает глаза. — Ань, с каких пор тебя заводят быдловатые малолетки?

— Заткнись!

Девушка злобно шипит. Смотрит на него, а в глазах презрение плещется. Ноздри раздуваются, губки плотно сжаты, носик морщится. Маленькая фурия, даже в гневе красива.

— Уходи, Глеб!

— Слышал, девушка беседовать с тобой не хочет.

Одним движением я вытолкнул его в коридор, желая уже выставить за дверь. Руки чесались с балкона выбросить, но сидеть за него желания не было.

— Я сказал, лапы убери! — почти взвизгивает он. — Мне с ней надо поговорить!

— А я сказал, свали, пока направление не задали!

— М-да, — протягивает он, приближаясь почти вплотную.

Мужу на вид за тридцать, и удивляться не стоит тому, что он так акцентирует на возрасте. Крепко же задело, что его на меня променяли. Я выше на голову, но он вроде крупнее, да и ещё раздувается, будто от ощущения собственного превосходства.

Пытается смотреть свысока. Цыкает, оглядывая меня, шарахается от оскаленного черепа на моём плече.

— Где мы, там победа. Ну-ну.

Стою полуголый, как на выставке и этот осматривает меня будто я лошадь или собака, выставленная на продажу. От высокомерного тона я должен чувствовать неловкость, но не выходит всерьёз воспринимать его поведение. Блондинчик сам нервничает, то и дело напрягает плечи, будто сдерживается, чтобы не втянуть голову в них. Держит перед собой букет, прикрываясь им, как щитом.

— Ты пацан, ещё не знаешь, с кем связался.

— Только вот пугать не надо, — давлю смешок, веселят его попытки давить авторитетом.

— А я и не пугаю, — бросает он. — Ты меня не знаешь, если я начну что-то делать, ты не вывезешь.

— И кто ж ты? — гадкая улыбка липнет к лицу. Врезать бы ему и вышвырнуть в подъезд. — Сын богатого папы и не хрена больше. Мажор.

— Я может и мажор, но порядочный гражданин, ценный член общества, а не отморозок вроде тебя и твоего братца.

Я втягиваю воздух, про себя считая до пяти.

— Слышь ты, член! Ситуация касается только нас, не смей приплетать Макса.

— Ой, а что так? Боишься, что она услышит? — хмыкает он. Успел что-то вынюхать не иначе. — А семейка твоя, сестра — шлюха малолетняя. Родители вообще не пойми кто.

— Закройся! — цежу сквозь зубы, кулаки сжимаются. Дышать, держаться. Брешь нащупать пытается, и надавить, сука. — Не твоё собачье дело.

— Не моё. Думаешь, она с тобой останется, когда всё узнает? Ты вообще кто по национальности-то получаешься, чурка?

Последний вопрос мимо пролетает, никогда не реагировал на такие вопросы. Травить кого-то за национальность — детский сад.

Руки немеют, так кулаки сжаты сильно. Чувствую себя не очень. Стою, дышу, пока дерьмом обливают. Терпеть, нельзя поддаваться на провокации. Он ведь только этого и добивается. Изворачивается, старается задеть больнее, ждёт, когда сорвусь. А нервы буксировочными тросами натянуты.

— Да, что с тобой говорить! — отмахивает от меня небрежно. — Ладно, раз нравится подбирать после других, можешь забрать себе её. Хорошая пара — отморозок и шалава.

Тугая пружина, что сжималась во мне, со скрипом распрямилась. Дикая злоба затопила, отдаваясь напряжением в мышцах. То самое состояние, когда будто жалюзи закрываются. Время превращается в кисель, а происходящее выглядит, как в замедленной съемке.

От удара под челюсть он жутко клацает зубами. От второго, алое пятно расплывается на белой рубашке. Он вскрикивает и хватается за нос, падая на пол. Запах крови впивается в ноздри, будоражит. Желание расквасить надменную рожу разрастается, заполняя всё собой, стереть с лица наглую ухмылку и затолкать слова ему поглубже в глотку, заставить навсегда заткнуть брехливую пасть.

Я кидаюсь к нему, отползающему к двери, но понимаю, что меня кто-то тянет назад.

— Не трогай его, прошу тебя! — уговаривает девушка, обхватив меня сзади. Весь вес вкладывает в попытке удержать.

— Аня, отойди! — не говорю, рычу, и девушка вздрагивает, отпускает меня.

— И что, по-прежнему хочешь быть с неконтролируемым отморозком? — кричит он. Взгляд затравленный, озлобленный.

— Представь себе, он меня любит, — отчаянно, но уверенно отзывается она из-за моей спины.

Повисшая тишина, готовая в любой момент разразиться грозой, давит. Хрупкие руки мелко дрожат, но держат меня. Испуг в огромных глазах девушки отрезвляет. Заставляет взять себя в руки. Если я пугаюсь собственного отражения в голубых глазах, то, как сейчас страшно ей. Как напугана эта миниатюрная хрупкая девушка. И в ужасе она не от кого-то, а

от меня.

— Забудь сюда дорогу, — глухо выговариваю, всё ещё сквозь зубы.

— Ещё посмотрим. Я это так не оставлю!

Утирает кровь, отбрасывая цветы. Что же упрямству его стоит только позавидовать или посочувствовать. Он громко хлопает дверью, Аня запирается на все замки и запихивает потрепанный букет в мусорное ведро. В спальне загоняет кота с балкона, закрывает дверь и зашторивает окно.

Я тяжело опускаюсь на кровать. Адреналин, как и волна бешенства, схлынули, оставив смертельную усталость и чувство жгучего стыда.

Она не должна была видеть меня таким. Я боялся, что она перестанет мне доверять. Боялся, что теперь будет видеть во мне того другого, с остекленевшим взглядом и жуткой улыбкой. Не хочу, чтобы узнала хотя бы часть того, что пытался озвучить этот кусок дерьма, предварительно извратив, переврав.

— Костя, — девушка присаживается с краю. Держится на расстоянии, смотрит всё также испуганно. — Я не знала, что он придет, правда. Как он вообще на балконе оказался, не понимаю.

— Там же лестница пожарная, — хмыкаю я. Заприметил её ещё, когда подъезжали. Квартира угловая, как раз балконы на ту сторону.

— Так ведь кто угодно может забраться, кошмар!

— Прости, — выговариваю я, а у самого внутри всё сжимается. — А заступаться то чего полезла, вдруг зашибли бы случайно?

— Я испугалась, — опустила глаза и вся сжалась. — Мне казалось, что ты его убьешь иначе. Ты не думай ничего плохого, просто он...

— Всё ещё тебе не безразличен.

Договариваю за неё как можно спокойнее. Понимаю, что столько лет отношений так просто не вычеркнешь из жизни. Понимаю, но в груди сжимается и печёт от ревности, как крапивой отхлестали.

— Ты дурак?!

Девушка вскакивает, глаза округлились от негодования. Потемнели, как небо перед грозой.

— Чего? — удивляюсь я.

— Я тебя спрашиваю, ты совсем дурак? — смотрит так, будто испепелит сейчас. Я запоздало понимаю, что сказал глупость, и это её задело. — Считаешь, что я от него бы ушла в таком случае? Или, что допустила бы этого? Я испугалась, что ты его покалечишь, и он решит обернуть это против тебя, против нас!

Милый, выведенный из себя ангелочек, заметно смущается, когда бросает взгляд на смятую постель.

— Прости меня, я ляпнул не подумав.

Беру её за руки и притягиваю к себе, боясь, что оттолкнет. Важно сейчас почувствовать её доверие. Ощутить, как успокаивается в моих руках и больше ничего не боится.

— Приревновал, наверное, — странно так, никогда ничего подобного не чувствовал. — Боюсь я, что произошедшее, на самом деле мне приснилось. Ай!

Девушка щипает меня за плечо и улыбается. Подходит ближе, вплетает пальчики в волосы, смотрит в глаза. От мягкого взгляда я невольно начинаю улыбаться, прижимаюсь лбом ко лбу девушки, трусь кончиком носа об её носик.

— Никогда больше так не говори. Всё это реальность, Кость, — говорит мягко, медленно, чтобы лучше усвоил. — А Глеб, он кому угодно под кожу залезет.

Оправдывает меня и вроде приятно, но неловко. Он переврал многое, но и в чём-то был прав, но сказать этого не решаюсь. Поднимать муть со дна мне боязно. Многое случилось в жизни, но это прошлое и теперь самое время там его и оставить.

— Кость, ты мне очень нужен, правда, — заглядывает в глаза. Такая она добрая, сердце тает.

— Ты мне тоже, — шепот получается каким-то надтреснутым. Мурашки по коже от её взгляда, от её слов. Глаза нелепо застит от влаги, которую я поспешно смаргиваю. — Даже не знаю, как жил без тебя всё это время.

Эмоции бурлят, от чувств распирает изнутри. Требуют, чтобы их высказали. И я это обязательно сделаю, как до конца поверю, что это всё реально.

===== Глава 22 =====

Громовые раскаты то и дело заставляли вздрагивать. С неба лило с самого утра, а промозглый ветер, просачиваясь в салон, норовил забраться за шиворот.

— Так, задраить люки! И полный вперед! — улыбнулся Костя.

Выкинув окурок, он поднял стекло и поёжился. От холода или волнения не понятно.

— Прости, заморозил тебя?

— Нет, всё в порядке, — я накинула на плечи его мастерку. От одного запаха, что хранила ткань, делалось теплее.

— Ты бледная, точно всё в порядке? — насторожился парень.

— Да, — кивнула, указав на перебинтованный локоть. — Всегда так, не переживай.

С совершеннолетия сдаю кровь, четырежды в год, бывает и чаще, и к бледности и небольшой слабости уже привыкла.

— Ну, ладно, — протянул мне банку с гранатовым соком.

— Спасибо.

Парень включил печку на полную и мягко поцеловал меня в лоб. Мимолетная ласка затянулась.

От каждого поцелуя с ним у меня подкашиваются ноги, словно в первый раз. И так сладко, что отрываться не хочется совсем. Когда его руки снова и снова возвращаются к груди, а затем спускаются под подол платья, я издаю сдавленный стон. Ощущая приятные теплые волны внизу живота, чуть сползаю в кресле и запрокидывая голову назад. Прикосновения горячих губ к коже распалют желание, одних только пальцев мало, хочется большего. И рука сама находит напряженную ширинку, пальцы борются с ремнём, но безуспешно.

Над ухом я слышу сдавленный озорной смешок.

— Ага, и я ещё и развратный.

— Центр города, — глупо хихикаю я, прижимаясь к нему. — Ты, в самом деле, развратный.

— Аня, Аня, что же ты делаешь со мной?

— Что? — улыбаюсь я.

Парень смотрит на меня затуманенным взглядом и ласково целует в висок.

— С ума по тебе схожу, — его телефон настойчиво вибрирует. — Блин! Извини. Да,

мам?

Жар отступает, и мысли фокусируются на предстоящем знакомстве. От волнения опять начинают трястись поджилки.

Не люблю я знакомства с родителями. Все приторно вежливы, оценивают, рассматривают, делают замечания. Впрочем, это мой опыт, необязательно, что и сейчас так будет.

— Ну, теперь точно поехали, — парень закончил разговор и расплылся в довольной улыбке. — Наконец-то познакомлю вас.

— Как думаешь, я им понравлюсь? — слышу нотки хрипотцы в своём голосе.

Ещё не хватало потерять его именно сейчас! Представляю глаза родителей, когда войду я. Вся такая воздушная и с голосом пропитого мужика.

Боюсь сделать что-то не то, сказать что-то невпопад, неправильно себя повести. Лёгкая паника захлестывает, и Костя это замечает. Не сбавляя скорости, берёт меня за руку.

— Всё будет хорошо, Ань. Они самые обычные люди, без заморочек.

— Я верю, но ничего не могу с собой поделаться. Вдруг скажу что-нибудь не то?

— Что, например? — смеётся парень. Успокаивает меня и всё же сам волнуется. — Просто будь собой. Да и вообще, как ты можешь не понравиться, ты ведь самая лучшая?

— Возгоржусь же теперь, зазнаюсь.

Спокойствие и лёгкий настрой передаются и мне. Парень прыскает со смеху, не забывая следить за дорогой.

— Вполне можешь себе позволить, — смотрит на меня с восхищением. От этого взгляда мне всё ещё неловко, никогда никто так на меня не смотрел. — Я тоже немного волнуюсь.

— Тоже боишься, что я не понравлюсь твоим родителям? — хмурюсь я.

— Да нет же, просто это впервые, — без колебаний признаётся Костя. — Мне никогда не приходилось знакомить девушку с родителями.

— Врёшь, — я смеюсь, но это скорее от удивления.

— Не-а, — парень мотает головой. — Раньше у меня ничего серьёзного не было. И смысла в знакомстве тоже не было.

— А у нас выходит всё серьёзно?

Губы расплываются в улыбке. Сейчас будет неловко, если парень подумает, что у меня нет такого решительного настроения.

Я не пыталась анализировать, просто жила этими чувствами. И меня вроде и пугает предстоящее знакомство, и что всё так быстро развивается, но серьёзность Кости не смущает. Не хочется притормозить его, одёрнуть, сказать, что об этом думать рано. Что плохого в том, что мы будем не только ночевать вместе?

И хоть никакого разговора о том, чтобы съехаться не было, я понимаю, что вроде как и не против, хотя и текущая ситуация меня вполне устраивает.

Я регулярно остаюсь у него на ночь. Так странно и забавно тихонько пробираться в свою комнату по утрам, чтобы не разбудить старшего брата. Можно подумать, он меня отругает и посадит под домашний арест. Внутри такое волнение, будто мне семнадцать и возвращаюсь с первого свидания.

Однажды я всё же выдала себя скрипом половиц. «Да хватит уже шифроваться, можно подумать не понятно, что ты была у мужика своего», — сонно проворчал Пашка и заулыбался, когда увидел меня, такую же сонную в прихожей.

Ещё более неловко было, когда брат с утра обнаружил Костю в моей кровати. Парень

так продолжал дрыхнуть, а Пашка хихикал надо мной и со словами «пойду, чайник поставлю» удалился на кухню.

Официально мы встречаемся, наверное, пару недель.

Уютно, как ни с кем другим. Приятно, когда забирает с работы и привозит к себе, а там приготовлена постель и небольшой перекус. Огромное удовольствие доставляет приходиться к нему на работу и приносить обед и свежую выпечку. Из меня стряпуха никакая, благо он любит булочки из кофейни, что недалеко от моего дома. Душа радуется, когда вижу, как сосредоточенность и хмурость на его лице сменяется откровенной радостью, когда ему сообщают о моём приходе.

Нравится гулять с ним за руку по центру. Приятно не опасаться и, наконец, разобравшись в себе, быть с любимым человеком.

Не спешим, но посматриваем объявления, представляем, какую квартиру снимем. Мечтаем, как будем делать ремонт, и обставлять её вместе.

Костя общается с Олегом, я даже удивилась, когда узнала, что они успели созвониться и общаются едва ли не со дня знакомства. Как-то парень провёл с другом оба своих выходных. Чинили машину, пили пиво, играли в приставку — в общем, занимались типичными мальчишескими делами. И мне было вдвойне приятно видеть, что парни вроде как подружились, их общение протекало без какого-либо дискомфорта. Радовало, что никто из них не воспринял другого в штыки, что Костя не ревновал и не пытался рассорить меня с Олегом. Что Олег в свою очередь не пытался доказывать мне, что Костя плохой человек и ему рядом со мной не место.

Всю дорогу до соседнего города мы, как ни в чём не бывало, болтаем о всяких мелочах. За разговорами время летит незаметно, да и ехать нам пришлось недолго, минут сорок.

Я с интересом смотрю на мелькающие слева пятиэтажки, представляя, что где-то здесь и рос Костя. Ходил в школу, играл в песочнице и проказничал.

— Была тут когда-нибудь?

— Нет, не приходилось.

Сквозь приоткрытое окно просачивается аромат копченостей. Живот начинает урчать от аппетитного запаха. По правую руку от дороги расположились частные дома, в одну из улочек между которыми мы и сворачиваем.

— Мы уже на сорок третьем, — парень отвечает на звонок, смеётся. — Сейчас будем, точно. Я уже запах завода чую.

— Потеряли?

— Вроде того.

— А сорок третий — это что?

— Ну, типа район. Вот эта часть, где частный сектор, — отзывается Костя, попутно помахав какому-то прохожему.

Мы подъезжаем к большому одноэтажному дому, обнесённому зеленым палисадником. Добротные металлические ворота, за которыми начинает гулко лаять собака. Ухоженные цветочные клумбы и черный кот, сидящий на заборе. Уже снаружи ощущается уют.

— Каково жить в частном доме?

— Да нормально, дел только много, — парень жмёт плечами. — Здравствуйте.

В ответ бабушка через дорогу приветливо кивает. С Костей останавливаются поздороваться, перекинуться парой фраз ещё пара-тройка человек. С большим городом и не сравнить, все друг друга знают. Меня окидывают внимательными взглядами. Один парень,

примерно ровесник Кости, пытается заигрывать, но тот быстро ставит его на место.

С тортом и цветами в руках я захожу во двор. Костя несёт два больших пакета с продуктами.

— Дым, успокойся! — командным голосом парень пресекает начавшего лаять с новой силой серого пса. Тот, узнав хозяина, начинает вилять хвостом. — Не бойся, он не достанет.

— Влад, дети приехали!

Я поднимаю голову и на высоком крыльце вижу очень красивую женщину восточной внешности. Стройная, черные волосы убраны в толстую косу, темные миндалевидные глаза с интересом изучают меня.

— Здравствуй, Анечка, — улыбается она, заключая меня в объятия. — Очень рада, что мы, наконец, познакомились. Я мама Кости — Джан, если удобно можешь звать меня Жанна.

— Мам, потом будете обниматься, руки полные, — больше шутя, возмущается Костя. Ставит пакеты и обнимает нас обеих.

— У вас очень красивое имя, — улыбаюсь я. Никогда такого не слышала, мысленно проговариваю его.

— Спасибо. Ну, давайте проходите в дом.

Костя оказался прав, меня тепло приняли сразу. Мама его и вовсе общалась со мной так, будто это была уже не первая наша встреча. Владислав был более сдержан, но это компенсировалось доброй улыбкой.

Нас, наверное, решили откормить впрок. Стол ломился от разнообразных блюд. Вкуснейшая выпечка, после булочек с маслинами и вовсе пальцы хотелось облизывать. Парень не без удовольствия поглаживал живот, откинувшись на спинку дивана. Доев очередной хачапури, он сыто улыбался.

— А это он у бабушки, смотри какой пухлый, — мама Кости показывала мне фотографии. Типичный ритуал для таких мероприятий, чувствовался по-особенному тепло. Запах выпечки и травяной чай только усиливали атмосферу уюта.

— Ну, знаешь, на её лепешках иначе никак, — улыбался парень.

Потихоньку добрались до армейских фото.

— А с проводов нет? — улыбнулась я, разглядывая изображение парня в парадной форме. — Интересно посмотреть.

Я подняла глаза на Джан, она растерянно смотрела на сына, поджавшего губу.

— Завалились, наверное, куда-то, — пожала она плечами.

Их напряжение читалось легко, даже отец Кости помрачнел от чего-то, но приставать с расспросами я посчитала невежливым.

— А Алинка где? — перевёл разговор Костя.

— Она же в лагерь уехала, — отозвался его отец.

Разговор потёк в другое русло.

Чуть позже мы ушли отдохнуть в комнату Кости.

— Значит, в тебе течет восточная кровь? — интересно находить общие черты между ним и его матерью. Парень очень похож на неё, в тоже время чертами лица и фигурой видимо в отца.

— Ага, — кивает он. — Семья мамы переехала в Абхазию незадолго до её рождения, из Измира.

— Измир, — я напрягаю память, что-то знакомое.

— Турция, — договаривает Костя, и добавляет, чуть смеясь. — Так что перед тобой на половину горячий турецкий мужчина.

— Горячий — не то слово.

Он прижимает меня к себе, его дыхание обжигает губы. В предвкушении закрываю глаза. Губы сливаются в осторожном, но пылком поцелуе.

Чувствую, как начинает колотиться его сердце, а мои щеки гореть. Руки сами скользят по его плечам, тело льнет к нему.

Парень толкает меня к столу, и подхватывает было на руки, чтобы усадить на него.

— Кость, за стенкой твои родители, — задыхаясь от желания, шепчу я.

— Ага, — выдыхает он, спускаясь поцелуями на шею.

Они такие горячие, голова кружится, и хочется большего так сильно, что ещё немного и сдержаться уже не выйдет, но парень берёт себя в руки и отстраняется.

— Сегодня ночью спать не получится, — улыбается. Чертики в глазах идут в пляс, но он всё же выпускает из жарких объятий и даёт осмотреться.

— Мило у тебя, — улыбнулась я, проведя пальцами по медалям, аккуратно развешанным на видном месте. — Не знала, что ты спортсмен, хотя по твоему телу очевидно.

— Скажешь тоже, — усмехнулся он, немного смущенно. — Это ещё со школы.

— А чего дальше не пошел?

— Да как-то профессиональный спорт — не моё. Травмы там и всё такое.

— Понятно. Тебе очень идет форма, не хотел остаться в армии?

Черный берет, тельняшка, суровый взгляд и едва уловимая усмешка, не врал Стёпа, когда говорил, что у парня отбоя от девушек не было. Мало того, что форма, у него типаж такой. Парня просто нереально не заметить.

— Не-е! За год служба заманала, — засмеялся он, откидываясь на кровать. Полуторка жалобно скрипнула под ним. — Не косил, но и в восторг меня это не привело, отслужил и до свидания. Дембелька осталась, хочешь, покажу? Я немного поправился, но она, наверное, всё ещё как раз.

Костя быстро переоделся, затянул ремень и встал передо мной прямо, как в строю перед генералом не меньше.

— Вау, говорю же, идёт, — с восхищением выдохнула я. — Можно, берет померить?

А дальше мы принялись фотографироваться. Я верещала от восторга, глядя на результат. Мы так веселились, что не заметили Владислава, стоящего на пороге комнаты.

— Пап, ты чего? — обернулся к нему Костя.

Мужчина только мягко улыбнулся и, мне показалось, что смахнул слезу.

— Ничего, радуюсь за вас, вы так смотрите хорошо вместе.

— Пап, — стушевался парень. — Спасибо.

— Ой, а это гитара? — я заприметила гриф, торчащий из-за кровати. — Ты ещё и на гитаре играешь?

— Ну-у так, — попытался было отмахнуться Костя.

— Он ещё и поёт, — слова Владислава вызвали ещё большее смущение у парня.

— Да ну блин, — чуть покраснев, он взъерошил волосы.

— Давай, спой что-нибудь, — начал подбадривать отец сына. — Давай нашу?

— Пап, давай оставим её до ноября.

— Ну, тогда мою любимую.

— Я её уже не помню толком.

— Ты начни и само пойдёт, — не унимался мужчина.

И парень сдался. Длинные пальцы любовно прощлись по грифу. Он настроил гитару, и какое-то время медленно перебирал струны, прислушиваясь, как звучит инструмент.

— Тогда подпевай, — улыбнулся он, переведя взгляд на отца.

После ритмичного проигрыша остановился, чтобы негромко запеть под мелодичные звуки.

— Дай мне руку друг, — низкий голос парня звучал тихо, думалось, что ему нужна распевка после долгого перерыва. — Вот моя рука...

Владислав подхватил сразу, его голос хоть и подрагивал, но звучало очень красиво.

— Будем жить, старина. Пока в жизни есть вера и слово друг...

На звуки песни заглянула Джан, присела рядом со мной, прижимая к груди полотенце.

— Я так давно не слышала, как они поют, — она тяжело втянула воздух, показалось даже, что едва сдерживает слёзы.

Поддавшись какому-то порыву, она обняла меня и с улыбкой слушала, как поют отец и сын.

Песня кончилась, но парень продолжал перебирать струны. Выглядел отстранённым, будто о чём-то задумался.

— Её первый раз играю, вроде на слух подобрал, но не обессудьте, — в голосе парня слышалось небольшое волнение.

Я сразу узнала знакомый проигрыш в начале.

Выбор песни меня удивил, была уверена, что такое он не слушает.

Парень пел так искреннее, пропуская через себя каждую эмоцию. И если обычно, слыша, как кто-то другой поёт песни любимой группы, меня тянуло сказать, что лучше оригинала никто не исполнит, тут я молчала, впитывая каждую эмоцию, каждую интонацию парня.

— Всё это можно представлять, но зачем, — он поднял на меня взгляд, излучающий физическое тепло. Взгляд прямиком в сердце.

У Кости голос был ниже. В нём слышалась какая-то усталость, такая же звучит в голосе человека, вернувшегося домой после долгого пути. А ещё я слышала радость и будто бы надежду. В груди у меня словно распустила крылья огромная бабочка.

— Я так счастлива, что он снова по-настоящему улыбается, — женщина прошептала это, пряча слёзы.

Она так радовалась вещам, которые казались обыденными. Конечно, это навевало мысли о чём-то тяжёлом, но я слушала, как поёт парень. Поёт, смотря на меня, не отрываясь.

— Есть выход простой. Я хотел бы попробовать сам, но если только с тобой.

И мне хотелось сказать «давай попробуем».

— Хорошая песня, — хмыкнул отец парня, когда тот закончил петь и отложил гитару. — Запишешь слова мне?

— Да, красиво поёшь, — добавила я.

— Ой, да бросьте, — заулыбался парень, стремительно краснея.

— Вот и я говорю, а он — слуха нет! Ой! — Джан всплеснула руками. — Я же там хачапури поставила, чтобы вы с собой взяли.

— Очень вкусное, кстати, — сказала я, но женщина уже выбежала из комнаты.

— Супруга у меня вообще мастерица, — улыбнулся Владислав, провожая взглядом

миниатюрную фигурку женщины. — Абхазские блюда так вообще, язык свой проглотить можно. Я-то местный, а Джаночка моя оттуда.

— У родителей история похлеще любого романа, будет, — кивает Костя. — Пап расскажи.

— Ой, да ничего такого там нет. Работал на рефрижераторном вагоне, был в Москве и увидел девушку. Как Шурик, когда Лиду увидел свою, так же растерялся. Познакомится, хотел, но не мог решиться и шёл за ней до самого общежития.

— Папа придумал, будто у мамы деньги выпали и так и познакомились.

— Ну да, это сейчас у вас интернет, а тогда совсем всё было иначе. Да кого там, телефонов-то не было у простых людей, но познакомились, дружили. Уже двадцать три года почти женаты.

— А как ты за мамой в Абхазию ездил, там вообще целая история!

С улыбкой, предаваясь ностальгии, Владислав продолжил свой рассказ. Да, путь их оказался сложным. Долго пришлось доказывать серьёзность чувств и намерений. Родители не хотели видеть в качестве зятя человека не их национальности. И всё же с выбором дочери со временем смирились.

— Когда любишь, всё становится неважным, ни национальность, ни возраст, ни религия, — подытожил мужчина, окинув нас усталым, но добрым взглядом. — И если человек твой, за него стоит держаться. Держитесь, друг за друга дети, держитесь.

==== Часть 4. Черно-белые сны. Глава 23 =====

Выглядывая из-за кулис, ищу взглядом двоих, что где-то запропастились. Макс должен был привести Аню ещё минут десять назад, но их всё не было.

«Ну, где вы?» — набираю смс на ходу.

Уже один раз свой выход отложил, поменявшись с ребятами, ещё раз такое не прокатит, потому как выхожу последним.

Руки слегка подрагивают, глазами пробегаюсь по тексту на телефоне.

Не первый раз выступать на людях, но волнуюсь до трясучки. В этот раз и народа больше, наверное, со всей области собрались. Да и сегодня среди толпы будет та, из-за которой и появились эти строки.

«Заши уже» — приходит ответ. Ребята как раз начинают петь вторую песню.

Снова выглядываю. В полутьме девушку не разглядеть, но знаю, что сидеть она должна у барной стойки. На конкретном месте, которое я ранее указал Максиму.

— Кот, ты готов? Через четыре минуты твой выход, — подошел ко мне парень, тот, что ведёт мероприятие.

— Да, — киваю я машинально. Голос просаживается сильнее, чем обычно. В принципе не страшно, что буду звучать чуть ниже, главное, слова не забыть.

— Так, давай повторим. На первом куплете запускаем прожектор по залу, а в начале второго куплета его нужно перевести на отмеченное место? — что-то помечает он в планшете.

— Да, всё верно.

Он уходит, а я опять выглядываю в зал и пью воду. В горле начинает пересыхать, внутри всё трепещет в ожидании.

Я в эту тусовку попал не так давно, сразу после нового года, но меня довольно легко

приняли. Устроился в автосервис работать и, как-то само получилось, что с парнями начали общаться. Тогда же и машину новую купил, тюнингом плотно занялся, и пошло поехало.

Очередная попытка начать жизнь заново, но вроде более удачная. И всё же чего-то в ней не хватало.

Дуэт заканчивает своё выступление и прощается со зрителями. Ассистент кивает мне, когда ребята возвращаются за кулисы.

Я отпиваю немного воды и, выдохнув, выхожу на сцену.

Она не высокая — две-три ступени, и я прекрасно вижу первые ряды. Мои ровесники, кто-то чуть моложе, кто-то старше. Радуются, хлопают в ладоши.

— Всем привет, — говорю я в микрофон. Голос делается ниже и немного хрипит. Прочищаю горло. — Как отдыхается?

Толпа одобрительно гудит. Глазами вновь пробегаюсь по зрителям. Среди них много знакомых, и это немного успокаивает. Выкрикивают что-то подбадривающее, смотрят в ожидании.

Наши привычные тусовки на фоне этой кажутся очень малолюдными, но всё же стараюсь вести себя непринуждённо. Общаюсь с ребятами, улыбаюсь приветливо, ощущая, как уши начинают гореть от смущения.

— Я сегодня позволю себе немного отклониться от темы, но думаю, вы меня поймёте, — говорю и невольно ищу одобрения на лицах. — И, надеюсь, оцените.

Я обернулся и кивнул парню, что выглядывал на сцену. Постепенно свет притушили, и помещение наполнила медленная и очень нежная мелодия, совершенно не свойственная моим прежним стихам.

Парни в первых рядах немного хмурились, вместо речитатива услышав пение. Девушки наоборот смотрели на меня во все глаза, некоторые охали, некоторые слушали, прикрыв глаза.

Я слышал свой голос, и такая манера исполнения не нравилась, но всё же старался не фальшивить.

Пел, а перед глазами одно за другим вспыхивали воспоминания.

Свет фар, выхвативший женский силуэт из темноты. Светлые волосы, рассыпанные по плечам. Уверенный строгий голос, тонкие руки, ореол вокруг головы.

Волосы, развивающиеся на ветру, когда девушка показалась в воротах больницы. Сонное лицо, усталые глаза, легкая походка.

От одного её взгляда потерял тогда дар речи, ухнул в голубую бездну её глаз, не успев глотнуть воздуха. А когда она обернулась и с улыбкой бросила короткое «Берегите себя», сердце заколотилось, как ненормальное.

Помню, как напрягся, когда она позвонила поздно вечером. Летел к этой остановке как можно скорее, опасаясь, что к ней может пристать кто-то.

А как она смеялась со мной, как смущалась, когда вытирал белковый крем с её щёчки. Это её «у меня есть жених!». Раздражало, если совсем откровенно.

Как она не выходила из головы, и я как маньяк смотрел за всеми её страничками. Каждую фотку рассматривал, каждый пост перечитывал и ни по разу.

Как испугался за неё до чертиков и, как взбесился, когда видел её с посторонним парнем в баре.

Как она плакала, прижимаясь ко мне.

Как стояла в моей комнате полуобнаженная. Пьяная, но такая ранимая и красивая.

Как спала на моём плече. Как без смущения рассматривала меня на следующее утро. И как это грело моё самолюбие.

Как меня тянуло к ней всё-то время, что мы были друзьями. Как ревновал её к мажору до белой пелены перед глазами.

Как обнимал её без пошлостей, только как друг, но так хотелось большего.

Как впервые поцеловал её. Нагло и, может, даже грубо. Сердце тогда едва грудную клетку не проломило, так боялся, что оттолкнёт она меня.

Наша первая ночь, окончательно всё изменившая.

Жизнь с чистого листа начала получаться, когда она вошла в неё и осветила всё вокруг своим теплым мягким светом. Ангелочек, не иначе спустившийся с неба прямиком в мои объятия.

Теперь ничего не имело значения. Ни мажор, с его попытками нагадить нам. Ни разница в возрасте, которая так беспокоила девушку.

Даже всё то плохое, что клещами держало, теперь осталось в прошлом и словно потеряло свою силу надо мной.

Мы вместе, а остальное уже не имеет значения.

Среди зрителей замечаю движение, Макс ведёт её в сцене. Аня так явно смущена, щёчки пылают, глаза горят, когда смотрит на меня.

Между куплетами встречаю её у ступеней.

— Привет, — и голос дрожит от волнения. Всё ещё кажется, что это нереально.

Она улыбается и выглядит немного напуганной. Глазами распахнутыми смотрит на меня, когда заканчиваю петь, держа её за руку.

— Мне больше не нужен никто, — дважды повторяю я, а в её голубых глазах стоят слёзы.

Девушка прикрывает губы ладошкой, будто сдерживает всхлипы. Если будет теперь плакать, то только от счастья, я всё для этого сделаю.

Я боюсь, что такое выражение чувств может стать провальным. Что она посчитает меня мягкотелым и чересчур несерьёзным, может, даже решит, что я тороплюсь.

Можно было сделать всё проще, так, чтобы не было похоже на сопливую мелодраму. Можно было, но мне о своих чувствах кричать на весь мир хочется, и я не сдержался.

— Костя, — она улыбается, а глаза поблёскивают.

— Я не умею говорить красиво, но постараюсь, — собственный голос, усиленный микрофоном, кажется слишком низким.

Позади меня остановился парень-ведущий и протянул букет. Я благодарно кивнул.

Продолжил было говорить, но закашлялся. Внутренности завязывались в узел от волнения.

— Я стараюсь не давать клятв, потому что не знаю, что ждёт нас завтра. Как в один вечер, одна единственная встреча может изменить всю жизнь. И знаешь, я очень рад, что тогда свернул именно в тот двор.

Девушка не сводит с меня глаз и что-то хочет сказать, но голос её не слушается. Тихо она всё же выговаривает:

— И спасибо тебе за это, ты самый настоящий герой.

И эти слова что-то задевают во мне. Тешат самолюбие и в тоже время слегка, но болезненно задевают старую рану. Как же хорошо, что я успел тогда.

— Спасибо тебе. Я люблю тебя, только теперь понимаю, как это, — я протягиваю ей

цветы, девушка принимает их и прижимается к груди, бросается в доверительно распахнутые объятия. — Погоди, это ещё не всё.

Из кармана достаю небольшую коробочку. И немного отстраняюсь, чтобы поймать её взгляд.

Девушка смотрит на меня не то напугано, не то шокировано. Красивые губы дрожат, она то и дело кусает их, а глаза блестят всё так же восторженно.

— Ань, ты выйдешь за меня? — аккуратное колечко из белого золота. Топаз, цветом схожий с её глазами, мягко поблёскивает.

Она смотрит на кольцо, хлопает глазами в растерянности. Я замер и весь зал тоже. Тишина такая вязкая и плотная, что слышны шумы аппаратуры. Спиной чувствую напряжение, кажется, не только я жду ответа с диким волнением.

— Да, — хрипло шепчет она, прижимаясь ко мне. — Боже, Костя... я... конечно, согласна.

— Я тебя тоже, больше всего на свете, — отвечаю, целуя её в висок. Уже в микрофон добавляю: — Она сказала «да»

И весь зал взрывается. Хлопают в ладоши, кричат поздравления. Напряжение моментально улетучивается и остаётся только безграничная искрящаяся радость. И сердце колотится, как ненормальное, от счастья.

Я уже надел кольцо на палец, когда девушка изменилась в лице. Что-то позади меня заставило её хмуриться.

Едва успел обернуться, когда её вырвали из объятий, а меня сбили с ног.

Крики, шум, нездоровая возня, топот тяжелых ног.

Аня рвется из чужих рук, что-то кричит. Делаю усилие, чтобы освободиться и броситься к ней, но меня только крепче прижимают к полу и холодно требуют лежать.

И среди всего этого сумбура слышу голос Максима, настойчиво кому-то что-то доносящий.

— Где ордер? — требует он. — Уверен, это какая-то ошибка.

Ищу его глазами, но натыкаюсь на строгие туфли и поднимаю взгляд вверх. Мужчина, одетый по гражданке, но лицо его узнаю сразу. Он пристально смотрит на меня, изучая холодным взглядом.

— Мурзин Константин Владиславович, вы обвиняетесь в преступлениях...

Я сглатываю, когда он начинает перечислять статьи, одна другой страшнее.

— Бред! С какого, — бросаю я в попытке оправдаться. Внутри закипаю от возмущения, капитан перегибает палку.

Макс жестом даёт знак заткнуться, что я и делаю. Сам понимаю, что от волнения могу ляпнуть, что не нужно. Тут любое слово, даже ничего на первый взгляд не значащее, может сыграть против.

Я неотрывно смотрю на девушку. Вижу, как вытягивается её подбородок, как в панике округляются глаза. Она слушает, как полицейский зачитывает мне права и в отчаянии мотает головой. Вижу по глазам, она не верит в происходящее, не верит словам капитана.

Не верит, а мне даже сказать нечего. Нечем оправдаться, поэтому, когда нас расталкивают по разным машинам, пытаюсь докричаться до неё.

Она смотрит всё также испуганно и порывается ко мне, но её грубо запикивают в машину.

— Её куда? Её отпустите, она здесь не причем! Аня, слышишь? Верь мне, пожалуйста.

Это недоразумение.

Мог бы вырваться, сил хватило бы, но остатками здравого смысла понимаю, что такое могут принять, как за сопротивление при аресте, или, того хуже, за нападение.

Глубоко в душе, я знал, что день, когда придёт пора отвечать за сделанное настанет. Знал, но убеждал себя, что этого не случится. Макс уверил, что моего имени не будет даже в списках свидетелей, но и он не всемогущий.

Дергаюсь, скорее на рефлексках. Слишком сильно выкрутили закованные в браслеты руки.

— Да угомонись ты! — удар под дых выбивает воздух, в груди разливается пульсирующая боль.

Мир вокруг тускнеет.

===== Глава 24 =====

Сидя на заднем сидении, я то и дело оглядывалась на полицейский УАЗ, едущий следом и крутила кольцо с крупным топазом, которое едва успел надеть на мой безымянный палец Костя.

— Да. Везём уже, везём.

Полицейский, сидящий рядом с водителем, говорил с кем-то по телефону. Заинтересованный взгляд, бегло брошенный на меня, не мог не напрягать. Я молчала, пытаюсь переварить происходящее.

Вечер обещал быть романтичным, хоть сначала и заставил понервничать. Из дома меня забрал Максим, и ничего не объясняя, повёз куда-то. На все вопросы улыбался со словами «всё увидишь». Мы подъехали к ночному клубу среднего пошиба, но увидев машину Кости, я успокоилась.

Мы вошли, присели за барную стойку. В помещении было довольно много людей, некоторых из них я уже видела раньше в компании Кости. На невысокой сцене красиво пели парень с девушкой. Не надеясь добиться ответов от Макса, я заказала себе легкий коктейль и слушала песню. Парень читал, девушка пела припев удивительно чистым звонким голосом. О машинах, молодости, дружбе и о людях, объединенных общим делом.

Когда увидела на сцене Костю, испытала гамму эмоций от растерянности до восторга. Он приветствовал слушателей, судя по радостным возгласам, его были рады видеть. Парни подбадривали, девушки радостно повизгивали. Вокруг то и дело слышались восхищенные девичьи вздохи и перешептывания.

Низкий баритон, усиленный микрофоном, заставил посторонние голоса стихнуть. Внимание присутствующих было приковано к нему одному и, казалось, его это не смущало ни капли. Отрешенный от происходящего вокруг, парень эмоционально пел, то активно жестикулируя, то прижимая руки к груди. Я искренне залюбовалась им.

На припеве я невольно начала покачивать головой в такт, но растерялась и съежилась, когда луч прожектора, блуждающий по залу, внезапно остановился на мне. На меня начали оглядываться, кто с любопытством, кто с недовольством. От пристального внимания я ерзала на стуле, но голос Кости успокаивал и придавал уверенности. Плечи как-то сами расправились, а взгляд устремился на него.

Даже на таком расстоянии я ощущала его взгляд, чувствовала его тепло и волнение. И хоть читал он для всех, слова были предназначены мне — «в тебя влюбился всерьёз». Грудь

распирало от эмоций, от трепетного ощущения счастья.

— Идём, — Максим потянул меня за руку.

— Куда?

Я растерялась, но ответ уже знала. Мы шли к сцене. У ступеней уже ждал Костя и тянул ко мне свободную руку.

Ошарашенная, потрясенная до глубины души я не сводила с него глаз. Он продолжал петь, держа меня за руку.

С каждым словом его голос приобретал всё более теплые нотки. Наши пальцы переплелись, и это прикосновение совсем немного, но успокаивало. Я прижала руку к груди, сердце бешено колотилось, и готово было вырваться. Перед глазами начинало плыть от непрошенных слез. Я была растрогана этим признанием, сделанным публично и так красиво. Не верилось, что в обычной жизни такое бывает, больше походило на красивую мелодраму.

Я ещё не знала, что ей суждено превратиться в отвратительный криминальный сериал.

Стихла музыка и была не менее красивая речь и предложение, кольцо в бархатной коробочке. А потом я заметила какую-то суету на входе в зал, и всё завертелось каруселью.

Люди в масках, заломленные руки, крики. Костя, прижатый к полу. Мужчина тычет удостоверением в лицо и зачитывает обвинения, чеканя сухой интонацией статьи. Цифры повисают в воздухе, часть пролетает мимо ушей. Я ничего в этом не смыслю и от этого только страшнее.

Максим ведёт себя сдержанно, вежливо, но твёрдо говорит с полицейским. Покидая зал в сопровождении двух полицейских, я успеваю заметить, как досматривают ещё нескольких парней.

— Её куда? Её отпустите, она здесь не причём! — Костя кричит, когда нас распахивают по разным машинам. — Аня, слышишь? Верь мне, пожалуйста. Это недоразумение.

Единственное, что я понимаю из перечисленного полицейским — убийство. Мне страшно, но я ни на секунду не верю. Костя может и дерзкий, язык не всегда держит за зубами, но он добрый. Он не способен на такое.

Он в наручниках, лицо почему-то в крови. Макс кричит ему, чтобы и слова без него не произносил и садится в машину, чтобы следовать за нами. Оглушенная, я не сразу понимаю, что меня куда-то везут, по сути, не за что. Мне ничего не было предъявлено, ни слова не сказано. Просто запихнули в машину, посадив по обе стороны двух здоровых мужиков в масках.

Костю сразу уводят вглубь отделения, ко мне резко теряют интерес все. Мои вопросы игнорируют, к парню не пускают, но отобранную сумку отдают без проблем. Запыхавшийся Макс спешит напрямиком в кабинет.

За спиной я слышу деликатное покашливание. Внутри всё стынет от ужаса, когда я оборачиваюсь.

— Что, не задался вечерок? — хмыкает мужчина.

Глеб самодовольно улыбается, глядя на меня растерянную и ничего не понимающую.

— Что ты тут делаешь?

Голос меня не слушается. Сипло шиплю, а он, молча, хватая меня за локоть и тащит к выходу.

— Пусти! — пытаюсь вырваться, но он не реагирует.

Меня не слышно толком, но, что иду не по своей воли очевидно, но никто не торопится мне на помощь. Тот же полицейский, что ехал со мной в одной машине, кивает ему,

провожая взглядом. Глеб уведёт меня, и никто не остановит. Кости нет рядом, Макса тоже.

— Не трогай меня!

Мы уже на улице. Мелко накрапывает дождь, пахнет теплым мокрым асфальтом. Мужчина держит меня мертвой хваткой, пресекая малейшие попытки вырваться. Я изворачиваюсь и резко бью его, пытаюсь попасть в кадык, но промахиваюсь, попадаю ниже. Глеб на секунду теряется, а потом оглушительный удар обрушивается на меня. Хлесткая пощечина, наотмашь. В глазах темнеет, но на ногах я всё же удерживаюсь.

— Заткнись, сука! — злобно шипит Глеб, больно впиваясь пальцами в плечи.

Он запикивает меня в машину, как котенка. Швыряет на заднее сидение и блокирует двери.

Голос пропадает, я даже шептать не могу. Дикий животный страх охватывает, лишая воли, лишая способности шевелиться.

Как безвольную куклу, мужчина заволакивает меня в квартиру и также швыряет на пол в прихожей.

— Я говорил, что так это не оставлю? Говорил, — ровная интонация ледяного голоса, а глаза горят от бешенства.

— Ты совсем спятил! Что ты творишь, Глеб? — слова даются с трудом.

Я пытаюсь подняться на ноги и только сейчас замечаю, что квартира разгромлена. Неужели ограбили, но эту мысль отметаю сразу. Глеба обстановка похоже не удивляет. Меня не должно быть тут. Мне нужно к Косте, нужно узнать, что же случилось. Я бросаюсь к двери, в надежде, что он успокоился и даст мне уйти.

— Не хочешь быть со мной?

Мужчина срывается на крик. И толкает меня. Я налетаю на дверь, едва успев коснуться ручки. Хватаюсь за ушибленный лоб, но Глеба это не останавливает. Схватив за волосы, он волоком тащит меня в гостиную и толкает куда-то. Поясница вспыхивает от внезапной боли, журнальный столик выдерживает меня, хоть и жалобно хрустит.

— Прекрати, мне больно!

— Тебе больно? — орет, как обезумевший. Нависает надо мной и хватается за волосы, заставляя смотреть ему в глаза. — Думаешь, мне не больно было, когда узнал, что ты с этим малолеткой спуталась?! Ты об меня ноги вытерла, а мне терпи? Приятно, думаешь, было смотреть, как он тебя трахает, а?

— Прошу тебя, успокойся, — пытаюсь говорить спокойно. Он вроде и не пьян, но ведет себя неадекватно. — Отпусти меня, и мы поговорим спокойно.

— Эта херня со мной не сработает! — он взрывается ещё сильнее. — Опять хочешь от меня слинять? Я тебя сейчас верну обратно, определят тебя в камеру с кавказцами на ночь, глядишь поумнеешь!

Вспоминаю реакцию полицейских на по сути похищение — полный игнор, они не заинтересованы меня спасать. Смотрю в глаза неотрывно. В них злоба граничит с безумием, надменность, самоуверенность, он знает — ему ничего не будет. Он спокойно может выполнить угрозу.

— Тварь, если бы не я, где бы ты была сейчас, а? — он дергает волосы, я сдерживаю крик. Неправильный взгляд может окончательно вывести его из себя, не то, что крик или попытка сопротивляться. — И это твоя благодарность? Думаешь, он лучше меня? Любит тебя, да?

Измывается, кривляется злобно, пытаюсь изобразить мою интонацию. Наконец,

отпускает. Провожу пальцами по волосам, часть из них остаётся у меня в руке.

— Вот, полюбуйся на своего Костеньку!

Бросает мне какую-то папку, говорит уже спокойнее, ждёт. Я открываю её на автомате. Ворох бумаг, частями покрытый печатным, частями рукописным текстом, печати, подписи, должности...

— Что это? — поднимаю глаза и спрашиваю растеряно. Не могу взять в толк, что к чему. Зачем он дал мне это и, причем тут Костя.

— Это, — мужчина ухмыляется гаденько. — Назовем это досье, твой ненаглядный уже давно в разработке у ментов.

Он не может остановиться и продолжает говорить, а я сжимаю голову, затыкаю уши. Не хочу слушать, как он поливает парня грязью.

— А чего, ты послушай! — Глеб повышает голос, стараясь докричаться до меня. — Он преступник, Анечка. Он неадекват. Собрал таких же отморожков и творил дела. Увлёкся и забил человека до смерти.

Он говорит много и долго. Хватаюсь за листы в отчаянии, пробегаюсь глазами по тексту. Подозреваемый и полное имя рядом. Костя...

Не верю, это всё не доказано!

Комкаю листы, отшвыриваю их от себя подальше. Не хочу касаться всего этого, это не может быть правдой. Горло разрывает жалобный вой, когда вникаю в смысл сказанного Глебом.

— Ему светит лет двадцать минимум, а то и больше! — он пристально смотрит на меня, прищуривается. — Как думаешь, у него есть деньги на хорошего адвоката? А уж он ему сейчас понадобится. И Сизый ему в этот раз уже не поможет.

Адвокат. Откуда у него такие деньги. И если хоть часть сказанного правда, то... сердце обливается кровью, рвётся из груди. А у Глеба связи, и одержимость, он всегда получает то, что хочет.

Говорит про Макса. И это «в этот раз»... такими словами просто так не бросаются. И всё же я не верю, хоть и понимаю, что такие страшные обвинения на пустом месте не вырастают.

— Я могу решить его проблемы вот так, — мужчина звонко щелкает пальцами. — Просто прими мои условия.

— Чего ты хочешь?

Ком подступает под горло, кое-как его сглатываю. Смотрю в глаза, хотя его взгляд и давит морально, превращает мысли в жижу.

— Хочу, чтобы ты вернулась ко мне, только и всего.

— Ты серьезно? — с губ едва не срывается смех, вовремя давлю его. По глазам вижу — не шутит.

— Вполне. Нагулялась и хватит, со временем я смогу простить тебе шашни с ним, — пытаюсь сказать, но он жестом обрывает меня. — Так, в ближайшее время ты уволишься с работы и заберёшь документы из института.

На мой ошарашенный взгляд, он улыбается вроде как по-доброму.

— Поженимся. Будешь, как и положено при муже. Будешь хранить очаг, ужин мне вкусный готовить, детей родишь уже, наконец.

— Глеб, ты... я же не люблю тебя.

Голос звучит жалко, сама себе противна сейчас, но если он говорит правду.

Перед глазами лицо Кости в момент, когда его запихивали в машину. Испуганное, но не за себя, за меня. Я верю ему, но Глеба знаю слишком хорошо. Капризный, избалованный ребенок, неуправляемый, если чего-то не получает.

— Ну, это не мои проблемы, — развёл руками. — Нет, ты, конечно, можешь сейчас уйти и что? Будешь ждать его с зоны, ездить к нему? Только живым он оттуда не выйдет, уж поверь.

Мужчина ухмыляется, а я чувствую физическую боль. Он не посмеет. По собственной прихоти не уничтожит жизнь молодого парня. Не посмеет, но по глазам вижу обратное. Ни перед чем не остановится, не побрезгует даже самыми грязными манипуляциями, только чтобы получить желаемое.

— Хорошо, я останусь с тобой, — на одном дыхании выдаю. Больно, дышать тяжело, но успокаиваюсь мыслью, что сейчас сделаю всё, как он хочет, а потом придумаю, что-нибудь. Только бы Костю отпустили, — Но учеба, ты возместишь расходы за моё обучение?

Само как-то в голове всплывает, и Глеб напрягается, счёт идет на большие деньги. Медицинский — это дорого, и он об этом знает.

— Ладно, так и быть, — смягчается. — Можешь закончить учебу. А сейчас поговоришь с этим. Говори, что хочешь, но звучать это должно так, будто ты сама решила его бросить.

Как я должна это сделать? И снова на весах чувства и здравый смысл. Не выполнять условий Глеба, но тюрьма...

Мужчина тем временем с кем-то говорит по телефону, просит дать поговорить с парнем. Даже не просит, указывает и почти тут же протягивает телефон мне.

— Костя, — в глазах стоят слёзы, стараюсь стереть их.

— Аня, всё в порядке? — взволнованный голос, ласкает как бархат. И от осознания, что мне предстоит сделать, сердце рвётся.

— Да, я нормально.

— Девочка моя, всё будет хорошо, — слышу, что он улыбается. Я сжимаю кулак, короткие ногти больно впиваются в ладонь. — Макс уже занимается этим, ты же мне веришь?

— Конечно, я верю, — шепчу, стараясь подавить волнение. Он не должен понять моего состояния. Глеб показательно поднимает папку. — Я звоню по другому поводу. Я... Кость, мы должны расстаться. Ты хороший, но эта жизнь не для меня.

Молчание. Тягостная, вязкая тишина забивается в горло, не давая возможности говорить нормально.

— Что? — переспрашивает он. Голос судорожно вздрагивает, от чего в груди, будто дыру пробили. — Ты сейчас серьезно?

— Прости, Костя... прости. Так будет лучше для всех.

Короткие гудки обрушиваются градом. Я смотрю на дисплей и чувствую, что по щекам катятся слёзы. Костя, если бы я могла, поступила бы иначе. Если бы могла что-то придумать, обернуть ситуацию. Я бы сделала.

Я люблю его так, как никогда ещё не любила никого и теперь уже не полюблю, но я не могу разрушить его жизнь и потом улыбаться, глядя ему в глаза. Пусть ненавидит. Пусть, считает продажной и лживой. Злость лучше, забудет быстрее, но будет жить дальше на свободе.

Вещи собираю под недоумевающий взгляд Паши. Глеб внизу, ждёт в машине.

— Я всё решила, — хочу сказать твёрдо, чтобы и сомнений у него не осталось в моей уверенности, но дрогнувший голос выдаёт моё волнение.

— А парень тот, Костя?

От упоминания о нём, грудь пронзает ноющая боль.

— Это было ошибкой, — отворачиваюсь, чтобы брат не заметил слёзы, готовые хлынуть из глаз.

— Уверена?

Он перехватывает мои руки, смотрит пристально. Взгляд поднять я не решаюсь. Паша может что-то заподозрить, уже подозревает.

— Да, — выдыхаю я. — Так будет правильно.

В этот же день подаю заявление на увольнение. Главврач удивлен, как и остальные коллеги. Я стараюсь улыбаться, объясняю это тем, что решила посвятить себя семье. Я на хорошем счету и, скрепя сердце, но мне идут навстречу и отпускают без отработки.

Держу в руках документы и иду до машины. Слёзы душат, проглатываю их как могу. Жизнь рушится. Сама её рушу, своими же руками. Глеб хочет отобрать всё. Сначала Костю, теперь работу. Еще один кусок моей жизни больно вырывают.

— Держи.

В машине Глеб протягивает мне новую симку. Старую забирает и, переломив напополам, выбрасывает.

— Я бы больше был доволен, чтобы ты вообще удалила свой инстаграм и другие страницы, но это будет подозрительно. Так что давай, блокируй этого отморозка, — бросает мужчина безапелляционным тоном и смотрит. Я стараюсь даже взгляда не поднимать.

Дрожащими руками захожу в соцсети. Удаляю Костю отовсюду и блокирую. В сети он не был со вчерашнего вечера.

— Физиономию можно сделать менее постную? — фыркает мужчина, поднимая моё лицо за подбородок. Отбирает телефон и прижимает меня к себе. — Ну, ничего, так даже романтичнее. Давай, обними меня, невеста.

Он обнимает меня так, чтобы я прятала лицо на его груди и делает фото. Что-то печатает и демонстрирует мне экран телефона.

— Издеваешься? — вырывается у меня негодуяще, когда вижу новый пост в инстаграме. «Счастье, когда рядом любимый» — Любимый?

— А, что нет? — мужчина стискивает моё плечо до боли и окатывает ледяным взглядом. И я смолкаю, опуская глаза. — Сопли вытри, сейчас в ЗАГС поедem. И вот, ты кое-что забыла.

Он протягивает кольцо, которое когда-то дарил на помолвку. Под пристальным взглядом, я надеваю его. Стильное, с увесистым бриллиантом, любая бы позавидовала. Кольцо Кости я сняла ещё ночью, спрятала в ванной. Туда, куда Глеб точно не полезет, среди полотенец.

Дальше всё закручивается бешеной спиралью. Не знаю как, но ему удастся договориться в ЗАГСе, чтобы дату регистрации нам назначили раньше чем через месяц.

Две недели пролетает в подготовке к празднику. Всем занимается Глеб и его родители. Игорь Владимирович искренне радуется за нас, Илона всем своим видом показывает недовольство, но помалкивает.

В свадебном салоне со мной случается истерика. Смотря на себя в пышном платье, я начинаю давиться слезами. Я хотела, чтобы всё было иначе. Чтобы Лера помогала мне выбрать платье, чтобы Костя был рядом, чтобы держал меня за руку и назвал своей девочкой.

Убегаю в примерочную и, не снимая платья, падаю на пуф. Давлю плач ладонью. Дышать не могу, так больно видеть себя в этом красивом платье и не с тем мужчиной. Свекровь в шоке, консультант тоже, пытаются шутить, списывают всё на стресс.

В назначенный день мы входим в зал дворца бракосочетаний, под торжественный марш. Я наглоталась валерьянки и вроде держу себя в руках и больше не реву, но сердце ноет. Олег, Лера и Паша присутствуют, улыбаются из вежливости, но осуждающие взгляды слишком явственны.

Заветное «да» произношу на автомате, чувствуя, как внутри всё выгорает, ничего кроме липкой черной пустоты. Банкет в ресторане проходит, как в тумане. Я просила Глеба расписаться тихо, но он захотел пышного торжества в одном из дорогущих ресторанов. Захотел свадебную фотосессию, голубей, огромный торт, фату с длиннющим шлейфом, фейерверки. Красиво, с размахом, а меня тошнит от всей этой фальшивости. И всё же натянуто улыбаюсь гостям, принимая поздравления.

Брачную ночь провожу в ванной. Глеб запер меня в квартире и куда-то уехал. Мне даже лучше, не могу представить, как могла бы спать с ним. Я сижу под душем, слезы смешиваются со струями воды, от холода уже колотит. Вот бы и внутри всё замерзло, чтобы не чувствовать ничего.

Через пару дней уже получаю новые паспорта. Самойлова, новая фамилия никак не укладывается в голове. И вроде смирилась, но накрывает отчаянием. Мы улетаем в свадебное путешествие, которое проводим в основном порознь.

Я сижу на балконе. Пытаюсь дышать полной грудью, пытаюсь греться под ласковым солнцем, хожу на пляж, пытаюсь отвлечь себя книгами. Иногда ко мне присоединяется Глеб, чтобы сделать несколько фото, которые тут же оказываются в ленте.

Спустя десять дней мы возвращаемся.

Ему многое не нравится. Моя кислая мина и то, как я поправилась, пока не была с ним. Не нравится, что я равнодушна к нему и не пытаюсь его соблазнить. Сам тоже не торопится с этим, за всё время ко мне даже не притронулся. Так и сказал, что ему противно после другого. Мужчина не стесняется упрекать меня этим. Да и в целом моей жизнью до него.

Глеб требует идеальной чистоты в доме и за малейшую пылинку награждает крепким подзатыльником. Не устроивший его ужин с легкостью отправляется в мусорное ведро. Мужчина так же проводит ночи где-то за пределами дома. Теперь скрывать этого даже не пытается.

Я предпочитаю молчать. Терпеливо принимать затрецины и оскорбления и ждать.

С Костей не связывалась, даже не пыталась. Глеб ежедневно проверял мой телефон, это же было с социальными сетями. Надеялась, что всё у Кости хорошо. Надежду Глеб у меня отобрать не может.

Состояние было подавленное. Дикая усталость накрывала с самого утра, все время хотелось спать. Внутри будто образовалась черная дыра, высасывающая из меня все силы и желание жить.

С сентябрем начинается учеба и становится чуточку легче. Муж отвозит меня на учебу и забирает. Шага не дает ступить без надзора, но в академии я хотя бы дышать могу спокойно.

Иногда, кажется, что начинаю сходить с ума. Вижу Костю, не самого его, а машину.

Вижу её на парковке у академии, на выезде из нашего двора. Один раз показалось, что она ехала за нами от дома и до учебы.

Я безумно тоскую по нему. Не хватает его улыбки и теплых слов. Пусто без него. Снится почти каждую ночь. Снится, что снова вместе. Что за руку держит и пальцы целует. Что прижимает к себе, пока спит. Утрами просыпаюсь с ощущением его присутствия и едва сдерживаюсь, чтобы не рыдать, когда понимаю, что это уже не так. И никогда уже этого не будет.

Удалось спрятать цепочку Кости, на ней крестик и армейский жетон. Снял, перед тем как спать лечь, оставил на тумбочке, так и не забрал. Только это от него у меня и осталось. Пока Глеба нет дома, достаю из своего тайника под раковиной и держу в руках, глажу пальцами. Напоминание о большой любви, о времени, когда казалось — это навсегда. Эти чувства, эмоции, которые были с ним пережиты.

Всё помню, каждую минуту с ним, каждое слово, каждую улыбку мне подаренную. Пусть и короткое время, но я всё же была счастлива.

Знаю, что за всё нужно платить, но неужели такова цена за моё такое яркое, но недолгое счастье?

Не узнаю себя. Всегда была готова идти на компромиссы, но никогда не была такой безвольной, будто отупевшей от всего этого сюрра, что твориться вокруг.

Понимаю — это не жизнь. Нужно что-то сделать, что-то придумать. Вырваться из-под строгого надзора Глеба и попытаться связаться с Костей, но мужчина и шагу без него ступить не даёт. И страшно, безумно страшно от того, что он может натворить.

«Однажды ему это надоест, и он меня отпустит», — повторяю себе это постоянно. Зная, как быстро Глеб перегорает ко всему, так и должно случиться. Только нужно подождать, но сколько?

Комментарий к Глава 25

Новая глава во вторник. Спасибо за прочтение!)

===== Глава 26 =====

Теплый сентябрь не хотел мириться с тем, что он уже осень. Жара держалась, и даже в середине месяца не собиралась отступить. Выйдя на крыльцо академии, я вдохнула терпкий осенний воздух и оглядела стоянку в поисках машины Глеба.

Легкий ветер взъерошил волосы. Я поспешно пригладила их, вырванные клочки начали отрастать, но пока приходилось их прятать под косым пробором. Руки закрывали длинные рукава. Глеб, попробовав безнаказанность, теперь ею упивался.

Мог больно схватить, ударить или толкнуть, если я вела себя как-то не так по его мнению. И я всячески старалась сглаживать все углы, не потому что смирилась или нравилось притворяться мученицей. Я просто ждала, когда он расслабится и потеряет бдительность.

Я снова огляделась, парковка была забита, машина Глеба так нигде и не обнаружилась. Решила пройти дальше, возможно, он не нашел место и стоит у остановки, но и там его не было.

Глянув на время, я спохватилась. Сегодня отменили две последних пары, Глеба просто не могло тут быть, потому что сообщить ему об этом не успела, сама минут десять назад узнала.

Решила вернуться к зданию академии и позвонить ему. Создавать конфликт на пустом месте хотелось меньше всего.

- Вообще не смотришь, куда едешь! – вырвалось у меня.

Прямо перед носом, перегородив дорогу, остановилась машина. Я подняла глаза от телефона, чтобы высказать незадачливому водителю всё, что о нём думаю и осеклась.

До боли знакомая черная Приора, привычно наглухо тонированная, только музыка не играет.

Стекло медленно опустилось.

Я почувствовала, как не к месту на лице образуется улыбка.

За рулем был Костя. Выглядел он, как и раньше, только что был коротко обстрижен. Видеть его здоровым и свободным – породило необъяснимую радость, которая растаяла от жесткого холодного взгляда.

- Поговорим, – по коже мороз прошел от ледяного тона. Это не было вопросом, и спорить я даже не подумала. Послушно села в машину, как и раньше, на переднее сидение.

Не глядя на меня, парень перестроился и развернулся, направляясь по ощущениям за город. Стоило напрячься, но я привыкла ему доверять и даже сейчас чувствовала, что ничего плохого он мне не сделает.

Пока ехали, я рассматривала его хмурый профиль. Скулы стали острее, щетина небольшая покрывала подбородок.

Он остановил машину у леса, вдали от шумной трассы. Насколько же он нервничал, что не хотел говорить в дороге, хотя внешне никак это не показывал.

- Прогуляемся? – предложила, чтобы прервать затянувшееся молчание, неловко было от его брезгливого взгляда, которым он сверлил меня.

Парень кивнул и вышел из машины.

- Номер сменила, – смерил взглядом, стылым холодом пробрало от него. – Заблокировала меня везде, решила рвать с концами?

Мне есть, что сказать, столько всего хотелось ему объяснить, но не могу. Уже рискую, разговаривая с парнем, находясь с ним наедине. Я не должна быть тут, Глеб взбесится и может натворить дел, если узнает. И всё же не могу остановиться, смотрю на него исподтишка, прямо стыдно.

- И как, прежняя жизнь лучше? – слова жалят больно, но я продолжаю молчать. Под подошвами конверс шуршит палая листва. Поют птицы, мы углубляемся в лес всё дальше. Костя будто и не ждет ответа, продолжает. Выплевывает резко, горько: – А слова твои? Что любишь, врала, значит?

Что мне ему ответить? Я ведь, правда, любила и всё ещё люблю его. В мыслях он, во снах всегда снится, и просыпаюсь в слезах, потому что не могу больше его обнять, не слышу его голоса, не могу почувствовать прикосновения шершавых ладоней, не могу увидеть игривую улыбку и черных глаз, в которых искорки дерзкие пляшут.

- Игралась со мной, понравилось?

Он произносит громче, я понимаю, что уже какое-то время иду одна. Костя стоит позади, руки скрещены на груди, ноги широко расставлены. Он словно закрывается в ожидании удара. Может, ждёт, что я начну оправдываться или пытаться его разуверить, убедить в обратном.

Чтобы я не сказала, всё будет выглядеть ложью, подспудной попыткой оправдаться. Не зная настоящую причину, он мне не поверит.

Подходит почти вплотную, от тяжелого взгляда кровь в жилах стынет.

Замечаю шрам на щеке, которого не было раньше. Свежий, едва заживший.

- Что это? – тихо спрашиваю, порывисто касаясь его кончиками пальцев.

- А тебе не насрать? – обрывает он, отдёргивая мою руку, стискивая запястье. Резко так, сердце больно сжимается.

Глаза, почти черные от злости и боли. Он ведь никогда не простит меня.

- Ань, я же верил тебе! Верил. Ну, скажи что-нибудь!

Голос дрожит. Низкий, отдающий сталью. Парень прижимает меня к дереву, нависает угрожающе. От него всё так же пахнет, уютно и по родному, хочется прижаться к груди и обнять.

- Всё слишком сложно, ты не понимаешь.

- Ну, так объясни! – обрывает злобно, бьет кулаком по стволу дерева. Сильно, со всей дури, сухая кора отлетает, рассыпаясь в труху.

Я вздрагиваю. Уже видела его злым, но чтобы настолько... Испуг пробирает до костей, заставляя внутренности сжиматься в комок.

Он ловит мой взгляд, и на секунду я вижу в его глазах те же самые чувства. Так он смотрел на меня после драки с Глебом, когда обнимал и прижимал к себе.

Внутри сжимаюсь, боюсь, что оттолкнет, и пойму, если так сделает. Поднимаю руку и кладу на рвано вздымающуюся грудь парня. Сердце его неровно бухает, колотиться, будто не желает удерживаться за ребрами.

Ладонь скользит по торсу, всё такому же крепкому. Кажется, он стал даже рельефнее. Замечаю, как приоткрываются влажные упрямые губы, а в глазах загорается такой знакомый блеск. Те самые искры, что намекают на растущее возбуждение. Он вспыхивает, как спичка. С жаром прижимает меня к дереву и впивается в губы долгим, жадным поцелуем.

Он толкает меня на мастерку, брошенную впопыхах за сухую листву.

- Я тебя ненавидеть должен, - шепчет, впиваясь поцелуями в шею. И сквозь желчь в голосе слышится желание, контролировать которое у него не выходит. – Ты со мной, как с игрушкой, а тебя всё равно... Ведьма.

Он пытается расстегнуть платье, но дергает слишком резко и часть пуговиц с треском разлетаются.

От поцелуев на шее немного больно, он кусает кожу, впивается в неё губами. А я, как изголодавшаяся жмусь к нему, стягивая футболку. Голова кругом, разум, как в тумане от его прикосновений, жадных несдержанных, что впиваются в меня до красных отметин. Кажется, оттолкни он сейчас, и я дышать не смогу.

Как же мне его не хватало. Этой жаркой ласки до стонов, переходящих в крики. Его тела, горячего твердого, которое я жадно ощупываю, впиваюсь в плечи. Ногти немного отросли, и с непривычки я царапаю парня. Он шипит, но не останавливается, продолжая целовать с жаром. Руки всюду, пальцы. Не думая, что кто-то может услышать, я не сдерживаю себя. Стоны будто раззадоривают его ещё больше.

На щеках румянец, взгляд опьяненный, затянутый страстью. Он согревает и распалает желание, хотя казалось невозможно хотеть сильнее. Грудь ноет от возбуждения, внизу живота зреет желание, распалается всё больше и жарче.

Бесстыдно мокрая, доступная, разгоряченная, я шепчу его имя. Без капли стеснения, шепчу, как сильно хочу его, как скучала.

Его вторжение отзывается легкой болью, парень замирает и смотрит на меня будто

растерянно. Стоит встретиться взглядами, как пожар разгорается с новой силой.

После я лежу, прижавшись к нему всем телом. Он глубоко дышит, опалая горячим дыханием макушку. Закрадывается сумасшедшая мысль, что может мы сможем быть вместе хотя бы так. Украдкой встречаясь, когда есть возможность. Руки обнимают меня крепко и ласково, но это не длится вечно.

Костя шарит рукой, достает из кармана пачку сигарет. Выпускает меня из объятий, натягивает джинсы и садится, повернувшись спиной. Она вся в отпечатках от моих ногтей.

Я боюсь даже шелохнуться, напряжение раскаляет воздух.

Чувствую горький запах, парень курит. Глубоко затягиваясь, выпускает клубы дыма, прежде чем начать говорить.

- Кайфово с тобой. Ты яркая такая, горячая, – произносит на выдохе, голос мечтательный с примесью горечи. Я не жду ничего, но всё же в груди печёт от боли. – Жаль, что больше такого не будет, но как-нибудь переживу. Будем считать это последним аккордом.

- Кость.

Начинаю, сама не зная, что хочу ему сказать. Мне неприятно и гадко, стыдно, но все же боль сильнее. Сбиваюсь, парень продолжает.

- Ты теперь замужем, – сжимаю губы, всё же заметил кольцо. – А третьим в отношениях не буду. Нахавался вдоволь, больше не надо. Знаешь только, что обидно...

Парень сплевывает и продолжает, на меня всё так же не смотрит.

- Я ведь тебе, правда, поверил. Влюбился, радовался чему-то, жениться хотел, чтобы всегда вместе. Придунок.

Он обхватывает голову руками, хочет взъерошить волосы привычным жестом, но они слишком короткие. Столько боли и желчи в голосе.

- Я не держу зла, всё же понимаю. В глубине души всегда это знал, кто он и кто я – сопляк двадцатилетний, ни кола ни двора.

К горлу подкатывает ком, чувствую, как губы дрожат. Часто дышу, пытаюсь успокоиться.

- Живи дальше, за меня не переживай. Только не делай так больше. Не лезь в душу, чтобы потом туда плюнуть.

Каждое его слово, как нож в сердце.

Молчание затягивается, я привожу себя в порядок, насколько это вообще возможно без зеркала.

- Как ты, Кость? – задаю вопрос, на который не решила вначале разговора. Мне просто нужно убедиться, что с ним все нормально. Что и Глеб выполнил свою часть сделки, и полиция от Кости отстала. Он непонимающе смотрит на меня, я уточняю. – То недоразумение, с полицией всё разрешилось?

Парень пожимает плечами. Мнётся, но всё же говорит.

- Я под подпиской, но всё должно разрешиться. Остальное тебе знать не нужно.

Чеканит сухо, а я до боли кусаю губу. Под подпиской о невыезде, выходит, следствие идёт, и обвинения не сняты?

Глеб же обещал, что проблемы Кости закончатся! Он же не мог так поступить, не хочу в это верить, но иначе происходящее не объяснить. Обманул меня, решил устранить Костю из моей жизни наверняка.

- Идём, отвезу тебя обратно, – парень стоит и тянет ко мне руку, помогает подняться.

- Отвезешь? – удивляет это. После всего что случилось, что мы друг другу наговорили, он ведёт себя достойно.

- Да, а что такое? – удивляется искренне. – Даже если ты и вышвырнула меня из своей жизни, неужели думаешь, что я брошу тебя посреди леса?

Слова ранят, но он прав. Вышвырнула, его глазами так оно и выглядит. Наигралась и домой, под крыло богатенького лопуха.

Сглатываю ком, незаметно вытираю слёзы. Как теперь оставаться с Глебом? Я ведь всё сделала, как он хотел, но тюрьма Косте по-прежнему угрожает.

Как можно пасть так низко? Шантажировать, угрожать и ломать жизнь другому человеку, он ведь добился, чего хотел!

Уже в машине я набираю смс Олегу. Отдаю себе отчёт в том, что Глебу ничего не стоит усугубить дела Кости, но и видеть его теперь не могу.

Нужно что-то придумать! Должен быть другой выход!

«Ты дома, один?» - пишу другу.

Если говорить Лере, узнает и Паша. Боюсь его реакции, Олег всё же сдержаннее и рассудительнее. У него спокойнее, можно будет пересидеть, пока внутри бушует буря. И он полицейский, вполне может подсказать, как поступить дальше.

«Да, Поинка у матери сегодня» - отвечает моментально.

Хорошо, не хватало ещё напугать мою крестницу своим зареванным лицом. Перед глазами начинает плыть от влаги, но пока держусь. Костя не должен этого видеть. Знаю, как он реагирует на мои слёзы.

«Я приеду?»

«Конечно»

- Тебя туда же вернуть? – холодно спрашивает Костя. Я раздумываю, попросить высадить меня где-нибудь на остановке.

- В Коркино можешь отвезти?

- Легко, тут даже ближе, – кивает парень.

Через каких-то двадцать минут, я стою у дома Олега.

Хотелось сказать что-нибудь Косте. Не важно, что, это только повод задержать его. Слов не находится и я выхожу из машины, бросив сухое «пока».

Только захожу в подъезд, как в спину ударяет визг шин и громко орущая музыка, приправленная ревущими басами.

Дверь квартиры открыта, Олег уже ждёт меня.

Он, что-то говорит, но я не слышу. В ушах шумит.

Я потеряла Костю, и его судьба всё ещё висит на волоске. Глеб подло обманул меня, воспользовался ситуацией, сыграл на чувствах и теперь при случае ему есть, чем давить на меня дальше.

Я не могу, не хочу без Кости. Теперь чувствую это остро, и сердце колотится на разрыв, больно бьётся о грудину.

Не могу!

Ноги подкашиваются, и я сползаю на пол прямо в узкой прихожей. Зажимаю рот руками, чтобы сдержать рвущий горло жалобный вой.

- Не могу! – вырывается сдавленное, меня трясет, а болезненный вдох застревает в горле. Истерика, остановить которую я не в состоянии. Слишком долго сдерживала эмоции.

Нужно что-то придумать, но я не знаю, что сделать.

Грудь разрывают рыдания. Не могу дышать нормально.

- Аня!— Олег подлетает ко мне и пытается поднять на ноги. Не выходит, и он садится рядом, трясет меня, пытается привести в чувства. – Что случилось, Малая?

Он отстраняется, осматривает меня и хмурится, когда достает из волос листок. Взгляд цепляется за помятое платье, исцарапанные колени, и сухие травинки, застрявшие в одежде и волосах. Цепким взглядом осматривает шею, удерживая меня за подбородок. Стягивает джинсовку и видит оторванные пуговицы и синяки на плечах. Они уже начали заживать, но парень не замечает этого, смешивая всё увиденное в одну кучу.

- Кто? – сквозь шумное дыхание спрашивает он.

Перед глазами плывет, лицо горит от слёз, в голове пульсирует от истерики, но испуганные, наливающиеся бешенством, глаза отрезвляют. Только сейчас доходит смысл вопроса.

- Ань, кто это сделал? Успокойся, дыши, слышишь? Вот, так.

Делает вдох, ждёт, когда я повторю и выдыхает.

- Это не то, что ты подумал, – всё ещё заикаясь, начинаю я.

Ему не нужно переспрашивать, слова льются сами. Сначала в разную, сумбурно пытаюсь рассказать ему о сегодняшнем разговоре.

- погоди, я ничего не пойму. Идём.

Парень помогает мне подняться. Мы проходим на кухню. Олег копается в холодильнике, накапывает в стакан с водой пустырника, судя по резкому запаху, размешивает и протягивает мне.

- Ром ещё есть, но ты же крепкое не пьешь, – я киваю, выпивая раствор залпом. Парень тем временем садится напротив и ждет. – А теперь рассказывай, что натворил Костя? И, вообще, куда ты пропала?

И я начинаю с самого начала. Рассказываю, как Костя делал мне предложение, как ворвались полицейские в масках и, как задержали парня, обвинив в тяжких преступлениях. Как из полиции меня забрал Глеб и, что было потом.

У Олега кулаки сжимаются, а жилы на шее вздуваются, но парень не перебивает меня. Я снова срываюсь на плач, когда рассказываю о сделке, на которую мой, теперь уже муж, заставил пойти. И что он, очевидно, обманул меня. Без подробностей рассказываю о случившемся сегодня между мной и Костей.

- Тихо. Тихо.

Друг обнимает меня. Ровный голос успокаивает, но мне по-прежнему страшно. Телефон я выключила и не удивлюсь, если Глеб рвёт и мечет от того, что не может меня найти, но говорить с ним сейчас я боюсь. Я не знаю, как себя вести и, что делать дальше. Растерянность опустошает.

- Что мне делать? – всхлипываю я.

От выплеснутых эмоций легчает, но неизвестность убивает. Я не знаю, я просто не знаю, как теперь выйти из сложившейся ситуации с наименьшими потерями.

Друг берёт моё лицо в ладони и смотрит с сочувствием.

- Ты сейчас умоешься и ляжешь отдохнуть, а лучше поспишь, - говорит утвердительно, мягкая, но уверенная интонация успокаивает. - В ванной с верёвки возьми любую футболку, там все чистые.

Я киваю и плетусь умываться.

Олег уже ждет в зале, расстилая на диване простыню.

Вроде укладываюсь, но напряжение внутри давит.

- Нужно что-то сделать, Олег. Я не могу просто лечь спать, - я дёргаюсь, но парень не даёт подняться и тяжело вздыхает.

- Сделаем, а сейчас поспи. Утро, вечера мудренее, слыхала?

Веки действительно слипаются. Нервная встряска израсходовала все силы, организму требуется восстановление. Олег укладывается рядом, заматывая меня в одеяло, как в большой уютный кокон. Отогревает в тесных теплых объятиях.

- Спасибо тебе, ты столько делаешь для меня.

- Ерунда, – добродушная улыбка на веснушчатом лице. – Для чего ещё нужны друзья? Всё, закрывай глаза и спи, а Рыж тебя посторожит.

Сквозь слёзы, я улыбаюсь. Прямо как в детстве и слова всё те же. Когда наши родители были в ночные смены и если выключали свет, я со всех ног бежала к нему. С самого детства он был моим защитником.

И сейчас я заблудилась. Запуталась в собственных решениях и мыслях, а он снова рядом, чтобы не дать рассыпаться на части.

Комментарий к Глава 26

Новая глава в эту пятницу. Знаю, что график выкладки очень сильно скачет и прошу прощение за это, учебный год не щадит никого □

Спасибо за прочтение!)

===== Глава 27 =====

Деревья за окном проносятся одним сплошным зелено-желтым пятном с редкими вкраплениями красного.

Хочется утопить педаль газа ещё больше, но скорость уже на пределе. Трасса пустая, я резко выкручиваю руль, входя в поворот едва ли не боком. Когда удерживаю машину от ещё большего заноса, на короткие секунды становится легче. Всё внимание на дорогу и больше никаких мыслей в голове, они могут стоить жизни в такие моменты.

Далеко впереди замечаю свет фар и сбрасываю скорость до разрешенной, но проехав немного, сворачиваю на проселочную дорогу и останавливаюсь где-то в поле. В таком состоянии нельзя садиться за руль, сам ладно, других угробишь на раз-два.

Сердце колотится, будто хочет проломить грудину. Каждый удар больно отдаёт в левую руку.

Обнаруживаю себя сидящим на земле возле машины. Вторая пачка сигарет за день подходит к концу. Я опять стал много курить, и это не хорошо, но иначе не выходит. Рука сама тянется, трясётся. Они постоянно трясутся последнее время. Всё нервы, но это пройдет, когда она отпустит.

Кажется, что всё происходит не со мной. Какой-то тягучий черно-белый сон, в котором даже шевелиться нормально не получается. Я хотел, думал, что прошлое не вернется. Хотел отпустить его, попрощаться навсегда. И готов был уже, но оно жестко напомнило о себе, вырвав из меня надежду на светлое будущее.

Маски шоу, капитан — старый знакомый. Непонятно с чего вообще возобновили дело почти годичной давности, и из свидетеля я резко превратился в обвиняемого. И ничего не поменялось: доказательства только косвенные и те за уши притянуты, свидетели

ненадежные. Появился один какой-то, кто и откуда я так и не понял, который вроде как готов был дать показания, но почему-то не давал.

Долго и упорно же меня прессовали. Могли не кормить сутками, допрашивали в основном ночами, в камере держали одного, без свиданий, без звонков. Не били, но запугивать пытались, угрожали, хотели вывести, чтобы написал чистосердечное признание. Всё как в стрёмных фильмах о злых полицейских, разве что пыточных в подвале не было. Мне, как и Макс, казалось, что это всё неспроста. Будто намеренно кто-то взялся. Не могли понять только за меня или за конкретное дело. Сомнения усилились после той долгой холодной ночи.

Машинально потираю ещё розовый шрам на щеке. Свежий, едва успевший зажить, он начинает слабо пульсировать, будто реагирует на воспоминания.

Я всегда спал крепко, но тогда просто лежал, прикрыв глаза, как чувствовал что-то. Сперва, когда загромыхал ключ в замке, даже не отреагировал, мало ли вдруг кого-то привели. Тихие шаги двух пар ног и взгляд, даже сквозь веки ощущал, что меня изучают, ждуть чего-то. Шелест голосов, возня.

Глаза открыл, когда кожей ощутил резкое колебание воздуха.

Двое. Крупные, широкие в плечах. Ремень, который почти накинута на шею, отлетел куда-то. Едва успел увернуться от удара под дых и выскользнул из захвата.

На этот раз блеск металла я заметил вовремя, нырнул в бок, чтобы врезаться под челюсть. Лезвие ножа ужалило щеку, сантиметр-полтора и остался бы без глаза.

На шум набежали полицейские. Растащили, этих двоих увели. Пытались спрашивать, что случилось. Они отнекивались, вроде как упали. Звучало глупо и неправдоподобно, но я прикинулся дурачком и кивнул, мол, так и есть.

Их увели, но остаток ночи я не смог уснуть, мерил тесное пространство шагами. От осознания начал бить озноб — меня едва не убили. И вроде не было страшно, но сама мысль не давала уснуть. Вот я лежал и спал, а вот меня уже нет. Накинули удавку и всё, а на утро охранники мои решили б, что сам вздернулся. Осознал свою вину, раскаялся и не смог жить с тяжким грузом на душе.

После этого Макс смог вытащить меня под подписку о невыезде. Чего это стоило брату, я так и не узнал. У него были связи, но даже их сейчас хватило только на это. Остальное должен был решить суд, дату заседания которого все никак не могли назначить.

Максим твердит, что всё серьезно. Работает с адвокатами. Требуется, чтобы я сидел дома и никуда не ввязывался. И меня вроде напрягает происходящее, слушаюсь брата. Я осознаю, что мне маячит реальный срок, но относиться к нему со всей серьезностью не выходит. Это кажется каким-то далеким, по сравнению с тем, что вижу в своем телефоне.

Первым делом, как добрался до него, бросился звонить Ане. «Аппарат абонента временно недоступен» — и так всё время.

Я не верил. Даже хоть она позвонила и сказала. Решил, что просто испугалась. Что вся эта ситуация выбила из колеи и, она попросту растерялась. Всего-навсего нужно выбраться и поговорить, наивно думал я. Ведь не могла она так поступить со мной. Не могла говорить, что любит, а при первых же трудностях, бросить?

Моя Аня, та которую я знал, так бы не поступила. И всё же везде заблокировала и меня, и Макса. И номер, по всей видимости, сменила. Хотел через Олега всё разузнать, но тут брат зашел в её инстаграм с левого аккаунта, и всё стало ясно.

Меня как в ледяную воду окунули.

Фотографии со свадьбы, с совместного отдыха на берегу моря. Она рядом с белобрысым. Обнимает его, целуется с ним, запускает сраных голубей и кружится в свадебном танце.

Моя девочка. Та, которая сквозь слезы говорила, что любит. Уверяла, что я ей нужен. Моя девочка вышла замуж за другого.

Думал, дышать не смогу, так больно сдавило грудь, когда понял, что ничего уже не будет. Что ничего из этого не было правдой, а лишь игрой. Развлечением для заскучавшей богатенькой сучки.

Прижимаю ладонь к груди, чтобы успокоить разбушевавшееся сердце. Как же больно, даже сейчас. Зачем она так со мной? Я ведь к ней сразу, искренне...

Всей душой прикипел, оберегал от всего и от себя даже. Верил, слушал, старался поддерживать. Неужели и про всё остальное врала? На жалость давила, манипулировала.

Зачем такие сложности. Ну, хотела она меня, неужели просто не могла сказать об этом? Взаимно же, она красивая и этого не отнять. Трахались бы да и всё, можно подумать, я бы стал отказываться. Сама ведь это прекрасно понимает, но строила из себя недотрогу. Играла жертву обстоятельств, несчастную овечку.

Кулаки сжимаются от злости. Жестокая лживая тварь! Придушить её хотелось тогда. Как из СИЗО отпустили, следить начал, выжидал чего-то, но не приближался.

Макс в бордель притащил, думал отвлечь. Я не смог. Смотрел на тех девиц, красивые, полуголые, а перед глазами она. Будто на сетчатке каленым железом выжгли.

Глаза эти огромные, добрые... смотрит так доверчиво, смеётся. Чистая, искренняя девчонка.

А на деле, похуже этих шлюх. Лицемерная сука.

А сегодня... неужели и сегодня кривлялась? Так искренне улыбалась, глаза светились радостью, когда меня увидела. Как волновалась, когда заметила шрам, как пальчики тряслись, когда прикоснулась к нему.

Я же видел, не мог же так ошибаться! Наговорить можно, что угодно, но глаза ведь врать не могут! Ведь не могут же?

Моя девочка, мягкая, доверчивая. Стонала подо мной, обнимала, целовала как в последний раз. Шептала всякие милые глупости. Прижималась ко мне так, будто от этого зависела её жизнь.

— Да блть! — от воспоминаний так не вовремя накатывает возбуждение. Пальцы ею пахнут. На плечах ноют царапины, оставленные острыми ногтями.

Красивая она, горячая. Хотел грубо с ней, чтобы на своей шкуре испытала, как это когда тобой пользуются. Хотел унижить, поставить на колени, трахнуть жестко, без прелюдий, как вздумается. Думал, если она станет для меня, как все, то смогу переступить и идти дальше.

Когда смотрела на меня с испугом. Когда гладила ладошкой по груди, уже тогда понял, что не смогу так с ней. Всё ещё люблю.

Угораздило же полюбить такую стерву!

Перед глазами плывёт от сигарет. Накуриться бы до беспамятства, чтобы навсегда вытравить её образ из себя.

Сколько там любовь живет? Скорее бы уже...

Телефон валяется где-то в машине, разрывается от звонков. Наверняка Макс потерял или родители. После случившегося меня стараются не оставлять одного, боятся, что вляпаюсь во что-нибудь. Да только поздно. По уши уже увяз в чувствах к этой бессердечной

твари, как в паутине муха.

Берусь за телефон, всё же баба не стоит ни одной нервной клетки близкого человека. Нужно ответить, успокоить, сказать, что в норме. Просто катаюсь, соскучился по машине и городу.

Тебе-то чего надо? Входящий от Олега. А ведь Аня сейчас именно у него. Чего он хочет от меня?

— Алло, — успеваю ответить на звонок, стараюсь говорить спокойно.

— Далеко уехал? — хриплый голос звучит спокойно, но натянуто. Вроде не злой, напряженный если только.

— Тебе какое дело? — говорить выходит сквозь зубы, хотя он тут и не причём. Кажется, от напряжения даже челюсть свело.

— Не рычи, разговор есть.

— Говори, — выдавливаю из себя.

— Не по телефону. На площадь подъезжай, я скоро туда подойду, — на заднем фоне слышу ветер и шум улицы. Видимо, уже идёт.

— Хорошо, сейчас подъеду.

Сбрасываю и сажусь в машину. Понятия не имею, что мне может сказать её близкий друг. Может, она на меня пожаловалась, и Олег заступаться будет сейчас. Рыцарь, не то, что я.

Запоздало соображаю, что зря, наверное, переспал с ней. Хорошо было, но не в этом дело, мне сейчас ещё обвинения в изнасиловании не хватало только.

На месте первым делом паркуюсь, выхожу из машины и собираюсь осмотреться. На плечо ложится тяжелая рука. Сам не понимаю как, но реакция срабатывает мгновенно. Хватаю запястье, чтобы вывернуть руку и ударить.

— Угомонись, Костян!

У Олега крепкий захват. Без заморочек и выпендрежа, парень удерживает меня за шею одной рукой. Второй крепко перехватил предплечье. Не сдавливают, но дает понять, что в случае чего может и придушить.

— Я тебе не враг, и сюда не драться пришел, — говорит примирительно, ослабляя захват. — Остыл? Теперь давай поговорим.

— Извини, — киваю я.

Действительно неловко вышло. Олег нормальный мужик, да мне ничего плохого не сделал.

— Ничего. Я понимаю — нервы.

Парень присаживается на капот рядом со мной. Молчит, потирая ладони, словно у него руки замерзли. Кусает щёку.

— Я всё знаю, — выговаривает коротко, и под этим «всё» можно понять что угодно. Парень взвинчен. Голос ровный, лицо каменное, но жилы на шее напряжены, того и гляди лопнут.

— Ты о чём?

— Я уже подумал, Анька совсем головой поехала, раз к нему вернулась, но сейчас всё стало понятно.

Перевожу на него вопросительный взгляд. Ему понятно, а я всё больше запутываюсь. От одного упоминания её имени, по коже мурашки бегут. Не выходит её ненавидеть пока, как и разлюбить. Не в раз это всё, как бы ни злился.

На секунду в глазах Олега мелькает растерянность, но он тут же берет себя в руки, чтобы начать.

— Если оправдывать её пришел, то не надо, — обрываю его. — Выбрала его и выбрала, переживу как-нибудь.

— Не перебивай, хорошо? — взгляд исподлобья. Вроде добряк он, но захочет и втащит, даже рука не дрогнет. — Выглядит так, что хожу вокруг, да просто трындец это всё какой-то.

Хочется поторопить, но держу себя в руках. Напряжение ощущается кожей. Воздух наэлектризован, как перед грозой.

— Пришла, ревет в голос, вся помятая. Я сперва подумал, ты с ней... — бросает на меня тяжелый взгляд. — Что обидел её.

— Я бы никогда. — Звучит, как оправдание. Стыдно становится от своих прежних мыслей.

Повисает тишина, он сканирует меня пристальным взглядом. Видимо, пытается понять, говорю ли правду. Может, и имею право ненавидеть её, но пальцем бы не тронул. Я лучше развернусь и уйду, пусть останется недосказанность, чем поднять руку на девушку.

— Самойлов, та ещё гнида, но такого я даже от него не ожидал. Аня тебя не бросала, — парень взъерошивает волосы, переводит дыхание. Я же замираю и жду, сигарету так до рта и не донес. — Это он посодействовал, чтобы тебя закрыли.

— Чего? А она-то тут причем? — ни хрена не понимаю, как это связано. Да и как мажор мог это сделать, уверен был, что ещё зимой Макс сделал всё, чтобы дела замяли. Олег будто предугадывает вопрос.

— У него отец в мэрии не последний человек, связей много. Предполагаю, что сынок этим и воспользовался. Видал я, конечно, разное, но чтобы так. Он решил вернуть Аньку во чтобы то ни стало.

Я бы тоже на его месте попытался, только...

В голове со скрипом проворачиваются шестеренки. Мелькает смутная догадка, а Олег продолжает:

— Когда тебя приняли, именно он забрал её из участка. Не знаю, как оно на самом деле, ты накосячил или зазря на тебя вешают... У него копия твоего дела была. Его он Аньке под нос и сунул. Он поставил ультиматум: либо она свободна, но ты отправляешься в места не столь отдаленные и с большой вероятностью оттуда не возвращаешься, либо она выходит за него замуж, но ты получаешь свободу. Думаю, что она выбрала и так понятно.

В ушах гудит от услышанного, смотрю на Олега и вижу, что не врёт. Верит в то, что говорит, а Аня... Это её нежелание объясняться и вопросы о полиции. Ведь если я для неё ничего не значу, зачем бы ей волноваться обо мне? А спрашивала она явно не для галочки, помню, как смотрела в этот момент, и как лицо её погрузнело от моего ответа. Как по щелчку, картинка проясняется, приобретая четкость.

— Она любит тебя. И, чтобы ты мог жить нормально, решила бросить.

Звучит, как бред, а у меня земля из-под ног уходит.

— Ты как?

Олег обеспокоенно смотрит на меня, придерживает за плечи. Меня всё же повело, слишком это шокирует. Я же знал, что от Глеба этого можно ждать, что угодно. Ведь знал, но забил на него. Расслабился слишком рано, добился её и поплыл от счастья.

— Я нормально, Аня сама тебе это рассказала?

— Да, — Олег кивает, — когда ты сказал, что всё ещё под следствием, она всё и поняла.

Растеряна она и подавлена, не знает, что делать дальше.

Начинает накрапывать дождь, и мы садимся в машину.

— Где она сейчас? — меня прожигает чувство стыда, каким же дураком я был, что не понял этого раньше. Ясно же было, что не всё так просто здесь. Сам не разобрался, так ещё на неё ушат дерьма вылил.

— У меня дома, спать уложил, — Олег жмёт плечами. — Хочешь, поехали. Вам поговорить надо, но только завтра. Пусть выспится, совсем девчонка себе нервы истрепала с этим уродом.

С ним отдельный разговор будет. Кулаки сжимаются, начинаю жалеть, что не добил его тогда. Понимаю это, и холодом окатывает. Чернота липкая опутывает душу, самому страшно от желания сомкнуть пальцы на его глотке.

— Осади, парень, тебе с ним лучше не связываться.

Снова на плечо ложится тяжелая рука. Я стараюсь дышать размеренно, уговариваю себя успокоиться. Олег прав, тут кулаками дела не решить, нужно что-то хитрее придумать.

— Кость, ты пьешь? У меня ром хороший есть, посидим, потрем, придумаем что-нибудь. Черт, извини.

В кармане парня начинает звонить телефон, он отвлекается, чтобы ответить.

— Арин, может, такси возьмешь? Я как бы занят.

В трубке слышу возмущенный девичий голос, я машу, привлекая внимание.

— Если кого подвезти, поехали.

Сейчас понимаю, что если бы не этот парень, я так бы и выл в чистом поле. Не знал бы всего и метался между жгучей ненавистью и любовью, не менее жгучей.

— Ладно, сиди на остановке. Сейчас заберем тебя, две минуты, — он кладет трубку и вроде как оправдывается. — Сестра с учебы приехала на выходные, а погода сам видишь.

— Ага, не волнуйся, сейчас заберем и доставим куда нужно, — малое, что могу сделать для человека, который только что спас любимую девушку из лап мажора, а мне вернул веру в людей. — А потом к тебе.

Олег кивает, а я завожу машину. Минут двадцать — и смогу увидеть свою девочку, пусть даже спящей.

Радость и облегчение заполняют душу, отесняя на задний план ненависть. Слезу за дорогой, стараясь не отвлекаться.

Аня меня не предавала, а с остальным как-нибудь справимся.

Сажу в машине, пока Олег запикивает сумки своей сестры в багажник.

— Здравствуйте.

Я киваю, не поднимая взгляда, когда девушка садится на заднее сидение, и едва не подскакиваю от её удивленного возгласа:

— Ты?!

В зеркале заднего вида налетаю на круглые синие глаза.

Олег переводит озадаченный взгляд с меня на девушку и обратно.

Я смотрю в зеркало, пытаюсь разглядеть девчонку. На вид лет шестнадцать, худенькая, рыжеволосая, как и её брат. Смотрит на меня удивленно и радостно одновременно, а я в непонятках, откуда она может меня знать? Но следующая фраза, брошенная ею, всё расставляет на места.

— Бэтмен! — расплывается в улыбке девчонка и бросается обниматься. — Это ты!

Комментарий к Глава 27

Дорогие читатели, спасибо вам огромное, что всё ещё остаётесь со мной и моими героями. Позади ещё одна глава. Признаюсь честно, она пожалуй далась мне тяжелее всех. Обязательно поделитесь своим мнением о ней, каким бы оно не было. Для меня это очень важно.

Спасибо за внимание и до встречи в понедельник!)

=====
Часть 5. Полюби и мою тень. Глава 28
=====

Олег таращит глаза, ждёт объяснений, но, кажется, начинает понимать, в чём дело.

Супергерой из меня такой себе. У него должен быть устрашающий голос, яркая харизма, стильный костюм, а мощная фигура на фоне ночного неба должна заставлять трепетать от страха всех негодяев.

У меня была только пустота внутри и потеря всякого желания жить дальше. Потерянный, сбитый с толку, таким вижу себя тогдашнего.

Потерялась моя Душа, а с ней и желание жить. Страшно так было. С рождения всегда были рядом, а тут... где она, что с ней...

Плыл по течению. Пил почти каждый день. Накуривался, едва ли не в соплю.

Каждый день, как один. Они сливались в серое однообразное, тягучее нечто. Если бы не Макс, с его поручениями, замкнулся бы в себе и спился окончательно или, что похуже. Он твердил, что мне нужно отвлечься, нужна цель. А у меня не было сил искать её.

Сама меня нашла тем душным вечером в начале осени.

По делам был в том районе, уже домой собирался и решил в ларек заскочить по пути. Вышел из магазина, в пакете позвякивала бутылка беленькой и темного пива для разгона. Без алкоголя уснуть нормально не получалось. Кто-то прошел мимо, обдав запахом сладких духов. Я почти сел в машину, когда услышал пронзительный крик из-за угла дома.

Сперва подумал, кто-то придушивается, вроде район нормальный. Сам тусовался тут неподалеку, когда учился в училище. И всё же решил перебдеть, бросился на крики, сжав в кулаке зажигалку.

Девчонка прижимала к груди сумочку, а мутный худощавый тип теснил её к углу, в самое темное место в подворотне.

— У меня нет ничего, — хныкала девчонка. — Отпусти.

Мужик что-то бормотал. Явно не в себе, наверняка, под чем-то. Ни о каком баловстве речи не шло. В руках у него явно что-то было, и девчонка не на шутку испугалась.

Одним рывком, выбросив руку вперед, врезал ему в ухо. Он закричал, завалился на бок. Из руки его выпал перочинный нож, который я отпнул подальше.

— Идём.

Схватил девчонку за руку и поволок из двора. В спину летели отборные маты типа.

Открылось одно из окон, и женский голос пригрозил вызвать полицию, если не прекратим шуметь. Где ж вы, суки, были, когда она кричала?

Уже в машине дал воды и смог разглядеть спасенную. Девочка совсем, как Алинка по возрасту, может чуток старше. Худенькая, синеглазая, рыжеволосая. Хныкала, всё так же прижимая сумочку к себе.

— Бедолага. Всё уже закончилось, дыши глубже, — пытался успокоить её будничной интонацией. Хотел, чтобы моя уверенность передалась и ей. — Как зовут?

— Ариша, Арина Маршалова, — заикаясь, выговорила девочка. Бледные губы дрожали,

а в круглых глазах плескался страх.

— А чего делаешь тут в такое время?

— В общежитие иду, приехала недавно.

Отвез в общагу, проводил до входа. Девочка долго разглядывала меня, благодарила, выспрашивала кто я, как зовут. Тогда и назвался Бэтменом, просто в шутку, да и настроение ей хотел поднять.

— Ты? — выпаливает Олег удивленно.

— Я...

Мне неловко. Девчонка хвалит, а я чувствую, что краснею. Вроде хочу отнекиваться начать, но она пресекает попытку сделать вид, что не причём.

— Это ты. Хотя и в капюшоне был тогда, но тебя я сразу узнала, по глазам! — восклицает она. — Только машина была другая, девять девять вроде.

Я только киваю. Ну, да, так и было. Я от неё только под зиму избавился.

— Охренеть, мир тесен, — улыбается Олег. — Арина рассказывала, как ты того стрёмного мужика уложил, как с неба свалился, реально Бэтмен.

— Да ну хорош. Любой нормальный человек так же поступил бы.

Я не умею принимать похвалу. Да и за что? В моей картине мира слабых не обижают, а насилие уместно только в качестве защиты... или возмездия.

Олег скуп на проявления эмоций, но вижу, что взволнован. Словно заново переживает волнение за близкого человека. В груди холодеет, слишком хорошо его понимаю.

— Ты. Спасибо, что не прошел мимо, — парень жмёт руку. Крепкое рукопожатие, уверенное. Едва вспотевшая ладонь выдаёт волнение.

Под восхищенный щебет Арины, отвозим её домой. Она живет с родителями и упорно упраскивает зайти на чай, Олег тоже настаивает, но не слишком. Не сегодня, там у него Аня, и он понимает, что мне к ней нужно.

— Опа! Это что ещё за гуси?

Олег напрягается, когда подъезжаем к подъезду. Собираюсь спросить, в чём дело, но замечаю Порш со смутно знакомыми номерами. Возле него вертятся два мордovorота, оглядываются по сторонам. Хватаюсь за битую, травмат бы сейчас пригодился, жаль его изъяли пока идет следствие.

— Оставь! — твёрдо одёргивает меня, накидывает капюшон, едва не натягивая его на глаза. Интуитивно, делаю тоже самое. — Так справимся. Иди спокойно, будто не видишь их.

Проходим мимо, быки только провожают нас взглядами, но не останавливаются. На этаж поднимаемся бегом. Дверь нараспашку, замок вырван. Из глубины квартиры доносится возня и женские крики, сразу узнаю её голос и бросаюсь.

Напряжение заполняет каждую клеточку тела, оголяет нервы, делая чувства более восприимчивыми. Сердце холодеет от понимания, что она там одна с этой мстительной тварью.

— Отпусти меня, хватит! — голос захлебывается в плаче.

— Сука! Так и знал, что к этому своему побежишь! Спишь с ним, говори?! — орёт он, нависая над трясущейся девушкой. — Шлюха, ничему тебя жизнь не учит!

Она на полу, зажата между ним и диваном. Пытается закрыться руками, заслониться от него. Крик вперемешку с плачем. На щеках слезы и кровь. Он заносит кулак для удара.

Какие-то секунды, но растягиваются на бесконечно долгий миг. Миг, который мне требуется, чтобы преодолеть прихожую и впечатать ногой ему в бок.

— Не смей! Трогать! Её! — не крик выходит, а рёв.

Не даю ему подняться, пнув под дых. Кровь на простынях, его рожа исцарапанная, на Ане только футболка и та порвана. Девушка кутается в неё и трясется, не то от холода, не то от испуга.

Гнида!

Пульс стучит в висках, звуки растягиваются.

Только одна мысль истошно пульсирует в голове — я должен уgomонить его... раз и навсегда! Ещё один пинок и хватаю его за голову. Размозжить, уничтожить. За меня, за неё, за то, что отобрать её у меня хотел, за то, что жизнь мне испортить пытался.

— Костя! — ухватив за плечи, Олег оттаскивает меня.

Ничего не вижу, кроме заплаканных глаз Ани и наглой рожи мажора. Не успел, а так хотелось, её ему разукрасить.

— Пусти! — вырываюсь, но неудачно. Даже в бешенстве не справляюсь с медвежьей хваткой парня.

— Угомонись, кому говорю!

— Да-да, слушай старших, — белобрысый бросает с издёвкой. Всё ещё считает себя хозяином положения. Если бы не Олег, разорвал бы его.

— Рот закрой! — он не повышает голоса, но утирающий губы мажор резко замолкает. — Какого хрена ты тут забыл?

— За женой приехал!

Краем глаза вижу, как Аня сжимается и отползает за диван. Олег тоже видит это и отпускает меня. Тут же скидываю мастерку, чтобы укутать девушку. Она дрожит, пытаюсь успокоить, прижимая к себе.

— Тихо-тихо, я рядом, — шепчу ей, самого голос не слушается. Всё, девочка, всё будет хорошо. Не заберет он тебя больше.

— Убери от неё руки, салага! — орёт мне в спину, подрываясь в нашу сторону, от чего Аня крепче прижимается ко мне. Едва не впивается трясущимися руками.

Олег стоит, широко расставив ноги. Преграждает ему путь, но даже не пытается удерживать руками или лезть в драку. Мажор замирает в шаге от него, будто налетает на невидимую стену.

— Она моя! — визгливо выпаливает. — И я без неё не уйду!

— Жена, но не твоя собственность и уйдет с тобой, только если сама этого захочет, — ровный холодный тон, а желваки подрагивают, кулаки сжаты. — Ань, ты хочешь уйти?

Девушка поднимает затравленный взгляд и мотает головой. Белобрысый хищно щурится, глядя на неё в упор. Её начинает колотить, как от озноба.

Внутри всё сжимается в пружину, но изо всех сил давлю в себе желание вцепиться ему в глотку. Руками, зубами рвать — неважно. Чтобы только не было его, чтобы только её не мучил.

— Тебе напомнить наш уговор? — шипит. — Он сядет, поверь мне.

Олег чертовски прав, нельзя его трогать.

Тварь, как смог, как рука поднялась? Меня не запугал, так за неё взялся! Добрая она слишком, знал, гнида, на что давить.

— Я бы на твоём месте, словами не бросался, — прерывает его Олег.

— А что ты мне сделаешь? Что? Вы все пожалеете, узнаете ещё, как это с Глебом Самойловым связываться!

Говорит с усмешкой, смотрит на всех нас свысока. Ощутивши власть над девушкой, он зарвался, обнаглел и поверил в свою безнаказанность.

— Я вызову полицию, — Олег спокойно пожимает плечами. В интонациях появляется что-то неприятное, казённое. И не угроза вроде, но мурашки по загривку бегут. — Мы имеем незаконное проникновение в жилище, побои.

Он оборачивается к нам, беглым, но цепким взглядом осматривает Аню. У девушки рассечена бровь, кровь идёт носом.

— А может и причинение вреда здоровью, — договаривает Олег, одаривая его тяжелым взглядом исподлобья. — А ещё ты в шаге от признания в шантаже и незаконном лишении свободы.

— Не мели херни! Да тебя любой адвокат уделает, погоны полетят, и глазом моргнуть не успеешь. Ещё моральный ущерб будешь возмещать и за клевету сядешь!

Олег, не шелохнувшись, смотрит в обезумевшие глаза мажора. Тот переводит взгляд на девушку, от чего она прячется у меня на груди.

— И как вам, нормально? По очереди или тройничок замутили?

Я не из тех, кто подставит вторую щеку. И сейчас не хочу, молча сносить всё дерьмо, что льётся нам на головы, но если не возьму себя в руки, то и Олег не удержит. Тогда точно сяду, а она останется одна совсем. Это и останавливает, удерживает в узде кипящее бешенство.

— Молчишь, подстилка ментовская?! — голос Глеба взвывается от напряжения. — Нихрена у вас не выйдет!

— Ещё и оскорбление чести и достоинства, до кучи, — вздыхает парень. Его выдержка вызывает зависть, такое ледяное спокойствие. — Гражданин Самойлов, покиньте помещение, иначе придется ночевать в обезьяннике. А город маленький, сплетни ой как шустро разлетаются. Такое себе подспорье для твоей карьеры.

Мажор стоит, покачиваясь. Сверлит взглядом Аню, фыркает, глядя на меня, но сникает под взглядом Олега. Сдувается и начинает казаться меньше, чем он есть.

— Вы ещё пожалеете! — бросает напоследок и выходит. Тяжелые быстрые шаги разносятся эхом по подъезду.

— Ты как, Ань? — парень присаживается рядом.

— Бывало и лучше, — вздыхает девушка, вытирая слёзы. Обнимает меня и смотрит растерянно, наверное, не понимает ещё, с чего больше не рычу на неё. — Кость, ты как тут оказался?

— Я его позвал, ты ведь не против? — он улыбается, она только мотает головой. Парень выходит из комнаты, напоследок бросив: — Ладно, ребят, вы тут разговаривайте, но ничего не трогайте. Мне пару звонков сделать нужно.

— Прости, что накричал на тебя сегодня. Дурак, не разобрался во всём как следует. Олег всё мне рассказал, — целую девушку в макушку.

Она уже не дрожит, хотя и прижимается ко мне всё так же тесно. Пускай, так не хватало её всё это время, что теперь неделю от неё не отлипну.

— Это ты меня прости. Что сделала тебе больно, я же люблю тебя, правда.

Девушка поднимает на меня взгляд. Теперь в этих омутах можно тонуть и не бояться. Целую кончик носа, прикрывая глаза. В груди трепещет, теперь со мной. Моя любимая девочка.

— Я тебя тоже, и всегда любил. Тебя врачу нужно показать.

— Я в порядке, умыться бы для начала.

Пока девушка в ванной, берусь за телефон. Пишу отцу, что я в порядке и звоню Максу. Пара пропущенных от него настораживает, но вроде не критично.

— Здорова, я знаю, откуда у дела ноги выросли! — выпаливаю я, не дав ему ничего сказать. — Мажор подсуетился.

Из коридора слышу голоса. Олег успокаивает зевак, шум потревожил соседей, но почему-то ментов никто не вызвал.

— Какой мажор? — Макс сонно зевает. Неужели уже спал в такую рань? — Погоди, ты про Глеба?

Я морщусь. Это имя белобрысому не идёт. Звучит мужественно и стойко, что его характеру не слишком соответствует, на мой взгляд.

— Да. Тут короче такое дело.

Кратко пересказываю произошедшее, судя по тишине в трубке, Макс переваривает информацию. Сам бы не поверил, но увиденное своими глазами подтверждает — весь этот триндец реален.

— Да-а, — тянет брат, когда я замолкаю. — Интересно, а Игорь Владимирович вообще в курсе, что сынок за его спиной творит?

Вопрос риторический скорее.

Максим юрист, и вроде как консультирует людей по разным юридическим вопросам. На деле же выступает своего рода посредником в сложных ситуациях между самыми разными людьми, отсюда и разные знакомства и связи. И тот факт, что он знает и самого мажора, и его отца, не особо удивляет.

— Сильно он ёё?

— На первый взгляд, нет. Но мы сейчас в больницу поедем, пусть врач осмотрит, мало ли.

— Вот это правильно. Побой зафиксируйте, но пока в полицию не обращайтесь. Что там за Олег, кто из себя?

Ответить не успеваю, парень заглядывает в комнату и начинает рапортовать, видимо, не заметив, что я говорю по телефону:

— Сейчас сюда следователь приедет, нужно факт проникновения в квартиру задокументировать. Вы пока в больницу езжайте, я позвоню, когда можно будет вернуться. Доки проверять будут, тебе Кость сам понимаешь, лучше не светиться.

— Погоди, что ты скажешь, как это вышло?

— Не нервничай, — хмыкает парень. — Следователь — свой человек, только засвидетельствует, но ходу пока не даст. С Самойловым будет сложно, но это будет первый шаг.

— Такие люди нам нужны, — в трубке раздаётся голос Макса, он видимо всё слышал.

— Макс? — отрываюсь я и перевожу взгляд на Олега. — Извини, я тут с братом по телефону.

— Пойду Ане пока вещи принесу, — он кивает и выходит из комнаты.

— Правильно он сказал. Я сейчас тоже силы все мобилизую, не получится по закону тебя вытащить, самого Глеба тряхнем. Побой снимите обязательно. А завтра жду вас двоих у себя. Ближе к вечеру, время ещё уточню.

Долгий день завершается. Когда возвращаемся к Олегу, на дворе уже поздний вечер. После недолгих объятий Аня отправляется спать. Мы же ещё долго сидим на кухне,

разговариваем, пьём ром.

— Кто бы рассказал, не поверил бы! — восклицает парень, спохватывается и тут же сбавляет громкость. — И я тоже хорош, нужно было настоять, поговорить нормально. А я, как дурак, смотрел на них на свадьбе и охреневал!

Не верил в идиллию, что вроде как была между ними? И мне бы ревновать, всё же какой-то посторонний парень заявляет, что знает мою девушку лучше меня, но здравый смысл берёт верх. Знакомы столько лет, и столько же дружат, тут и удивляться нечему, не то, что ревновать.

— Когда с бывшей расстался, так мне говённо на душе было. Вообще мрак какой-то, но храбрился — мужик же! А самому так погано было... стыдоба. И её, и себя чуть не застрелил.

— Жестко, — только и могу выдавить я.

— А Анька меня сразу раскусила. Встряхнула так и говорит — даже не думай, тебе есть, ради кого жить! С Полинкой помогала и вообще. Считай, по краю провела, держа за руку.

— Повезло, что вы друг у друга есть.

Повезло, если в жизни встретил такого человека, который выслушать может, который поймет и найдет нужные слова. Я говорю это искренне, но Олег почему-то истолковывает мои слова неверно.

— Ты не подумай, мы, в самом деле, друзья, — уже прилично захмелевший, он потирает сонные глаза. — Вместе выросли, она же вот за стенкой жила с матерью.

— Верю, — я сам пьяный, язык толком не слушается. Уже и не вспомню, когда так напивался.

Верю ему, им. Не лукавлю вообще ни капли, и тут дело не в выпитом алкоголе. Наблюдал не раз уже, как они ведут себя друг с другом. Ни флирта, ни кокетства, дурачатся да, но как брат с сестрой, не более. Теплые отношения, как и положено у друзей.

— Ты не обижай её, Кость. Анька, она может, и наивная, но хорошая девчонка. Добрая, слишком даже.

— Знаю, — киваю хмельной головой. После рассказанной истории хочется поддержать его, хотя бы попытаться. — Ты это, тоже не грузись. Найдёшь себе ещё девушку нормальную.

Олег тушует. Красное от выпитого алкоголя лицо будто делается ещё краснее.

— Да я, — мнётся он, как первоклассник, но ром сделал его более разговорчивым. — Ну, нашел. Не подумай, я на чужих жен не смотрю, но Анька обмолвилась как-то, что они вроде разводятся.

— Ты сейчас про кого?

— Ну, это, подруга её. У суда как-то столкнулись, — смотрит вроде на меня, а на деле куда-то сквозь. И улыбка на лице, дурацкая такая и довольная. — Красивая она, зеленоглазка.

— погоди, ты про Леру что ли? Они разве не помирились? — удивляюсь я. Помнится, оставляли их целующимися, хотя когда это было. Раз сто можно всё переиграть.

— Она без кольца была. Номер даже дала. Я написал, но она не ответила. Так-то она всегда мне нравилась. Простая такая и умная, знает чего от жизни хочет. Думаешь, стоит ещё попробовать позвонить?

— А чего бы и нет, — хмыкаю я, глядя на разомлевшего от каких-то своих воспоминаний Олега.

Мне сейчас так спокойно, наконец-то, легко на душе. И хоть впереди маячит затяжная

война, интуиция подсказывает, что всё получится. Главное, что Аня теперь со мной.

Сегодня, когда смотрел в напуганные заплаканные глаза, сам себе поражался. Как мог хотя бы на секунду допустить, то она могла так жестоко поступить со мной? Стыдно так перед ней, что злился, что не разобрался, что опять испугал её.

В горле застревает ком, а что если она не останется со мной после того, как узнает со всех сторон? Успел я покуролесить после армии, столько всего натворил за такой короткий промежуток времени.

Внутренности щекочет холодком, она же узнает всё равно. Начнет расспрашивать, за что в полицию попал, и если не сам расскажу, может посодействовать кто-то другой.

— Костян, чего завис? Может, на боковую? — Олег нетвердой рукой разливал ром по стопкам.

— Я... нет, нормально. А можно где-нибудь покурить?

Он сам не курит, а у меня уже уши сворачиваются.

— Вон в окно. Только дыми на улицу.

Протягивает мне тяжелую стеклянную пепельницу и открывает окно настежь. Дождь расходится, теплый, совсем не осенний.

— Страшно мне, — выдыхаю вместе с дымом.

Алкоголь развязывает язык, да и простое лицо этого здоровяка располагает к доверительному разговору.

— Не ссы, всё разрулится. Глеб хоть и охренел в конец, но не дурак. Репутация, все дела, — начинает он успокаивать.

— Нет, я не об этом, — замолкаю. Выпускаю дым, собираюсь с мыслями. Пьяные, они пляшут вразнобой, разбегаются по всей черепной коробке. — Я, если раньше и мутил с девчонками, то как-то быстро перегорал. А тут всё иначе. Увидел её и пропал, из головы выбросить так и не смог. Думал, задохнусь от счастья, когда всё у нас начало складываться. Она говорит, что я замечательный. Видит во мне парня, который спас её от гопоты. Едва ли не героем меня считает... боюсь, что откажется от меня, если узнает всё, как есть.

Олег непонимающе смотрит, и я продолжаю:

— Что вешают на меня, оно, в общем... неправда только отчасти. Боюсь, что узнает и бросит опять. Я тут-то думал, сдохну.

Парень опрокидывает стопку. Я делаю тоже самое, морщась, она была явно лишняя.

Внутри будто набухает огромный тугой нарыв, давит, распирает. И хочется душу наизнанку перед ним вывернуть.

Минутное, мимолетное, но тянущее где-то в районе сердца. Пьяный разум расслабился, размяк и дал слабину.

— Не знаю, что там с тобой случилось. Что ты натворил такого, — Олег прочистил горло, старательно фокусируя на мне пьяный, но рассудительный взгляд. — Но людей я повидал всяких, в том числе и плохих. И ты вроде как не из их числа.

Я криво усмехаюсь, изменил бы он своё мнение, если бы знал, что я натворил? Так же хорошо обо мне думал, если бы я не вытащил из передраги его сестру? Всё же наши взгляды, мнение и оценочные суждения очень субъективны.

— Какой бы мутной не была твоя история, пусть лучше Аня узнает её от тебя лично.

Моё утро наступило под аккомпанемент шаркающих шагов, шуршание пакетов и одежды и тихое бряцанье посуды. В комнате было довольно темно и прохладно, за окном едва начало светать.

Глаза опухли, а голова, кажется, весила тонну. Разлепляю веки и вздрагиваю, но сдерживаюсь, чтобы не заорать от неожиданности. Накатывает стойкое ощущение дежавю, только сейчас Костя спит, а мы находимся в квартире Олега. И именно он топчется сейчас на кухне, собираясь на работу.

События вчерашнего дня, сейчас выглядят бесконечно далекими. Да и сам день неестественно длинным, из-за такого количества событий.

Смотрю, как подрагивают ресницы парня, и не могу сдержать улыбку. Он со мной, ещё сутки назад это казалось чем-то недостижимым. Сейчас же робко провожу пальцами по груди и ложусь рядом, прижимаясь щекой к плечу. Что будет дальше — не знаю, и если совсем честно, мне страшно. Глеб вчера выглядел неадекватным, что он может натворить в таком состоянии и представить страшно.

Чувствую себя не очень хорошо, но это скорее от нервов. Сотрясения врач не обнаружил, только ушибы и пару швов на бровь наложили. Всего-то, а когда вчера в квартиру ворвался обезумевший Глеб, я собиралась прощаться с жизнью. Я до последнего надеялась, что к Олегу приехать не осмелится, но он, видимо, уже никого не боится.

Вспоминаю, и снова накатывает страх, если бы парни хоть немного задержались, Глеб забрал бы меня и неизвестно, что сделал. Глаза нездорового человека, который не может отвечать за свои действия, такими глазами он смотрел, когда за волосы стащил меня, сонную и ничего непонимающую, с дивана.

Соседи сказали, что мужчина долго колотил в дверь, не понимаю, как я не услышала. От усталости так вырубилась.

Когда Костя появился в квартире, я уже подумала, что с ума сошла. Он обнял меня, заботливо укутал спокойствием и ощущением надежности. От его тепла и родного низкого голоса становилось спокойнее. И хоть всё ещё было страшно, но той животной паники уже не было. Растворилась она, когда сильные руки прижали к горячему телу, когда вдохнула родной запах.

Ему позвонил Олежка. Видимо, дождался, пока я усну и вызвал на разговор. И я ему за это искренне благодарна. Вчера полностью растерявшись, не знала, как поступить, как выйти из всей ситуации, а всё оказалось просто.

Переползаю через парня, укрываю его и с наслаждением потягиваюсь. Деревянный пол приятно холодит ступни.

— Проснулась уже? — шепотом спрашивает Олег, заглядывая в гостиную. — Я там чайник согрел, кофе будешь?

— Да, спасибо.

Кутаюсь в кофту Кости, пахнущую своим хозяином, выхожу на кухню.

— Тебе на работу, а тут мы, как снег на голову, — улыбаюсь смущенно. — Прости. Замок теперь ещё менять.

Подняли шум, да ещё и Глеб дверь выбил. Стыдно очень перед другом, провалиться хочется.

— Ерунда, не грузись, — парень улыбается, отхлебывая кофе. — Главное, что всё хорошо закончилось.

— Одно закончилось, другое началось.

Стоит только подумать, что ждет нас теперь, как жутко становится. Глеб был таким взбешённым, боялась, что на Олега кинется, но что-то его сдержало. Столько теперь нужно сделать, но в первую очередь нужно решить, что делать Косте.

— Решим, и не из такой задницы вылезали, — ободряюще хлопает по плечу парень. — Совет тебе на будущее, только не воспринимай его в штыки.

Он примирительно поднимает руки, не хочет ругаться или поучать, но, видимо, ему важно, что-то донести до меня.

— Не стоит принимать важные решения, когда ты напугана или нервничаешь. погоди! — Я открываю рот, чтобы объяснить, что у меня выхода не было, но он прерывает. — Я всё понимаю и не упрекаю тебя сейчас. Просто тебе стоило рассказать об этом раньше. С Костяном, понятно, связаться не могла, но есть же ещё его брат. Сизый хоть и мутный на первый взгляд, но человек толковый.

— Ты знаешь Максима? — удивляюсь я.

— Лично нет, но наслышан. Так вышло, что человек он в определенных кругах, известный. Да и вообще, Ань, — парень поджимает губу, будто обижен на меня. — Не забывай, что у тебя есть я. Всегда можешь на меня рассчитывать. Всё, что в моих силах, я сделаю.

— Я... Глеб везде со мной был, я же говорила. И шагу не могла без его присмотра ступить, — начинаю оправдываться. — Это вчера получилось, что пары раньше кончились. И Костя, как чувствовал, ждал меня в это время.

— Ну да, — улыбается Олег. Ухмылка его намекает, что он знает больше меня. — Прости, если, кажется, что обвиняю тебя в чём-то. Просто я волновался. Да и Костя...

— А что Костя?

— Повезло, что он настырный такой. Следил за тобой больше недели, выжидал, чтобы поговорить.

— Да, иначе не знаю, когда бы весь этот бредовый сон закончился.

— Главное, что закончился. Да, вчера неподходящий момент был, — парень задумчиво потирает подбородок. — Про потеряшку твою, у нас в районе похожих не нашлось. Отправил запрос в область, пока жду.

— Спасибо тебе большое, — в груди неприятно кольнуло. Я уже столько времени не навещала Иру, даже стыдно как-то. Она вспомнила имя, как знать, может за эту пару месяцев вспомнила ещё что-то о себе.

Мы ещё недолго разговариваем, и Олежка начинает собираться на работу.

— А чего в форме? — удивляюсь я, когда парень возвращается на кухню.

— В суд вызвали, и не спрашивай, — он застегивает кобуру, поверх надевает китель и поправляет фуражку. — Подай пакет, пожалуйста. Я замок купил, там, в кухне на подоконнике лежит. Костя поменяет, справиться?

Я киваю, не уверена, но думаю, да.

— Один комплект ключей тете Вале из тридцать второй квартиры занесешь, а один себе оставишь, как обычно. Так, там, в холодильнике, что найдете, ешьте и не стесняйтесь.

Слышу возню в зале и оборачиваюсь. Сонный Костя, подняв голову от подушки, смотрит на нас растерянно и настороженно.

— Здорово, как спалось? — приветливо улыбается Олег.

— Фу ты, блть! — чертыхается парень в ответ. — Олег, богатым будешь.

— Ага, твои слова да богу в уши, — смеется он. — Ладно, ребятки, я ушел.

— Удачной смены. Ещё раз спасибо тебе.

Напоследок обнимаю друга и запираю дверь на хлипкую щеколду. Здесь и район и дом спокойные, не удивлена, что спали спокойно с такой дверью, открытой по сути.

— Как ты? — на выходе из ванной меня встречает заспанный Костя.

Я уже и забыла, каким милым он выглядит спросонья. Даже сейчас, прилично опухшее лицо его не портит. Вместо ответа обнимаю его и кладу голову на крепкую теплую грудь.

— Лучше, чем вчера.

— Надеюсь, я этому поспособствовал? — ведет бровями, прожигая взглядом. Чертики в темных глазах пляшут в открытую. Этот парень неисправим. Несмотря на всю тяжесть ситуации умудряется смеяться.

— Ещё как.

Встаю на носочки, чтобы быть ближе. Лица так близко друг к другу, что я чувствую ветерок его дыхания на щеке. Сильные руки на талии, мягко глядят поверх футболки. Его грудь под ладонью размеренно вздымается.

— Эй, ты чего?

Парень часто моргает, глаза кажутся стеклянными.

— Я, прости...

Разрывает объятия и отворачивается от меня. Уходит на кухню и открывает окно. Закуривает, стряхивая пепел в тяжелую пепельницу. Сколько помню, Олег никому не позволял курить у себя, а тут даже пепельницу дал.

— Кость, что-то не так?

Может, сейчас стоило парня оставить одного, но не могу. Боюсь и не хочу. Его что-то беспокоит, не могу позволить оставить его наедине с переживаниями. Подхожу ближе и обнимаю его сзади, утыкаясь носом между лопаток.

— Прости, если обидела тебя. Заставила сомневаться и думать, что ты мне больше не нужен, прости, — шепчу в спину, ощущая, как плечи его подрагивают. — Я без тебя не жила. Всё это время, как в тумане. На свадьбе все поздравляли, а мне плакать хотелось.

— А фотки? — парень сглатывает.

Сомневается и имеет полное право. Глеб целое представление устроил, на весь инстаграм демонстрируя, какая мы идеальная пара. И судя по комментариям, многие верили, поздравляли и желали счастья. Красивая вылизанная картинка вызывала восхищение и зависть. И никто даже не представлял, что творится между нами на самом деле.

— Глеб выкладывал. Мы и отпуск порознь провели, он приходил, чтобы мой телефон проверить. И фотографии выложить. Кость, я, правда, не могла с тобой связаться. Он меня одну не оставлял, кроме как в академии. Я бы никогда...

Каждое слово, кажется тяжелее предыдущего, но должна сказать. Должна достучаться до него, чтобы не капли недосказанности не осталось. Я не вынесу его недоверия.

— Ничего, кроме страха за тебя, я в тот момент не чувствовала. Я посчитала это решение единственно верным и поэтому так сделала. Кость?

Стараюсь сдержать слёзы, но голос предательски дрожит. Костя оборачивается и берет меня за плечи.

— Я бы не смогла жить спокойно, зная, что могла вытащить тебя, но не сделала этого. Не смогла. Я не могла и представить, что он так жестоко обманет. Он заставил...

— Тише, я всё это знаю, — шепчет и целует в лоб. — Я тебе верю, слышишь?

Смотрит встревожено, глаза красные. Выглядит расстроенным, брови хмурятся, губы

по-детски надуты.

Наклоняется ко мне и целует щеки, кончик носа, а потом, немного помедлив и губы. Лёгкие касания перерастают в медленный ласковый поцелуй. Переполненный нежностью, успокаивающий все тревоги. Разжигающий где-то глубоко внутри огонь желания.

Голова кругом идёт от долгого поцелуя и хочется большего, прямо здесь на кухне. Кожа горит под его поцелуями. Слегка кусает, заставляя вздрагивать от наслаждения всё тело. Шея, оголенное плечо, ключицы. Так горячо, что, кажется, ожоги останутся там, где были его губы.

Когда тянет вверх футболку, только послушно поднимаю руки. Остаюсь в одних тонких трусиках. Контраст между прохладным сквозняком и его горячими руками только распалает жар ещё сильнее.

Разворачиваюсь, чтобы идти в комнату, но он останавливает меня. Прижимается ко мне сзади и накрывает грудь ладонями. Близость разгоряченного тела и сильных рук вырывает тихий стон. С опозданием понимаю, что до дивана мы пока не доберемся.

— Костя, — выдыхаю дрожащим голосом, когда он влажным поцелуем касается кожи чуть пониже шеи.

— Ш-ш.

Его горячее дыхание опаляет, мелкие волоски встают дыбом, а внизу живота разгорается огонь.

— Я так скучал по тебе, — голос низкий, хриплый от волнения. — Никто мне не нужен кроме тебя, слышишь? Никто.

Ноги подкашиваются, когда его руки скользят по телу, проникают под бельё и ласкают. Неторопливо, аккуратно.

Чувствую его возбуждение, огромных усилий ему сейчас стоит эта его неторопливость. Каждое прикосновение становится всё более несдержанным. И чем крепче он прижимает меня к себе, тем сильнее я плавлюсь в его руках.

Парень мягко подталкивает меня к столу.

— Хочу тебя, аж голова кругом, — шепот больше похожий на стон выбивает из-под ног почву. Я послушно опираюсь на столешницу грудью и слышу шумный вдох.

Не могу удержаться и оглядываюсь. Костя облизывает пересохшие губы, стягивает бельё и гладит меня как кошку вдоль позвоночника. Прогибаюсь в пояснице, слегка покачивая бедрами. Развязано, откровенно демонстрируя себя, но с ним почему-то нет чувства неловкости. Я не боюсь показаться слишком доступной или нелепой. С ним мне, в самом деле, просто и не стыдно, с ним я научилась получать удовольствие. И сейчас сама в нетерпении, так сильно хочу чувствовать его.

— Что же ты делаешь со мной.

Легкий шлепок по ягодице только раззадоривает, хоть и ойкаю от удивления. В следующий момент, ощущая резкое вторжение, не сдерживаю стона, крепче впиваясь в столешницу. Накрывает почти сразу. От удовольствия бьёт дрожь. Он ласково кусает меня за мочку уха и довольно улыбается.

На диване мы долго целуемся и ласкаем друг друга. Кажется, воздух в комнате пропитался запахом страсти, но мы всё не можем насытиться друг другом. Слишком надолго расстались, слишком сильно хотели. Нужно было это сейчас, чтобы спалить всё недоверие, непонимание и неприятный осадок после вынужденной разлуки.

Полностью удовлетворенные валяемся в обнимку. Столько любви в почти черных

глазах, что у меня опять слёзы наворачиваются. Я ему едва жизнь не испортила, а он всё ещё любит меня. Я бросила его, сделала больно, а он всё равно любит.

— Кость, тебя не смущает, что у меня были до тебя мужчины?

Всё же решаюсь задать вопрос. Самой себе он кажется нелепым, неуместным и глупым. И всё же он давно меня мучил, заостенелые стереотипы, и опыт прошлых отношений только подталкивали задать его.

— А тебя не смущает, что у меня были девушки? — парень усмехается без ехидства, по-доброму.

— Нет, но...

— Я же парень, это хочешь сказать?

Поворачивается на бок, подпирает ладонью лицо и смотрит на меня с улыбкой. Как на ребенка сморозившего забавную глупость, за которую даже не ругают.

Я коротко киваю. Я не ищу одобрения, просто теперь предпочту знать заранее. Не хочу, чтобы спустя годы меня упрекали количеством партнеров в прошлом.

— Я не прошу измену, но то, что было до меня, значения не имеет. И я сейчас говорю это честно, сколько у тебя парней было раньше, меня не касается. У нас была жизнь и раньше. Есть прошлое до встречи друг с другом, и это нормально.

— Тебе изменяли? — робко спрашиваю я.

— Один раз было.

— Сочувствую.

— Не стоит. Там и отношений то не было, как таковых. Тусовались вместе, секс был, ну и типа пара, — парень усмехается. — Самолюбие моё конечно было задето, но так чтобы переживать... Нет, такого не было. Можно мне теперь личный вопрос?

— Конечно.

— Скажи, а к Стёпе у тебя больше вообще никаких чувств нет?

Мы смотрим друг на друга, продолжая обниматься. В его взгляде нет укора или осуждения, только лёгкая настороженность.

— Почему ты решил, что у меня может быть что-то?

Так привыкла обороняться, что и сейчас простой вопрос принимаю в штыки. Ничего, никаких чувств, и это правда. И всё же так странно это слышать от Кости.

— Ну, вроде как первая любовь же. Он мне рассказывал, без имени правда, но после нашего с тобой разговора, я понял, что он много значил для тебя. Да и как он вел себя в кафе...

Прикрываю глаза. Не знаю, что именно ему рассказал Стёпа, но я была максимально откровенна.

— Я видел, что он ревнует. И вообще.

— Кость, я его любила — это правда, но у меня уже давным-давно всё перегорело. Веришь?

— Конечно, верю, просто хотел услышать, — улыбается он.

— А ты, любил когда-нибудь?

— Ага, — парень любовно смотрит на меня, — вот прямо сейчас и люблю.

— Кость.

— Я бы не назвал любовью, то, что испытывал. Скорее просто увлечение. Я вообще с детства постоянно влюблялся, даже не сосчитать сколько раз. Когда-то был влюблён в актрису из Одиноких сердец, в «Бумере» деревенская девушка тоже очень нравилась и ещё

одна актриса, не помню, как зовут. Бабушка сериал смотрела, не помню название, там школьники выпускной отмечали, и она в лесу на солдата-дезертира наткнулась, защищаясь, его пристрелила.

— Ничего себе, такой любвеобильный, — невольно начинаю смеяться, представляя себе маленького ловеласа.

— Да-да и это до десяти лет всё, ну или двенадцати. Глупости, да?

Костя кажется милым, но сомнений его непостоянство в юности не вызывает. Мне тоже нравились взрослые дяди из телевизора, когда я была подростком. Все, наверное, через такое проходят.

— Мне тоже нравился актер из «Комиссара Рекса», Алекса Брандтнера играл.

— Я такой не помню. Хотя отец все сериалы по НТВ смотрел. Ну чего смеёшься? — парень шуточно дуется. Стискивая меня в объятиях, начинает щекотать. — Ну, блин, ты даже щекотки не боишься?

— А ты? — я тянусь к его ребрам, но парень остается равнодушным от моих пальцев.

— Я тоже, но я всё равно ревнивый, если что.

Ревнивый, главное, чтобы в пределах разумного. Смотрю на него, молодой такой, весёлый парень. Детство вроде было у него самым обычным, семья полная, жизнь нормальная обычная, только откуда такой тяжелый взгляд?

Иногда начинает казаться, что вся его смешливость искусственная, потому что как бы он не дурачился, глаза практически не улыбаются. Парень иногда будто задумывается, смотрит куда-то в одну точку, а на лице мелькает гамма эмоций, прочесть которые я не в состоянии.

— Ты самое лучшее, что произошло со мной в жизни, — прижимаясь к любимым губам, тихо произношу я. — Костя, я так счастлива с тобой. Так спокойно и легко.

— Мне тоже.

— Кость, ты можешь мне доверять, — хочу начать издалека, пока парень расслаблен и спокоен, но мои слова заставляют его напрячься.

Улыбается, но тёмный взгляд становится непроницаемым. Парень всем видом показывает своё спокойствие, но складка между бровей выдаёт его. Всё не в порядке.

— Я доверяю.

Отвечает холодным механическим голосом. В груди больно сжимается. Глупо говорить о доверии, после того как бросила его. Доверие мне ещё придется заслужить и будет сложно, но я к этому готова.

— Кость, если тебе тяжело, если мучает что-то, — замираю, натываясь на стеклянный невидящий взгляд. — Поговори со мной. Ты не должен нести груз в одиночку.

Смотрю в темные омуты, не отводя взгляда. Почти физически чувствую ледяную стену, которую он возвел вокруг себя. Всё его отмачивание и уход от темы, как только речь заходила о личном. И то, как он взбесился тогда в баре, когда увидел меня с другим парнем, как кричал, как вел себя жестко.

Сколько знакомств происходит по такому сценарию, это вроде как никого не удивляет. Обыденная ситуация вывела его из равновесия. Испугался за меня? Но ведь неспроста эта ситуация спровоцировала его на такую реакцию?

Костя отстраняется, но не перестаёт обнимать меня. Поворачивается на спину и смотрит в потолок. Совсем рядом, но одновременно так далеко от меня.

— Ты такая добрая и открытая. Меня с самого начала это поразило, влюбился в твои

грустные, но добрые глаза.

Я смотрю, стараясь поймать и понять каждое движение бровей и лицевых мышц. Вслушиваюсь в ровную, отстранённую интонацию. Говорит тихо, будто стремится скрыть дрожание голоса:

— Когда узнал твою историю, был поражен до глубины души. У тебя было много поводов обозлиться на весь белый свет, но ты оставалась чистой и искренней. Настолько, что иногда казалось, что мне рядом с тобой не место.

Парень прикрывает глаза и садится. Поворачивается спиной, от чего мне становится беспокойно. Он опять закрывается от меня.

— Что ты... хочешь этим сказать? — выдавливаю я и сажусь рядом, обнимаю его сзади. Что значит: не место ему со мной? Сама не знаю от чего, но эти слова возмущают.

— Я должен кое-что тебе рассказать и после всё может измениться, — парень растирает лицо ладонями. — Пойдем, пожалуйста, на кухню, мне покурить нужно.

Он стоит у окна, смотрит куда-то на улицу. Провожает взглядом самолет, пересекающий небо и делает глубокую затяжку. Выпуская дым, начинает говорить:

— Не совсем честно было с моей стороны умолчать, но я был уверен, что ничего никогда не всплывёт. Я завязал со всем этим, но видишь, как вышло.

— Господи, Костя, о чём ты говоришь? С чем завязал?

Слова вылетают сами, до того как успеваю толком сформулировать вопросы. Смутно догадываюсь, о чём он собрался говорить и замолкаю. Я не верила ни единому слову Глеба, ни когда он швырнул мне в лицо папку с документами, ни потом, когда говорил гадости про Костю и пытался задеть меня этим. Не допуская даже вероятности, что его слова могут оказаться правдой, отметала раздумья на эту тему.

Парень тем временем тушит сигарету и достает новую, но прикуривать не спешит. Мнёт её пальцами.

— В июне прошлого года я пришел из армии. Меня встречали друзья, родители... — он судорожно втягивает воздух, массируя веки пальцами. — Но не было её.

— Девушки? — выпаливаю я, не думая, просто это кажется логичным.

— Нет. Мы звали друг друга Душа. Полные противоположности, а вместе одно целое. Понимали с полуслова, предложения друг за друга договаривали. Всегда вместе, всегда чувствовали друг друга, даже на расстоянии.

С таким теплом он говорит о какой-то посторонней девушке. Стыдно за такую реакцию. Он и сейчас говорит о случившемся с жуткой болью в голосе, а во мне совершенно не к месту проснулась ревность.

Прочь гоню эти мысли. Костя решил довериться мне. Это для него важно, и я готова выслушать, только бы он снова от меня не закрылся.

===== Глава 30 =====

— Её не было.

Выдыхаю, облачко дыма медленно тает в сыром осеннем воздухе.

Так же таяла надежда.

Какой бы живучей ни была и она сдохла, сгорела на том чистом белом снегу, но останки её никак не рассыпались в пепел, а тлели где-то внутри обугленными головёшками, заполняя душу едким, удушающим дымом.

Чувства, давно похороненные, замурованные в бетон показной наглости и дурашливости, поднимаются наружу. Захлестывают вязким селевым потоком, оглушают и сдавливают грудь.

Стискивая подоконник, пытаюсь успокоиться и начинаю считать про себя.

Один.

Воспоминания налетают штормовыми порывами ветра, грозясь сбить с ног.

Вижу, как она встряхивает головой и откидывает волосы назад, когда чем-то недовольна. Как красится и вертится перед зеркалом. Глаза её, когда лежим друг напротив друга. Карие, немного светлее, чем мои. Тепло ладоней, когда сидим спина к спине и держимся за руки. Доверительный успокаивающий шепот в моменты отчаяния.

Два.

Её кристальный смех звучит в ушах так реально, что я невольно вздрагиваю.

Три. Четыре.

— Девушки?

Хриплый от напряжения, голос Ани вырывает меня из цепких щупалец болезненных воспоминаний, едва не утянувших на дно стылого колодца безнадёги, где нет ничего кроме боли и отчаяния, что раздирают внутренности в лоскутки.

— Нет. Мы звали друг друга Душа. Полные противоположности, а вместе одно целое. Понимали с полуслова, предложения друг за друга договаривали. Всегда вместе, всегда чувствовали друг друга, даже на расстоянии.

Оборачиваюсь, девушка поджала губу. Больше ничего не выдаёт её чувств.

Спохватываюсь, не с того начал, но так затопило то отчаяние, что слова подобрать не вышло.

— Сестра моя, близняшка. Считай, ещё в утробе рядышком были и после рождения практически не расставались, — после короткой заминки продолжаю, чувствуя, как нарастает напряжение: — Она пропала уже два месяца как, к тому времени. Перестала выходить на связь и всё. Родители забили тревогу, но в полиции принимать заявления не спешили. Совершеннолетняя, вполне возможно, уехала куда-нибудь со своим парнем. Потом ещё и телеграмма эта «Всё хорошо. Привет из Дубая». Черт, да кто в двадцать первом веке вообще отправляет телеграммы?!

От злости трясёт, будто и не было этих месяцев.

— Отдыхала с подругами в клубе, там же и познакомилась с парнем. И он оказался не самым лучшим вариантом, но она влюбилась и говорила мне, что счастлива, — пожимаю плечами. — Что я мог сделать, если ей было хорошо? Да и далеко был в тот момент. Чувал неладное, но пытался отмахнуться, объяснить всё элементарным волнением за сестру. Всё-таки у неё это были первые серьёзные отношения, мало ли.

Замолкаю, чтобы перевести дух. В груди тянет, пока слабо, но уже неприятно.

— Она пропала, но родители не стали мне сообщать, боялись за меня. Я их, в общем-то, понимаю, но это теперь. Тогда мы из-за этого сильно поссорились, и я ушёл из дома. Вскоре понял, что веду себя, как ребенок и вернулся, осознал, что и им сейчас крайне тяжело. Отец места себе не находил, к бутылке начал прикладываться. Мама — на успокоительных постоянно, похудела. Алинка вроде вида не подавала, но слышал, как плачет по ночам. Тогда мы к Лере и пришли, Макс посоветовал. Нужно ведь было что-то делать, а мы все в этом не бум-бум. Макс пытался ментов расшевелить, вроде как дело завели. Свидетелей начали допрашивать. Тогда я узнал, что в последний раз её видели у клуба, когда садилась в машину к своему парню, — руки в кулаки сжимаются, когда произношу его имя вслух. — К Климову-младшему.

— К Лёне? — девушка бросает на меня удивленный взгляд.

Я и забыл, что Самойлов из той же среды. Вроде как они даже знали и вместе в клубе том зависали иногда. Аня продолжает, удивлена чем-то:

— Но он ведь умер!

Взгляды наши встречаются и девушка замолкает.

Резко, выключили её будто.

Руки безвольно падают на колени. Огромные глаза глядят на меня, не моргая, внимательно так. Будто хочет спросить, но не решается и просто ждёт, что я скажу дальше. Могла б читать мысли, ужаснулась бы.

Его смерть для меня не новость и всё же... Озвученный факт молотом бьет по груди. У него ведь тоже были родители, близкие, которые, наверняка, его любили и ждали дома.

Мотнув головой, прогоняю эти мысли. Я запретил себе испытывать чувства, подобные жалости.

— Лера ничего не смогла сделать, хоть и старалась изо всех сил. Была проведена доследственная проверка, кажется, так это называется. Уголовное дело возбуждать не стали, не нашли состава преступления.

Все те эмоции оживают заново. Отчаяние выедаёт душу. Страх перед неизвестностью выжигает всё, оставляя только чувство бессилия. Словно бьёшься в каменную стену, пытаюсь разломать её голыми руками. Кулаки в кровь разодраны, а стене хоть бы хны.

— Конечно, была надежда... но жить дальше не хотелось.

У меня от души словно кусок оторвали тогда. Часть меня словно умирала в агонии, медленно истекая кровью.

Нужна была цель, чтобы хоть как-то жить дальше.

— Само получилось — услышал крики и бросился в подворотню. Спас девчонку от ограбления или ещё чего пострашнее. Тогда и решил, раз сестру не смог уберечь, попробую уберечь кого-то кроме.

— Настоящий супергерой, — девушка тепло смотрит на меня.

От этого становится легче чуточку, но тяжесть никуда не уходит, весит на душе пудовой

гирей. Вынул всё наружу и навалилось с новой силой, того и гляди размажет по полу.

— Катался по городу, от одного злачного места к другому. Были пара случаев, когда девчонок отбивал. То отморозки парня какого-то щемили, то драки, избиения вернее, то передо мной дорожные беспредельщики пытались мужика обуть, типа он в них врезался, повезло, что у меня регистратор был, да и больше от гонора моего они опешили и решили не связываться.

Я смолкаю, бросаю на неё беглый взгляд через плечо. Смотрит, в самом деле, как на супергероя, а я не знаю смеяться или плакать от этого. Меньше всего хочу, чтобы выглядело, как хвастовство, потому что гордиться особо нечем.

— Один раз меня всё же приняли. Один из отморозков номера машины спалил, так и нашли. Они на меня заявление написали. Обставили всё так, что я сам на них напал. Повезло, что девушка встречное заявление подала, можно сказать заступилась за меня. И разошлись мирно в итоге. Пытались к другим похожим случаям притянуть, но не пойман — не вор. Я стал умнее, стал скручивать номера перед так называемым рейдом. Научился мгновенно реагировать на изменения ситуации, исчезать молниеносно, если придётся. Стричься начал под ноль почти. Капюшон, шапка, что при необходимости превращалась в балаклаву, не курил всё то время, что катался. Чтобы не единого волоска, ни одного окурка после себя не оставить. Руки бинтовал крепко, чтобы костяшки целыми оставались. Купил травмат.

Замолкаю, закрываю лицо руками. Столько раз мог пустить его в ход, поддавшись ощущению уверенности, которое внушает тяжесть оружия в руке. Хорошо, что ума хватило не братья за него при первом же случае.

Оказалось достаточно своих собственных сил, занятия спортом не прошли даром. В особо тяжёлых случаях выручал кастет, бита тоже не пригодилась ни разу.

— Как-то увидел, что трое пацана запинывают. Разбираться не стал, налетел. Потом уже разобрались, что к чему, оказалось, что он закладчик, а эти ребята что-то вроде гражданского патруля. Город чистят от такого мусора, к ним прилип. По одному отлавливали, клубок пытались раскрутить, выйти на тех, кто выше сидит.

— Вы их... — Аня не решается задать вопроса, но сам уже понимаю, к чему она клонит.

— Нет, только товар портили. Пакостили немного, расспрашивали, кто есть кто.

Успокаиваю девушку, не вдаваясь в подробности «расспросов».

— Я тогда чувствовал себя значимым, даже радовался, что повезло парней встретить. Потом уже узнал, что они меня намеренно искали. Вернее те, кто стояли выше.

— Зачем? — удивляется девушка. Выглядит заинтригованной и настороженной.

Вот и я думал, зачем? Зачем им сдался какой-то пацан, пусть и неплохо подготовленный физически? Искали не конкретно меня, а того, кто изображал из себя супермена. Слухи в тех кругах тоже расползались быстро.

— Озлобленным и потеряннным человеком проще манипулировать, — выдавливаю я. Мой рассказ уже близится к развязке, и я притормаживаю, чтобы отдышаться. Выходит что-то похожее на исповедь, вот только сможет ли она отпустить мне грехи? — Эти парни были только крохотной частью, верхушкой айсберга теневого мира. Далёкий от всего этого, я и не представлял, во что вляпался. Считал, что у парней высокая гражданская ответственность, что они не могут равнодушно смотреть, как их родной город тонет в грязи, и пытаются что-то исправить. Те, на кого они, как позже выяснилось, работали, хотели развязать войну. И сделать это так, чтобы быть как бы не приделах.

— Войну? Кость, сейчас не девяностые же, — Аня растерянно смотрит на меня.— Бандитский Петербург какой-то, ей богу.

Говорит это всё с улыбкой, ставит мои слова под сомнение, и я её понимаю. Сам бы, услышав подобный рассказ, усмехнулся и не принял в серьёз. И, тем не менее, всё это произошло со мной и, в целом, я легко отделался.

— Я тоже так думал, честно до сих пор не разобрался во всей иерархии, да и особо желанием не горю. Пока имел дела с теми парнями, увязал всё больше, но Макс вовремя прознал обо всём.

Вовремя. Сам иногда не верю в свою везучесть. Мы крупно поругались с ним.

«Вали!» — орал он, и я уже направился к двери. Он всегда был хитрее, вырубил меня и запер, чтобы выйти не мог. Это меня и спасло.

— Серьезная заваруха намечалась, но брат меня остановил. Парней тогда и приняли, сели они все и надолго. Группа лиц — считай, организованная преступная группировка. Да и парни обходились не только кастетами. Где уж они стволы достали, я не вникал. Меня самого спасла привычка носить перчатки. И хоть и держал оружие в руках, смывы ничего не дали. Меня вызывали в полицию, кто-то из них указал на меня. По первой на меня всё спихнуть хотели, но в показаниях сильно расходились. Потом просто пытались за собой утянуть, но кроме слов сомнительных личностей, доказательств не было, да и Макс предпринял меры. Всё для меня закончилось.

— А машина? Ну, там, по рисунку протектора же могут опознать или...?

— Даже если и могли бы... На тот момент она уже давно числилась в угоне, а незадолго до этого я её сжёг.

— Но зачем?

Смотрит пристально, ждет ответа. Осязаемо чувствуется, как пульсирует, набухает напряжение. Тишина давит почти физически.

— Незадолго до конца я впервые увидел этого Климова. Два брата-акробата. Наглые, самоуверенные. Младший вышел из клуба, в обнимку с девушкой, пацанчик, сидевший в машине со мной, рассказал про него. Как бы вскользь сказал, что он не последний человек, кто наживается на наркоте. Что клуб этот его и не клуб вовсе, а бордель. В общем, рыло в пуху, но добраться они до него не могут — сложно.

Слова, что так легко лились, обрываются. Вот и добрались. Мне не нужны были доказательства, было не важно, как сложно будет выйти на него напрямую. Меня и без всей этой информации глодали мысли, что он не договаривает, что знает, что с сестрой. Я собирался просто поговорить с ним...

Что я чувствую сейчас из-за случившегося? Макс, узнав об этом, уверял, что чувство вины однажды накроет так, что жить не смогу.

— Я его выследил. Поймал момент, когда он один из города уезжал. Парни поняли, что тут не только жажда справедливости, но и мой личный интерес. Я хотел найти сестру и вернуть её домой. На допросе Климов отнекивался, мол, расстался с ней уже давно и без понятия, как дальше сложилась её судьба, а мне всё сказал, быстро как-то сломался, даже бить не пришлось. Один удар по зубам не считается. Всё он рассказал. Что достала его своей любовью, никак не отлипала. Смеялся истерично, когда выпалил, что избавился от неё.

Я смолкаю, чтобы перевести дыхание. Вроде я уже пережил, успокоился, смирился, но всё же говорить об этом больно. Внутренности будто ножом кромсают — я знаю, о чём говорю.

— Что уж он во мне увидел такого... Испуг в его глазах, жуткий, неподдельный. Он не знал, кем она мне приходится, пытался успокоить. Уговорить, что такая мне не нужна, что он молодец, что избавил меня от шлюхи.

Вдох болезненный, воздух будто обжигает лёгкие. Опираясь на подоконник, стараюсь отдышаться. Грудь разрывает от жгучей черной ненависти.

— Во всех красках описывал, как он имел её, а я осознавал, что сестры больше нет. Все те крохи надежды сгорели в один миг. Моей Души больше нет. И я сорвался. Тип, который со мной был, не стал меня останавливать.

Не глядя на девушку, выпаливаю страшную правду. То, после чего, скорее всего, потеряю и её. Страшно. Может, второй или третий раз в жизни меня опутывает такой мерзкий липкий страх. Забивается в горло, парализует мышцы.

— Бил, пока он умолять не начал, — от брезгливости хочется сплюнуть, но сдерживаюсь. — Ползал вокруг меня, умолял отпустить, денег сулил. Скулил так жалобно, а я распаялся ещё больше. Эхо его голоса, усиленное высокими потолками брошенного долгостроя... и сейчас его слышу.

Я закрываю глаза, стискиваю голову ладонями. В памяти это всё так ярко вспыхивает, что едва не вздрагиваю. Может, это и есть чувство вины?

— Выхватил калаш у своего напарника и наставил на него, — говорю это, а в памяти его лицо всплывает. Запуганное такое, губы трясутся, на глазах слёзы. Только ни жалости, ни сострадания во мне не рождается. Кати больше нет. — Наставил так решительно и всё же что-то во мне дрогнуло, не смог курок спустить. Врезал прикладом, чтобы только скулёж его не слышать.

Ярко алая кровь на снегу. Её запах, будоражащий, разжигающий ненависть с новой силой, хотя казалось ненавидеть сильнее уже невозможно.

— Я виновен и признаю это, но вернись назад, я бы всё сделал так же, — выговариваю твёрдо.

Лицемерием будет сейчас строить из себя жертву, делать вид, что раскаиваюсь. Налитые кровью глаза говорят об обратном. Я осознавал всю тяжесть содеянного и всё ждал, когда же меня накроет, когда же его окровавленное лицо будет приходить в кошмарах. Этого только и боялся, что пожалею о том, что сделал. Ведь сестру мне всё это уже вернуть не могло.

— Костя, — слышу, как Аня тяжело дышит, когда произносит моё имя.

Без осуждения или страха, но и без прежнего тепла. Слышу, как скрипит пол. Она встала, чтобы уйти. Бежать без оглядки от монстра, лишившего человека жизни. Сделавшего это хладнокровно, не почувствовав и капли раскаяния даже сейчас. Как можно любить чудовище, тем более такому светлому человечку, как она?

Пропасть между нами ширится, разрастается с каждой секундой. Я хочу обернуться и протянуть к ней руки, но получить по ним страшно.

Втягиваю холодный воздух, ощущая, как по щеке катится слеза. Она уйдет сейчас, уйдет, в самом деле, и навсегда. Мне бы спохватиться, пожалеть, что рассказал. Нет, я не мог утаивать от неё такого. Сперва решил помалкивать, но теперь понимаю, что она должна знать обо мне правду. Всю, от начала и до конца, без прикрас и умалчивания. А уж принимать или нет, решать теперь ей.

Пол под её ногами поскрипывает. Частые и короткие шажки, такие, когда она взволнована или расстроена чем-то.

— Костя. Это всё так ужасно. Ты...

Понимаю, что за слово она не решается договорить.

— Я знаю, кто я, Ань, — выдавливаю слова, голос дрожит предательски. Говорю в нос и пытаюсь вытереть слёзы, пока она не увидела. — Чудовище, и ты с таким оставаться не можешь.

Слышу всхлип за спиной, но обернуться не решаюсь. Боюсь увидеть в её глазах отвращение, лучше запомню их искрящимися любовью.

Вздрагиваю, когда обхватывает меня сзади, порывисто и резко, будто хватаясь за спасительный выступ на обрыве... или ловя руку срывающегося в пропасть человека.

Крепкие объятия хрупких маленьких рук, столько в них силы и тепла, что я задыхаюсь от растерянности.

— Не говори так! Никогда не называй себя так, слышишь?!

Девушка выпускает меня из объятий и протискивается между мной и окном. Берет моё лицо в ладошки и улыбается робко. Вижу испуг в её глазах, но не недоверие, и это успокаивает, хоть и немного.

Глаза застилают слёзы. Странные слёзы, непривычные. После которых становится легче на душе. Из тела уходят все силы, резко, что ноги подкашиваются. Сползаю вниз, на пол. И Аня со мной, прижимает меня к себе, обнимает, баюкает, как ребенка. Внутри больше ни ненависти, ни надежды, только пустота. Не та пустота, что опустошение и потерянности. Моя пустота успокаивает, примиряет.

— Не мне судить тебя, и не буду. Такое пережить... как сама поступила бы, не знаю.

— Аня.

Нечем мне оправдываться. Умом понимаю, у меня нет права карать другого за дела, но сейчас осознаю, что иначе не смог бы жить в ладах со своей совестью. Не смог бы дышать спокойно, зная, что тот урод ходит по земле и преспокойно чинит беспредел.

Всепрощение не про меня, к сожалению или к счастью.

— Я не стала тебя бояться. И я никуда не уйду, даже не надеюсь, — будто предугадывает мои мысли, говорит девушка и целует меня в лоб. Тепло так и спокойно становится.

Последняя фраза вызывает у меня смех. Истерика какая-то. Нужно вытереть лицо, не хочу, чтобы видела, какой размазней могу быть.

— Слёзы — это не стыдно, — девушка целует меня, не отводя доброго взгляда. — Слышишь меня? Случившееся с тобой и твоей семьёй — это ужасно, и я не буду просить тебя успокоиться сейчас. Я здесь. Я с тобой.

===== Глава 31 =====

Сквозняк, мягко касаясь, холодит наши лица. Кровь шумит в висках, мысли смешались в кашу. Не оставляет ощущение, что это всё не с нами, настолько всё кажется нереальным, неуместным в моём скучном мире.

Странные дела, в которых Костя волей-неволей оказался замешан. Случившееся с его сестрой. Боже, как он вообще держится? Насколько он сильный, что может жить дальше и искренне улыбаться после всего, что выпало на его долю. Молодой парень с усталыми, не по возрасту серьезными глазами.

Переживания, длительное употребление алкоголя, отсутствие нормального сна, сдерживание негативных эмоций, постоянное нервное и физическое напряжение. Знание о

том, что происходит с сознанием в моменты нервного истощения, понимание механизмов человеческой психики, позволяют понять Костю лишь отчасти. Это было страшно, огромный стресс для организма и психики. Становятся понятны причины вспышек гнева.

И всё же я и представить не в состоянии, через что ему пришлось пройти, его чувства, его мысли. Не в силах вообразить, что творилось с его душой в моменты отчаяния.

Сколько боли и ужаса перенесло его сердце...

Я была знакома с Лёней Климовым. Его старший брат — близкий друг Глеба. И первое время он пытался приобщить меня к их компании. Лёня был особенно скользким и заносчивым. Позволял себе сальные шуточки в мой адрес даже в присутствии моего, на тот момент, парня. Глеб отмахивался, мол, ты, что шуток не понимаешь? Вел себя нагло по отношению к официанткам, мог нагрубить или ущипнуть за зад, если было настроение. Неприятный парень одним словом, но чтобы такое. Что он мог сделать с девушкой, как именно избавился от неё? Даже думать об этом страшно.

Помню, как новость гремела на местном телеканале. Зверское разбойное нападение, молодой бизнесмен стал жертвой криминальных разборок.

Три дня спустя Лёня умер в реанимации.

Я не была на похоронах. Глеб с нескрываемым ужасом в глазах рассказывал, как рыдала мать, для которой он оставался её ребёнком, несмотря на все его недобрые дела. Как отец вытирал безмолвные слёзы. Как Арсений — старший брат погибшего, клялся найти того, кто это сделал.

Костя успокаивается, но во взгляде читается настороженность. Будто ждёт подвоха, ждёт, что я опомнюсь и уйду от него. Я лишь теснее прижимаюсь щекой к его плечу и доверительно смотрю в глаза. У меня нет права судить его, как и желания. Он не монстр, как бы не утверждал обратное. Чувство вины загнало его в тупик. Он искал сестру. Искал справедливость.

Я убираюсь в квартире, пока парень берется менять замок. Он не спрашивает, но я и без этого копаюсь в памяти. Девушек с Лёней я видела много. Блондинки, брюнетки, рыжие. Все, как на подбор, красивые, модельной внешности, но с кем он встречался незадолго до смерти?

Рука тянется к телефону, наверняка есть фото в соцсетях, но спохватываюсь. Почти сразу после похорон его страницу удалили.

Ещё я понятия не имею, как выглядела сестра Кости. Разнойцевые близнецы, не факт, что похожи. Она могла быть какой угодно.

И всё же что-то ёкает.

По весне у Лёни был день рождения. Глеб настоял, чтобы я ехала с ним.

В клубе случился неприятный инцидент, как назвал его именинник. Ворвалась девушка, немного подвыпившая, но очень разъярённая, даже двое охранников не в состоянии были удержать её. Вылила на патию Лёни шампанское, обматерила его самого, обозвала изменщиком и кабелём и, расплакавшись, убежала.

Молоденькая, очень красивая, помню её взлохмаченные черные волосы и тонкие запястья. Я нажимаю пальцами на виски, он же как-то назвал её.

— Рина, — тихо шепчу я.

Воспоминания проносятся в голове грохочущим железнодорожным составом. Длинные черные волосы, смуглая кожа. Высокая, стройная фигура.

— Даже имени не помнишь?

— Не знаю, всплывает, что-то. Рина, может, я Ирина?

Давно не виделись, но диалог этот помню. Могла ли наша пациентка быть той девушкой, что ругалась с Лёней? И может ли быть такое, что все эти три девушки на самом деле один и тот же человек?

Сестру Кости звали Катя.

Да и разве такое вообще возможно?

— Рина, — произношу я немного громче, чем хочу. Мне порой проще думается, когда проговариваю вслух, особенно, когда нервничаю.

— Что? — спрашивает Костя, стоя на пороге кухни. В руках ящик с инструментами, уже закончил с замком.

— Я... ничего. Просто пытаюсь вспомнить, — отмахиваюсь я, боюсь давать ложные надежды. В голове всплывает, как девушка растерянно жмёт плечами.

Всё это время меня одолевало странное ощущение, словно я её знаю. Не лично, а будто где-то могла видеть, но я раз за разом отметала эти мысли.

— Ты... мне показалось, ты назвала имя, послышалось, наверное, — парень жмёт плечами, а я чувствую укол в груди.

— Ну да, — говорю осторожно, сама пытаюсь сопоставить факты, но о девушке я не знаю абсолютно ничего. — Как выглядела твоя сестра, Кость? Вы похожи или наоборот? Прости, что спрашиваю.

Он очень тепло улыбается, в глазах усталость и грусть.

— Мама говорит, что как две капли. Конечно, мы отличались, но в целом похожи. Мы в маму пошли оба. Да, вот, в общем.

Парень копается в телефоне и протягивает его мне, а я чувствую, как у меня отнимаются ноги.

— Ты чего? — видя мою растерянность, спрашивает он. Телефон всё так же держит в руке.

— Я... — голос пропадает, я кашляю, стараясь прочистить в момент высохшее горло.

— Ты её узнала? Узнала?

В одну секунду спокойствие слетает с лица Кости. Он сжимает мои плечи, впиваясь в меня распахнутым взглядом полным надежды.

От слишком явного сходства я теряюсь. Скажу о своих догадках, и если ошибусь, то только растереблю рану пустой надеждой. Не скажу, но, а вдруг... вдруг. Разве такое бывает?

— Я назвала имя Рина, но ведь твою сестру звали Катя? Рина, это, наверное, от Ирины.

Парень болезненно сглатывает, но продолжает смотреть на меня в упор.

— Её звали Катя... — прерывисто и шумно дышит, словно каждый вздох причиняет боль. — Ей не нравилось её имя, она представлялась Риной. От Катерины по паспорту. Скажи, где ты слышала его?

Он снова хмурит брови, и в таком знакомом жесте я узнаю ещё одного человека. Девушку.

— А почему ты решил, что она мертва? — дрожащим голосом спрашиваю я. Вдруг это всё только совпадение.

— Этот урод сказал, что избавился от неё, как я должен был это понимать? Ань, к чему эти вопросы, ты что-то мне не договариваешь?

— То есть тела ты не видел?

Он только отрицательно мотает головой.

— Есть вероятность, что она жива, — тихо выговариваю я. Зрачки парня моментально расширяются. — Она не выходила на связь, потому что потеряла память. И ничего кроме имени не помнит. Рина — это она так себя назвала, думала, что от Ирины.

Я тянусь за телефоном и нахожу фото, сделанные по просьбе друга.

— Я просила Олега поискать, но по району никого похожего не было. С области ответ на запрос ещё не пришел.

Я отдаю телефон Косте. Пусть лучше слабая надежда, чем знать, что была вероятность воссоединить его с сестрой, а я её упустила.

— У неё есть татуировка? — парень часто моргает, всматриваясь в изображение на экране.

Короткие черные волосы, темные глаза, нос с горбинкой. Он узнаёт её, но не верит глазам. Девушка изменилась, но не настолько, чтобы не признать в ней ту, которую, казалось бы, потерял навсегда.

— На запястье, — киваю я. — Листни вправо.

Парень не листает, откладывает телефон и снимает с левой руки браслет из полосок темно-коричневой кожи. Грудная клетка вздымается как кузнечные меха. Дышит тяжело, шумно и выворачивает руку. Под браслетом прячется маленький черный скорпион.

— Знак зодиака, ну, конечно же, — шепчу я, узнавая рисунок. Не просто похожи, один в один.

Парень оседает на пол. Трясущимися руками обхватывает голову. Его пробирает дрожь, а с губ срывается смешок.

— Катя, — смех переходит во всхлип.

Тихая истерика, между отчаянием и надеждой.

— Катя... как же...

Я не понимаю, она это или всё же нет. Молча, сажусь рядом и прижимаю парня к себе. Он тихо почти беззвучно плачет.

— Костя?

— Аня, отвези меня к ней, пожалуйста, — он торопливо вытирает влагу со щек и смотрит на меня умоляющим взглядом. — Мне за руль... Нельзя за руль в таком состоянии, но я должен её увидеть, Ань... это она, я чувствую. Вижу, и тату... вместе же делали.

Мы трогаемся только со второй попытки и тихонько едем. По пути я звоню в больницу, чтобы уточнить, где сейчас девушка.

Она по-прежнему находилась в неврологии. Врачи не знали, как можно ей помочь, и уже стоял вопрос о её переводе в психоневрологический интернат.

В отделение я поднялась одна, оставив Костю в машине. Там девушки не было, медсестра сказала, что она где-то во дворе.

— Кость, сначала я поговорю с ней, хорошо? Она может испугаться, — парень в машине оставаться больше не желал и сейчас рвался вперёд, скорее разыскать её.

Он вроде соглашался со мной, но увидев девушку на лавке, не сдержался.

— Катя! — крикнул он и рванул к ней.

Костя присел на корточки напротив девушки и попытался схватить за руки, но она испуганно отдернула их и соскочила с лавки.

— Аня, кто это? — увидела меня и спряталась за спиной. — Почему он так назвал меня?

— Рина, так, может, лучше? Катя, это же я Костя, брат твой. Неужели ты меня не помнишь совсем?

Он изо всех сил держался, но глаза блестели от подступивших слёз.

— Вот смотри, у тебя даже татуировка такая же, — он протягивает к ней руку, демонстрируя рисунок. — В шестнадцать лет сделали, вспомни, думали, мама голову оторвёт. Мама, ты так похожа на неё. Не помнишь?

Девушка смотрит на запястье и отодвигает свой рукав, неуверенно касается рисунков. Они, в самом деле, одинаковые, только у Кости он будто сильнее выщвел.

— Катя, ты же Душа.

— Душа? — в глазах девушки появилось что-то кроме испуга.

— Душа, мы же вместе родились и всегда вместе были. Помнишь? Ты имя моё не выговаривала в детстве, Котя называла. Меня с тех пор Котом и кличут.

Она уже не пряталась за меня так явно, но всё же держалась рядом.

— Вот смотри, у меня фотографий куча наших! — он что-то отыскал в телефоне и протянул его девушке.

Она принялась листать и робко заулыбалась.

— Я, что такая красивая?

— Очень, — улыбнулась я и добавила: — Не бойся, он тебе ничего плохого не сделает.

Она доверчиво улыбнулась мне, а пролистав, остановилась на одном из фото и прерывисто всхлипнула.

На фото она и Костя, им лет по десять, может одиннадцать, качаются на качелях. На заднем плане домик из камня с высокими окнами, стены увиты растениями, деревья рядом усыпаны розовыми цветами.

— Я видела это место во сне, — тихо шепчет девушка. — Там вода рядом и бабушка, выпечкой пахнет. Я не знаю... почему я это помню?

Она бросает на нас растерянный взгляд, и Костя хочет что-то сказать, но я останавливаю его, потому что Рина продолжает говорить.

— Размытие лица, — она порывисто закрывает лицо руками. — Смех и кто-то обнимает меня. Ещё спина, кто-то сидит со мной. Спина к спине и мне уже не страшно...

— Ты помнишь, потому что всё это было, — Костя аккуратно обнимает её за плечи. — Домик у воды, это у бабушки в Абхазии.

Парень отнимает её руки от лица и заходит за спину. Встаёт в точности так, как и говорила она. Оба, как по щелчку опускаются на землю, подтягивают колени к груди, как и руки и прижимаются затылками.

Девушка закрывает глаза, прерывисто дышит.

— Мама говорит, что мы так же в животе у неё лежали.

У обоих слёзы на щеках.

— Я не помню, никого не помню, — всхлипывает Катя. — Чувство это, мне теперь спокойно. Я не помню, кто ты, но прошу... не оставляй меня.

— Не оставлю, Кать. Больше никогда.

Парень в очередной раз берётся за телефон.

— Отец, приезжайте, — говорит, едва сдерживая слёзы. — Я нашел Катю. Ань, скажи им адрес, пожалуйста, и подтверди, что у меня не съехала крыша.

С этими словами он передал мне трубку, и объясняться с шокированным Владиславом Валерьевичем пришлось мне.

Подтвердила, что парень не пьян и, что всё сказанное им правда. Сказала адрес и объяснила, как именно нас найти. Пока говорила с женщиной, Костя и Катя так и сидели. Молча, закрыв глаза, позволяя себе выплакать всю боль и страх.

А по второй линии пытался прорваться Максим.

===== Глава 32 =====

Мы опоздали на встречу больше чем на час. По телефону Макс пытался ругаться, но всё же выслушал мои скомканные объяснения, резко замолчал. Наверное, как и я, сначала не мог поверить в происходящее. Предлагал отложить встречу, но Костя твёрдо решил ехать.

Оказавшись в знакомом районе, я немного растерялась. Квартира Максима, как, оказалось, находилась в том же жилом комплексе, где и я прожила с Глебом около шести лет. Я понимала, что, скорее всего при Косте мужчина мне ничего не сделает, но встречаться с ним лишний раз не хотелось.

Нас встретила просторная студия в светлых тонах, по первому впечатлению не вязавшаяся с её хмурым и холодным, словно высеченным из гранита, хозяином. Больше всего удивляла не обстановка, а девушка, сидящая в большом мягком кресле с подушкой под спиной.

Марина не обращала на нас внимания и просматривала что-то в телефоне. Костя объяснялся с Максимом, а я удивлённо следила за тем, как тонкий пальчик бывшей коллеги касается дисплея. Округлившийся живот сразу привлёк внимание. Она беременна? От Макса? Почему я не в курсе, хотя, наверное, и не должна. В конце концов, я с Максом не была в близких отношениях.

За стенкой послышался шум воды, затем мягко хлопнула дверь.

— Привет, ребят.

Я видела, кто вышел из ванной, и всё же не сразу поверила своим ушам. Лера тем временем прошла на кухню, достала из холодильника конверт со сдобой и заправила капсульную кофеварку.

— Кофе кому-нибудь сделать? — улыбнулась она. Встав на носочки, девушка потянулась за кружкой.

От высокого потолка отразился раскатистый гортанный смех, от которого я невольно вздрогнула. Так было непривычно видеть хозяина квартиры не с холодным каменным лицом.

— Вершинина, ты ни капли не изменилась. Ей богу, как в студенчество вернулся, — мужчина широко улыбался, от чего на гладко выбритых щеках появились ямочки.

Не знаю, игра ли света виновата, но глаза Максима словно блестели, светились каким-то внутренним теплым светом, от чего его гетерохромия делалась ещё более явной.

— Лучше бы помог, — Лера фыркнула совсем по-девичьи, мило сморщив нос. — Пovyрастали великаны и шкафы туда же.

Дальнейшая картина могла не удивить разве что камень. Мужчина подошел к девушке и, вытянув руки, достал кружки с верхней полки.

— Держи.

Он смотрел на неё с какой-то особенной теплотой. Не как влюблённый или родственник, как то совершенно иначе, словно бы, когда-то их что-то связывало, что-то, что им двоим приятно вспоминать.

— Обожаю твою непосредственность.

— Сам же сказал, чувствовать себя, как дома.

Подругу, кажется, его близкое присутствие ни капли не смущало. Даже наоборот, она выглядела более чем расслабленной и спокойной.

— Да я и не против, этой квартире не хватало женского присутствия.

Вроде и не флиртовали, но какая-то искра между ними словно пробежала.

Я перевела удивлённый взгляд на Марину, если она с Максом, то почему терпит его пусть и лёгкий флирт с другой?

— Ну, знакомить вас всех не нужно, я думаю, — лицо хозяина квартиры снова стало непроницаемым.

Лера, обхватив ладонями кружку, серьёзным взглядом смотрела на Костю.

— Давайте ближе к делу, — кивнула она, но дальше договорить не успела.

— Стойте, кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит?

Повеселевший было Костя, снова был напряжен. Брови то и дело сходились на переносице, губы поджаты.

— Что именно тебе непонятно? — Макс выглядит удивлённым. — Лера, твой адвокат. Если вдруг что, выступит в суде.

— У меня нет таких денег.

— Об этом не переживай, я делаю это по старой дружбе, — подруга улыбается Косте и слегка подмигивает Максиму. — И про суд, я уверена, что до этого не дойдёт. Слишком уж долго тебя мурыжат, Кость. Поверьте, если появился шанс избавиться от глухаря, в полиции им бы воспользовались. Дело громкое, раскрой его и получи признание начальства, а то и новые звёзды.

— Но свидетель, — напомнил Костя.

— Сильно сомневаюсь, что он вообще есть.

— Не стоит так категорично, — возразил парень.

— Даже если и так, экспертиза подтвердит твоё состояние аффекта, — вклиниваюсь я в разговор. Хочу напомнить, что он не убивал его, но Макс останавливает.

— Если его причастность всплывёт даже в виде слухов, Арсению будет всё равно на это, — говорит он совершенно серьёзно. — Я на его месте не стал бы разбираться. А, что до свидетеля, Кость, если ты про того поца, что на заброшке с тобой был, то ему ой, как опасно начинать говорить. Люди не идиоты и сразу поймут, кто стоит за всем этим.

— Согласна. Ему лучше помалкивать, не чужие навестят, так от своих же по башке получит, — кивнула Лера, протягивая Максиму кружку. — Подержи, но не пей.

Из прихожей она вернулась с объемной папкой и шлепнула её на стол.

— Всё, что смогла нарыть по своим каналам, да и Олег подсобил.

Макс равнодушно открыл её и полистал содержимое.

— Домогательства, превышение скорости, вождение в нетрезвом виде. И, что нам это даст?

Домогательства? Что ж не все девушки, видимо, велись на красивое лицо и сладкие речи, но раз я об этом не слышала раньше, значит, ему это сошло с рук. А вождение в нетрезвом виде почему-то так и не привело к лишению прав.

— Это только начало, — хмыкает Лера, склоняясь над столом. — Вот.

Она выуживает один из листков и протягивает его мужчине.

— Наш товарищ, еще в 2008 году сбил человека.

— Это была случайность, он сам выскочил под колёса, — зачем-то встречаю в её

рассказ. Помню эту ситуацию, но там всё довольно быстро разрешилось. — Илона это подтвердила.

— Ну, это его версия, — хозяин квартиры выжидающе смотрел на Леру.

— Именно! — кивает она. — Потерпевший спокойно переходил по зебре, когда наш герой на скорости снес его и ещё какое-то время волок по асфальту. И в машине он был один. Один из жителей дома напротив заснял этот момент, любитель подглядывать в чужие окна. Побоялся, что ему что-то будет и промолчал, когда следователь по квартирам ходил.

— Хочешь сказать и запись у тебя есть? — Макс хищно усмехнулся.

— И свидетель готов дать показания в суде, — кивает она.

— Как ты его вообще нашла, спустя столько лет?

Лера только пожала плечами, оставляя это как пищу для размышлений.

— Мать его прикрыла, опять, — вздыхаю я, почему-то это меня совсем не удивляет. Она всегда носилась с ним, как с писаной торбой. — А тот пострадавший, жив?

— Да, у него повреждён позвоночник и нужно лечение. Он согласен не обращаться в суд, если все расходы ему возместят, — успокоила меня Лера и добавила, переводя взгляд на Максима. — Сам Глеб на контакт идти отказывается. Звони Игорю Владимировичу, если не хочет, чтобы сын сел, пусть решает его проблемы.

— Жестокая ты женщина, — ухмыляется мужчина одобрительно.

— А что от меня требуется? — Марина потягиваясь, напоминает о себе.

Со всеми этими новостями я и забыла о вопросах, возникших в голове ранее.

— От тебя? — непонимающе выдаю я.

— Марина — наш план «Б», — спешит объясниться Лера. — Ань извини, но шила в мешке уже не утаить. Она ждет ребёнка от Глеба. А учитывая, что в связь с ним она вступала не совсем добровольно...

«Не совсем добровольно», что это значит? Неужели она хочет сказать, что Глеб мог изнасиловать её? И первым приходит недоверие: вокруг него всегда много женщин. Зачем ему брать кого-то силой, если может соблазнить почти любую?

Одёргиваю себя при этих мыслях. Затем же, зачем ему приспичило вернуть меня — просто потому что ему этого захотелось.

— Я пыталась сопротивляться, но была слишком пьяна, — девушка опустила глаза, щёки залил румянец. Она тихо сконфуженно уточнила: — Ведь это считается, я не давала своего согласия?

Она стыдится произошедшего, а мне становится стыдно, что могла сомневаться в его словах. Я ведь и сама знаю, что Глеб способен на многое.

— Считается, — кивнула подруга и мягко взяла Марину за плечи. — Не нервничай, слышишь? Тебе нечего бояться, я буду рядом. Игорь — нормальный человек, адекватный. Просто расскажешь ему всё, как было.

Ошарашенная и растерянная я выхожу на незастекленный балкон. Шум города приводит в чувства, а осенний воздух холодит разгорячённое лицо.

День кажется слишком долгим. Настолько он богат на события, что голова кругом. И мне вроде бы схватиться за голову и ужаснуться.

От того, каким лицемерным чудовищем оказался Глеб. Поливал Костю грязью, обвинял в ужасных вещах, а сам оказался далеко не святым.

От того, что он воспользовался беспомощным состоянием Марины, кажется, так это назвала Лера. Несмотря на протесты, хоть и вялые, он спал с ней против воли. И теперь она

носит ребёнка от него.

Остаётся верить, что девушка будет любить малыша. И он не вырастет таким, как отец.

От того, чем со мной поделился Костя. Видела его с сестрой, и в груди болело, когда представляла, что он был уверен в её смерти, уверен, что больше никогда не сможет пережить эти моменты с самым близким человеком.

Мне бы ужасаться, но я смотрю по ту сторону окна. Смотрю, как Костя, судя по жестам, что-то обстоятельно объясняет Лере и сквозь растерянность и небольшой шок, поднимается спокойствие. Ощущение уверенности — мы справимся, главное, что он рядом.

Парень словно чувствует мой взгляд, оборачивается, улыбается и вновь возвращается к разговору. И так тепло на душе становится от одного взгляда, от одной короткой улыбки, все страхи отступают обратно в темноту.

— Можно? — приоткрыв дверь, спрашивает Марина. Она робко топчется на пороге, что мне самой становится неловко. Непривычно видеть её такой: растерянной, смущённой, даже пристыженной.

— Конечно, — киваю я, и опираюсь на парапет, провожая взглядом машины.

— Мне так стыдно, — она становится рядом, кутаясь в объёмный кардиган. — Знаешь, я ведь тебе завидовала. Думала, ты как сыр в масле. И квартира, и машина, и по югам катаешься в год не по разу, и мужик красивый. Потом парня этого с тобой увидела... и такая злость взяла! Думала, почему кому-то всё, а мне ничего?! Думала, ты с жиру бесишься... думала отобью Глеба и всё. Такая дура была!

Она закрывает лицо руками, прячет глаза.

— Прости, что так вышло.

Я, наверное, должна ненавидеть её. Всё же она спала с моим мужчиной, хотела увести его, строила козни.

Но ничего кроме сочувствия к ней, у меня нет.

Мы обе поверили красивой картинке. Поверили в образ идеального состоятельного мужчины, который убережёт от всех бед, обогреет и защитит. Судили по одежке и обе жестоко ошиблись. И кому досталось сильнее так сразу и не разберёшь.

— Не вини себя, — я мягко улыбаюсь ей. — В конце концов, это именно он мне изменял. Да и вообще, это всё теперь не важно. Какой у тебя срок?

— 22 недели, — улыбается она. Такие мягкие ленивые жесты и круглые щёчки — глаз радуется. Марину украшает материнство. — Пол не узнавала, пусть будет сюрприз.

Умиление вызывает то, как она поглаживает живот.

— Глеб знает?

Марина мотает головой.

— Мы разругались ещё до того, как я узнала про беременность. Да он бы не поверил, что от него, — бросает она обиженно. — Ты молодец, правильно сделала, что бросила его.

Я усмехаюсь. Мы никогда так просто и много не разговаривали. Я считала её высокомерной.

— Блин, ты в курсе, что он в телегонию верит?

Я прыскаю со смеху, была уверена, что смогла убедить мужчину, что это антинаучная ерунда.

Марина смотрит на меня и тоже начинает смеяться. Наверное, мы делаем это слишком громко, потому что Макс удивлённо таращится на нас, выглядывая на балкон.

А мы не можем остановиться, пока не начинаем задыхаться. Смех похож на истерику,

но после него делается легче.

===== Глава 33 =====

Сидя на пассажирском сидении, поглядываю то на Костю, то в окно. Огни вечернего города, пожарища осенней листвы и яркие вывески словно теряют резкость, смазываются из-за капель дождя, барабнящих по стеклу. Наш серый город выглядит, как на картинах импрессионистов.

Тишина салона, шум города и барабнящие капли дождя. Идеальная симфония спокойствия и размеренности жизни, но ладони потеют, сердце колотится так громко, что, кажется, Костя слышит его стук.

— Не волнуйся, — парень пытается улыбнуться, бросая на меня короткий взгляд. Следит за дорогой, крепко держа руль. Дождь расходится всё сильнее, дворники едва справляются с потоком воды.

— Ага.

Возвращаю ему улыбку, хочу сказать что-то подбадривающее. Успокоить, мол, Игорь Владимирович нормальный человек. Всё наладится, образуется. Уверена, что Костя и сам нервничает, хоть и всем видом старается показывать обратное. Слов не находится, хочу взять его за руку, вложить все чувства в это прикосновение, но не решаюсь отвлекать от дороги.

— Я с тобой, чтобы ни случилось.

Медленно выговариваю, не отрывая взгляда от парня. Хмурая складка между бровей медленно разглаживается. Он всё так же смотрит на дорогу, но в глазах появляется едва заметный теплый огонёк.

В офисе Макс кивает охраннику, мы без проблем проходим в холл и поднимаемся в кабинет, официально принадлежащий Глебу. Нервы напряжены и, кажется, обручальное кольцо жжет палец. За всеми этими событиями у меня и времени не было, чтобы даже задуматься о том, чтобы его снять.

В кабинет заходят Лера и Максим. Как ни стараюсь, я не могу расслышать, о чем идёт разговор. Все ощущают это напряжение. Костя сидит с каменным лицом, Марина перестала листать ленту соцсетей и нервно тербит край кардигана. Я меряю шагами приёмную. Не могу сидеть на месте, когда решается наша судьба, наше будущее.

Всё сейчас полностью зависит от решения Игоря Владимировича. И я боюсь до трясучки. Он всегда относился ко мне, как к дочери. Так искренне радовался на свадьбе, и уже не раз заговаривал о внуках. Сердце сжимается при мысли, что сейчас придётся причинить боль ему, рассказав обо всём.

Я вздрагиваю, когда дверь кабинета распахивается, неприятно скрипнув.

— Идемте, — жестом Лера приглашает нас войти. — Марин, посиди здесь, я позову тебя.

Девушка растерянно осматривается, боится оставаться одной в незнакомом месте, но кивает послушно.

— Это ненадолго, — успокаивает её подруга.

Заходим с Костей и останавливаемся у стола хозяина кабинета. Взгляд сам прилипает к полу, к носам немного запачканных конверс.

Чувство стыда расплзается по душе едким пятном кислоты, разъедает меня. Всё это из-за меня. Столько народу суетится, побросав все дела. Даже Лера вынуждена решать

проблемы, которые образовались по моей вине, находясь поздно вечером здесь, а не в уютной квартире рядом с дочкой. Максим и вовсе работает с Игорем и происходящее вполне может столкнуть их лбами, принося дискомфорт в лучшем случае.

— Здравствуйте, — выдавливаю я, косясь на Леру и Макса, сидящих в расслабленных и одновременно собранных позах перед мужчиной.

— Вечер, не могу сказать, что добрый, — выговаривает он обманчиво спокойным тоном. Переплетённые пальцы подпирают подбородок. — Вы присаживайтесь, в ногах правды нет.

Мы садимся рядом друг с другом, под столом я ловлю руку Кости. Парень мягко, но крепко держит мою ладонь в своей, как бы давая понять, что всё будет хорошо.

— Игорь Владимирович, я...

Решаюсь посмотреть на мужчину. Он неотрывно смотрит на Костю, Костя на него. Взгляд настороженный, даже любопытный, но не враждебный.

Повисает тишина. И я вроде собираюсь с духом открываю рот, чтобы продолжить говорить, но он жестом останавливает меня. Нервно потирает переносицу и говорит, прочистив горло:

— Оставьте нас с Анной наедине.

Лера кивает и удаляется, вместе с Максом. Костя после обмена взглядами с Игорем выходит вслед за ними, бросив мне ободряющее «Я буду рядом».

Странный необъяснимый страх берёт в тиски. Я боюсь оставаться без Кости, до дрожи в руках боюсь, что опять придется расстаться с ним надолго. Да, человек ко всему привыкает, но сейчас его отсутствие, кажется чем-то несовместимым с жизнью.

— Выходит, ты и в самом деле бросила моего сына ради другого парня? А ведь я до последнего считал, что Глеб опять врёт, чтобы как-то себя оправдать.

Мужчина вздыхает устало и ослабляет узел галстука.

Внутри всё сжимается. Он и в этот раз верил больше мне, и вроде как стыдно, что не оправдала доверие. Нервно сглатываю, подавляя желание начать извиняться.

— Люди могут разлюбить друг друга, в этом никто не виноват, — я стараюсь подавить волнение в голосе, но выходит плохо.

Вечный страх расстроить других людей мешает. Я ненавижу такие ситуации, когда хочешь подумать о себе и в итоге обижаешь кого-то.

— Ты права. И нужно быть смелым человеком, чтобы решится уйти из отношений, а не жить на две стороны.

Смотрит отстранённо, но тряхнув головой, отгоняет какие-то посторонние мысли.

— Значит, и на свадьбу тебя вынудил? — вопрос риторический, но я киваю. Не знаю, что сказать ему.

— Игорь Владимирович, я теперь понимаю, что мне стоило поговорить с вами тогда, но я испугалась. Поймите меня, все эти месяцы, как в тумане.

— Я понимаю, просто ещё пока не могу поверить. Мы так радовались за вас, я признаюсь, уже и кровать и коляску присматривать начал. Решил, что ты внука мне скоро подаришь, раз вы так срочно поженились.

Сильный мужчина, сейчас выглядит растерянным и поникшим. И мне дико хочется успокоить его и ободрить, убедить, что всё будет хорошо. Всё же он из всей семьи относился ко мне лучше всех, и я теперь чувствую, что в долгу перед ним, что ли.

— Я понимаю, вам сложно принять...

— Нет, Аня ты не понимаешь, — обрывает меня, уронив лицо в ладони. — Не понимаешь. Я хотел сделать из Глеба человека, воспитывал в строгости, старался, по крайней мере, и всё же где-то что-то упустил. Чего ты хочешь? Денег, компенсации морального ущерба?

— Мне ничего не нужно, просто пусть Глеб отпустит меня и оставит в покое Костю.

Из приёмной доносится странная возня и ругань. Меня ледяной пот прошибает, когда различаю голос Глеба.

Игорь Владимирович бросается из кабинета, я за ним. Перед глазами встает неприглядная картина.

— Чего ты прячешься за них? Вылези уже из-под юбки, поговори со мной как мужик с мужиком!

Пьяный в умат Глеб кричит на Костю, брызжа слюной, махая руками. Лера на расстоянии вытянутой руки удерживает парня, как и Макс. Костя сжал кулаки и тяжело дышит.

— Глеб, возьми себя в руки. Твоё поведение играет против тебя, — Лера твердо чеканит каждое слово.

Спокойный взгляд и уверенные жесты, она никак не реагирует на выкрики Глеба, лишь холодно пресекает его попытки добраться до Кости.

— Что ты говоришь! Да я вас всех зарюю! — орёт он, бравирюя своими возможностями. Гневно тычет в парня пальцем: — Вон этот уже знает, как со мной связываться! Как ты сука только живой ещё?!

Макс одновременно с Костей подаются вперед. От взгляда Макса по коже пробегает мороз, у Кости же глаза налились злобой, такой жуткой и черной.

Максим ловит взгляд Леры и останавливается, придерживая Костю за плечо. Мотает головой, смотрит на него строго.

— А ты чего там ему шепчешь? — Глеб не унимался. — Руки от меня убери, кобыла! Сунешься ко мне, тебе покажут, где твоё место!

У Леры чуть дернулась бровь. Она отклонилась, когда мужчина замахнулся на неё.

— Не зарывайся Глеб, я тебе не запуганная девочка, — строго проговорила она. Хищный взгляд её, не предвещал ничего хорошего.

— Прекратите! — громовой голос Игоря Владимировича заставил всех разом замолчать.

— Папа, что этот отморозок делает здесь?! — Глеб звучит, как ребенок, у которого отняли что-то. От капризной интонации передёргивает.

— В кабинет все!

С этими словами мужчина возвращается за стол и тяжело опускается в кресло.

— Я не сяду с ними за один стол!

— Нет, ты сядешь! — твердо чеканит хозяин кабинета. — Сядешь, и мы всё решим, как адекватные взрослые люди!

Под давлением отца, Глеб разваливается в кресле. Мы рассаживаемся, я стараюсь держаться рядом с Костей. Марина тоже в кабинете, тихо сидит на диване и испугано смотрит на Глеба. Тот её, похоже, и не замечает.

— Игорь Владимирович, предлагаю продолжить с того, на чём остановились, — Лера, окинув взглядом присутствующих, берет слово. — Кроме всего вышперечисленного, а это истязание, побои, незаконное лишение свободы, шантаж и незаконное проникновение в жилище, вы, Глеб Игоревич, подозреваетесь в нарушении правил дорожного движения, по

неосторожности повлекших...

— Чего? Дело закрыто, с меня снято обвинение, пап, скажи им! — Глеб сразу понимает, о чём речь и не даёт подруге договорить, от чего она только вздыхает и пожимает плечами.

Мужчина продолжает возмущаться, трясая руками, пока грубый окрик отца не заставляет его уgomониться.

— Закрой рот, щенок! — Игорь Владимирович со всей силы бьёт по столу кулаком, сверля сына тяжёлым взглядом. — Есть запись, и дело вот-вот будет возобновлено. И ты сядешь, а мать вместе с тобой, потому что выгораживала тебя! Глеб, что ты творишь? Ты ведь адекватный, умный человек, как ты мог всё это сотворить?

— Папа! — Глеб возмущённо вскрикивает, когда мужчина, обойдя стол, хватает его за отвороты пиджака, заставляя подняться на ноги.

Под возмущенные восклицания сына, он вырывает из кармана бумажник и ключи от машины.

— Пошел вон!

— Что выгонишь меня на улицу?!

— Я сказал, вон!

Глеб покидает кабинет, показательно хлопнув дверью. Игорь Владимирович берется за телефон и отдает распоряжения.

— Сергей! Там мой сын сейчас спустится, отвези его домой. Ко мне домой! Он будет сопротивляться, будьте готовы... Хорошо.

Я и Марина спим вповалку на диване в приемной, когда глубокой ночью из кабинета выходит Лера. Глаза подруги красные и слезятся от усталости, но на лице довольная ухмылка.

— Сделали! — выдает она громким шепотом, заметив, что я не сплю. — Всё, Ань, Костя свободен. У нас получилось.

Всё это время они провели с телефонами в руках. Дозванивались до кого-то, не стесняясь потревожить. Вели долгие переговоры. Требовательно, вежливо, заискивающе, сдержано, пару раз подруга не сдержалась и высказалась крепким русским словом.

И вот она стоит на пороге кабинета, сонно потирает глаза и довольно улыбается. Позади неё в самом кабинете, Игорь Владимирович что-то разъясняет Косте.

— Не нужно никуда ехать, сегодня ближе к вечеру мой человек привезет документы к Максиму, и там всё посмотрите и подпишите. Подписку о невыезде, как и все обвинения, считайте, сняли, осталось уладить формальности.

— Где гарантии, что от парня отстанут? — встречает Максим.

— Тебе мало моего слова? Вот, — мужчина потягивает ему папку. — Тут считай судьба моего сына и репутация моей семьи. Теперь они в твоих руках.

Оба держатся отстранённо, между ними осязаемо стелиться холодок. Макс кивает, перехватывает документы и убирает их в портфель.

— Я понимаю, что мой сын наворотил дел, — хозяин кабинета смотрит куда-то на стол. По лицу пробегает дрожь, мужчина нервно сглатывает. — Нам стоит обдумать, как разойтись с тобой мирно, Максим. Не принимай на свой счёт.

— Игорь, я понимаю.

Он протягивает руку. Крепкое рукопожатие, как знак исчерпанного конфликта и

примирения.

— Аня, вот ключ от квартиры, можешь забрать свои вещи, ты свободна.

— Я... мой паспорт, — выдавливаю я, принимая ключи.

Российский паспорт, загранник, водительские права. Все документы, кроме студенческого, где-то у Глеба.

Мужчина только прикрывает глаза. Его эта ночь тоже измотала.

— Хорошо, позвоню тебе по этому вопросу с утра, не возражаешь?

Я киваю, что мне остаётся. Документы наверняка в сейфе, пароль от которого я не знаю. Не таскал же их Глеб с собой.

Хозяин кабинета устало опускается в кресло.

— Игорь Владимирович, это ещё не всё, — в разговор встревает Лера, нарушая начавшуюся сгущаться тишину.

— Валерия Александровна, ты меня не иначе сегодня добить решила? — мужчина беззлобно выдыхает, закрывая лицо руками. — Сам уже понимаю, о чём ты хочешь поговорить. Оставьте нас с девушкой.

Марина, сонно поглядывающая на нас, сжимается и хватается Леру за руку.

— Оставайтесь пожалуйста, — шепчет ей едва ли не испугано. Подруга кивает.

— Лер, тебя подождать? — Максим перехватывает взгляд девушки. Она снова кивает.

Спустя пару часов мы уже сидим в кафе, в которое часто заезжали с Костей. Лера с аппетитом вгрызается в бургер, а я ковыряю салат. Есть совершенно не хочется, руки после пережитого всё ещё трясутся мелкой дрожью.

— В общем-то и всё, — прожевав, Лера завершает свой рассказ. — После родов сделают ДНК, и если отцовство подтвердится, Глеб будет платить алименты.

— И она согласилась? — Макс хмыкает с сомнением. — Честно говоря, не выглядит эта Марина, как жертва изнасилования.

Подруга медленно проглатывает остатки еды, сверля Максима недобрым взглядом.

— Уверен, что знаешь, как должна выглядеть женщина пережившая насилие? Что представление об образе жертвы тебе не навязано? — от казённых слов веет холодком. Лера непреклонно смотрит на мужчину исподлобья. Макс кривит губы и вроде собирается сказать что-то ещё, но не решается. Она договаривает, чуть смягчившись: — Я лучше после разочаруюсь в человеке, чем обесценю страдания.

— Вежливо ты с Глебом, я даже удивился, — хмыкает он, переводя тему. — Раньше бы ты его обложила, уши свернулись.

Лера заливисто смеётся, вспоминая что-то своё.

— В годы универа, я не была обременена адвокатской этикой. И могла называть вещи своими именами, — она пожимает плечами. — Самойлов ведь был твоим основным клиентом?

— Но не последним, — ухмыляется мужчина. — И вообще, я в Москву буду перебираться.

— Вот так готов всё бросить? — Костя в недоумении, как и я. Хотя и мало о нём знаю, но уверена, тут у него жизнь уже устоявшаяся и привычная, а там неизвестность. — А как же бар?

— А что бар? Оставлю доверенное лицо, да и в Москву зовут уже давно.

— Макс, я... прости, если бы не я... — чувство вины заставляет меня заговорить. Если

бы я не свалилась им на головы, он не был бы вынужден менять свою жизнь.

— Не вини себя только, — лицо мужчины озаряет улыбка. В глазах тоже тепло, с каким, он смотрел на Леру. — Бы, не бы. Всё не важно. Семья всегда стояла для меня на первом месте, а ты теперь вроде как её часть.

— Москва — это хорошо, — Лера хмурится, обводит нас взглядом. Он наполнен неприкрытой тревогой. — Что будем делать с вами?

Воздух вокруг нас густеет, а в молчании ощущаются тревожные нотки. Не видя причины, хочу стряхнуть с себя ощущение липкого страха.

— Я поеду в квартиру, заберу вещи, — решительно высказываюсь. Не хочу ждать чего-то или сперва выспаться. Есть желание окончательно оборвать всякую связь с Глебом.

В течение двух-трех дней Игорь Владимирович обещал прислать кого-нибудь с документами на развод, а там можно возвращать свою фамилию и возвращаться на работу, если, конечно, примут.

И вообще, Костя. Теперь уже ничего не помешает нам быть вместе. Я торопливо лезу в сумочку, в маленький кармашек, куда не так давно перепрятала цепочку парня и кольцо, которое он мне подарил.

Прошло не так чтобы много времени, а, кажется, целая вечность.

— Ой, а я думал, что потерял, — улыбается парень, принимая свою вещь. Лицо его озаряет улыбка, видимо, это для него весьма ценно. — Ань?

Он берет кольцо и с теплотой смотрит на меня.

— Ты ведь не передумала?

— Ты о чём?

Парень медленно опускается на одно колено и протягивает мне кольцо.

— Ты выйдешь за меня?

Смотрит, не моргая, и ждёт. Я только протягиваю руку и с улыбкой произношу «конечно». Смешной, разве что-то могло поменяться?

И снова на пальце, переливаясь чистыми гранями, поблёскивает камень, только теперь всё должно быть иначе. Всё должно получиться.

— Кхм, — в идилию момента грубо вторгается нетерпеливое молчание Максима. — Это всё, конечно, мило и всё такое, но вам сейчас лучше повременить с женитьбой.

— Чего это? — хмурится Костя. Парень сидит рядом со мной, мягко поглаживая пальцы. — Сейчас с этим недоразумением разведется и можно заявление подавать, Ань, ты же не против?

Можно подумать, что он торопится, но первая мысль, притормозить его, уходит сама собой. Я хочу быть с ним и совершенно не важно, что стану женой так скоро.

— Кот, ты что, в самом деле, не врубаешься? — Макс стискивает зубы, нервно приглаживая волосы. — Как только ты попал в СИЗО, поползли слухи. Народ шепчется, строит догадки. У меня напрямую никто не спрашивал, но Климов уже суету мутную наводит. Игорь, конечно, обещал, что дальше кабинета наш разговор не выйдет, но нет гарантий, что сам Глеб дружку не проболтается.

— Уезжать тебе нужно, Кость, — тихо добавляет Лера. — Куда-нибудь подальше, на годик-другой.

Внутри что-то обрывается, дыхание перехватывает от её слов. Куда уезжать, а как же я?

Уезжать с ним, но учеба. Я не могу всё просто взять и бросить, да и условия связывают руки.

Костя бросает на меня сникший взгляд. Да ну, кто и что ему сделает? По взглядам Леры и Максима понимаю, что не представляю очень многого.

— И куда? В дыру какую-нибудь переехать? Прятаться всю жизнь? — запальчиво выдаёт парень, стискивая кулаки.

— Почему в дыру, поехали со мной? Пересидишь там, как всё тут стихнет, вернёшься, — Макс пытается улыбаться, подбадривая брата. Костя смотрит перед собой невидящим взглядом. — Ну, или, если понравится, останешься.

Если всё настолько серьёзно, то они правы. Что уж там за слухи и суета, но вспоминая рассказы Глеба о Климовых, пробирает нервная дрожь. Тюрьма уже кажется не самым страшным.

На один миг охватывает паника. Я не хочу снова расставаться с Костей. Не хочу и дня без него. И всё же Москва не край света, а мы уже пережили разрыв и справились. Справимся и теперь.

Утихомирив свои страхи, я накрываю руку Кости своей, мягко заставляя разжать кулак.

— Жить на два города сложно, но мы справимся, — стараюсь говорить мягко, подбодрить парня своим спокойствием.

— И ты согласна на отношения на расстоянии? — его лицо болезненно хмурится. Я только и могу, что кивнуть. У нас нет выбора. — А родители?

— С ними всё будет в порядке. Здесь остаются люди, которым я могу доверять. И они если, что вдруг, смогут защитить и их, и тебя, Ань.

— Если что вдруг? — у меня вырывается нервный смешок. Сразу не приходит в голову, что могут мстить Косте, через меня. И даже, когда осознаю, это кажется абсурдом.

Лера мягко сжимает моё плечо, привлекая внимание.

— Ань, ситуация очень серьёзная. Прошу тебя, будь аккуратна. И в ближайшее время постарайся не оставаться одна на улице в темное время.

Боже, дурдом какой-то. Не ходить в темное время, быть осторожной? Что ещё, бежать из страны? И я ведь осознаю, что может случиться всё что угодно, просто в голове не укладывается.

— Уверен, до такого не дойдёт, но лучше перестраховаться, — кивает Максим. — Поехали по домам, нам всем стоит отдохнуть.

Костя улетел в Москву через три дня.

В аэропорту я едва держалась, чтобы не разрыдаться. От одной только мысли о предстоящей разлуке на душе скреблись кошки, а дышать получалось с трудом, словно из комнаты откачали весь воздух.

«Позаботишься о ней?» — с этими словами он протянул мне ключи от машины. Глупо, но это стало для меня своего рода актом высокого доверия. Парень любил свою машину и никогда не пускал никого за руль, а тут...

Растерянная, я сжимала кусочек металла, потеплевшего от моих ладоней, когда автобус увез Костю к трапу. С замиранием сердца смотрела вслед самолёту, когда тот расчертил предрассветное небо.

Я долго плакала, сидя в машине, касаясь руля в том месте, где его касались руки Кости. Бросила взгляд на заднее сидение и слёзы хлынули с новой силой. Там в тесноте я впервые ощутила жар его прикосновений, там держала его за руку, когда парень едва не умер, заступившись за меня. Тут на переднем пассажирском, поджав ноги под себя, всегда сидела,

поглядывая на то, как он ведёт машину. И именно тут он обнимал меня, когда я плакала после посещения детского дома. Столько всего было тут. Мы смеялись и грустили, мы пели и кривлялись, смотрели на рассветы и закаты, любили и ругались.

Думать о нас в прошедшем времени больно, и я ругаю себя за это. У нас ещё всё это непременно будет, но как бы я себя не успокаивала, в отношении на расстоянии я никогда не верила.

И глубоко внутри я боюсь, что расстояние убьёт наши чувства. Боюсь, что мы не справимся с ревностью, с отсутствием встреч. Боюсь, что чувства остынут, что появится недосказанность, и мы в конечном итоге, расстанемся.

И всё же, как бы оно там не сложилось, я прекрасно понимаю, что Костя всегда будет занимать особое место в моём сердце. И я благодарна ему за подаренные чувства и эмоции, за то, что многому меня научил. Ценить себя в первую очередь.

Я не хочу без него, но понимаю, если что вдруг, справлюсь.

Комментарий к Глава 33

Здравствуй дорогой читатель. Что же, это предпоследняя глава в этом романе, а дальше конец или же всё-таки прекрасное начало. И как всё получится, узнаем совсем скоро. Дайте мне максимум неделю)

Спасибо за внимание!)

===== Эпилог. Испытание временем. =====

Плотная тишина накрыла всех присутствующих мягким покрывалом. Тиканье часов делало её какой-то особенной и волнительной.

Я ощутил на себе взгляд и улыбнулся девушке, что сидела рядом со мной, и только крепче сжал её руку.

— Дождь пошел, — подавляя дрожь в голосе, заговорила мама. — Дождь в дорогу — хорошая примета.

На её замечание отец только снисходительно улыбнулся, но ничего не сказал. Он, как всегда, был собран и не многословен, но бегающие глаза выдавали волнение и грусть.

Шесть лет.

Какими долгими они мне казались в самом начале. И как быстро пронеслись мимо, что и глазом моргнуть не успел.

Ситуация с моим арестом утихла довольно быстро, но домой я не вернулся. Если сперва работал, чтобы прокормить себя, то после это вытекло в некое желание проверить, а смогу ли я?

В первый год я постоянно не досыпал, совмещая две, а временами и три работы. Макс помогал, но хотелось самому заработать денег и перестать работать на чужого дядю. Если раньше меня всё устраивало, то теперь хотелось ни от кого не зависеть и зарабатывать столько, чтобы семья, которая однажды у меня будет, ни в чём не нуждалась.

Сейчас фраза «Я построил бизнес за три года» звучит вдохновляющее и может даже пафосно, очень по бизнес-тренерски, но ничего не было сразу. И не было легко.

Катя восстановилась в институте и, окончив его, перебралась в Москву. И стала моим главбухом.

Попытка доказать себе, что я могу, стала настоящим семейным делом.

Сестра пока не обзавелась семьёй, как и отношениями. После работы с психологом

боязнь мужчин отступила, но она так и не решилась доверять им. Никто не знает, почему так случилось. Повлияла ли какая-то травма или события тех месяцев, когда она считалась пропавшей без вести, наложили свой отпечаток. Она вспомнила всё, кроме того времени. И может оно и к лучшему. Как знать, что спрятано в потайных глубинах её памяти и какое потрясение оно может принести, если вырвется наружу.

У Макса дела идут стабильно в гору. Он вроде даже встретил девушку, с которой вот-вот обещает познакомиться.

Первый год был сложным. Аня не подавала вида, но я чувствовал её тоску и видел следы бессонной ночи, когда болтали в Скайпе. Слышал, каким грустным делался её голос, когда приходилось прощаться.

Первый раз после отъезда встретились только через год. Прилетел на её вручение диплома, не смог удержаться. И видеть, как посветлели глаза, а поджатые губы разошлись в улыбке, это было для меня самым лучшим подтверждением — она меня ждёт.

С машиной она нашла общий язык, хоть и не сразу. Я, умиляясь, наблюдал за тем, как она называет её Ладой, одушевляя, пожалуй, больше чем я сам.

Мы улетели в отпуск, а после стали учиться жить на два города. Как-то само собой решилось, что после отработки она переедет ко мне.

С Мариной они отношения не поддерживали, через Леру узнали, чем всё закончилось.

Она родила сына, тест подтвердил отцовство Глеба. Он участия в его воспитании не принимает, в отличие от его отца. Игорь Владимирович души во внуке не чаёт.

Три года назад я стал крёсным очаровательной рыжеволосой девочки. Аня стала крёсной во второй раз. Она искренне удивлялась и не понимала, как могло случиться, что внезапно образовалась эта пара. А я всего лишь улыбался и пожимал плечами, потому что всё ещё помню тот пьяный ночной разговор на кухне Олега.

Он и Лера - красивая пара. Тот, кто был предан, ценит верность и доверие вдвойне.

— А чего лица-то такие траурные? Пади не в последний путь провожаете! — голос сестры возвращает в настоящее.

— Катерина, ну как так можно говорить! — всплёрнула руками суеверная мама.

— Ой, да она шутит же! — фыркнула Алина с улыбкой. — Я к вам на каникулы приеду, если пустите.

— Конечно, будем рады видеть тебя, — улыбнулась Аня.

В моё отсутствие мой Ангел смог подружиться со всей моей семьёй. Даже старик Дым больше не рычал на неё.

— Когда у тебя первое собеседование? — поинтересовался папа.

— Во вторник, — отозвалась Аня.

Она разослала резюме в разные клиники и почти на все из них откликнулись, пригласив на собеседования.

Я предлагал отдохнуть какое-то время, но она только улыбалась, объясняя, что не для того столько лет училась.

Шесть лет.

Помнил, как боялся, что расстояние притупит наши чувства. Что появится недоверие, а за ним и недопонимание. Что рано или поздно мы просто расстанемся, и каждый пойдёт своей дорогой. Понимал, что это жизнь и случиться может всё, что угодно, но такая дикая тоска накрывала, что сердце щемило.

Мы очень сильно хотели быть вместе, а ещё у нас была возможность слышать голос друг

друга, видеть лицо, пусть даже на экране телефона.

Встречались раз в три-четыре месяца. Строили планы, подыскивали уютную квартиру, думали в какой цвет красить стены и какой кухонный гарнитур заказывать. В итоге год назад взяли ипотеку и купили квартиру в хорошем районе, трёхкомнатную, чтобы с запасом сразу. И ремонт делали, я — присутствуя, а Аня — удалённо.

Даже сквозь расстояние я чувствовал её поддержку. Аня ни разу не упрекнула меня в том, что уделяю ей слишком мало времени, хотя периодами так было. И я пытался извиняться за это, но Аня, всё понимая, только подбадривала: «Ещё пять лет, и мы будем вместе засыпать всегда».

Цифра с каждым разом становилась всё меньше, а трепетное чувство в груди только разрасталось всё больше.

Неделю назад мы поженились. Свадьбу играли в родном городе, в кругу только самых близких. Вообще официально женаты мы уже четыре года. Расписались в один из моих приездов. Мне вожжа под хвост попала, как сказал отец.

Теперь уже понимаю, что ничего штамп в паспорте не меняет. Тогда думал, что это что-то изменит, может ещё ближе нас сделает. А чувства они ведь либо есть, либо нет. Если им суждено уйти, то и эта печать не сможет воспрепятствовать.

— Что ж, долгие проводы — лишние слезы, — хлопаю я по коленям и поднимаюсь, когда свет фар проникает в комнату. — А нам уже стоит двигать в аэропорт. Вон и такси подъезжает.

— Позвоните обязательно, как долетите, — мама напутствует, обнимая всех нас по очереди на прощание.

— Приезжайте в гости, — кивает Катя. — Вы же ещё мою квартиру не видели.

Сестра ключи от своей студии в новостройке получила полгода назад. Она ужасно гордилась, что смогла купить её сама и уже выплатила кредит.

— Мы будем скучать, — Аня украдкой смахнула слезу. В последнее время она стала очень сентиментальной.

Полёт проходит нормально, хоть я и вжимаюсь в кресло от страха, а Аня держит меня за руку. Всё ещё боюсь летать, а уснуть не получается.

Едва вставляю ключ в замок, как по ту сторону двери раздаётся топот. На пороге нас встречает Целый, виляя короткими остатками хвоста. Подобрал пару лет назад, он пришел в автосервис замёрзший и с отмороженным хвостом.

Почти сразу из-за угла вальяжно выходит старичок Гарфилд и снисходительно оглядывает нас.

— Вот мы и дома, — закатываю я чемоданы.

Аня, держа в руках котов, оглядывает просторную прихожую. Она была в квартире и не раз, но окончательного ремонта ещё не видела.

Коты начинают ворчать друг на друга, и ей приходится их отпустить.

— Мне очень нравится, как получилось, — наконец, улыбается девушка. — Белые плитуса в живую ещё лучше смотрятся.

— Это ты ещё новую кровать не видела.

При этих словах она заметно краснеет, что не может не умилять. Моя девочка всё такая же милая и искренняя.

Смотрю на неё и оторваться не могу. Как она осматривает кухню, пытаюсь скрыть своё смущение. Как улыбается, глядя на меня в полоборота. Как распускает волосы, отросшие до

самой поясницы. Как встряхивает головой, рассыпая их по плечам.

Когда подхожу к ней вплотную, ощущаю запах каких-то цветов и дождя. Мне кажется, так пахнет весна. Обнимаю её за талию, мягко притягивая к себе, и чувствую тепло. И сердце заполняет щемящая нежность, радости почти детская — мы вместе. Вместе, и больше не нужно будет провожать друг дружку, расставаться и ждать звонка.

— Покажешь? — тихо спрашивает она, глядя из-под ресниц.

Я только подхватываю на руки и несу в спальню, чтобы долго валяться, прижимаясь её к себе, обнимая, дыша ею.

Что будет дальше? Какие повороты судьбы ждут нас? Столько вопросов, но почему-то впервые за долго время по-настоящему спокойно, словно после всех испытаний наступило долгожданное затишье.

Мы не знали, что ждёт нас впереди. Испытание временем было пройдено, уверен и со всем остальным мы тоже справимся.

Иначе и быть не может.